

Сабин Бэринг-Гулд
Книга оборотней

«Книга оборотней» Сабин Бэринг-Гулд, Азбука, 2010

Сабин
БЭРИНГ-ГУЛД

Книга оборотней

Оборотни: вымысел или действительность?

Разные виды начнет принимать и являться вам станет

Всем, что ползет по земле, и водою, и пламенем жгучим^[1].

Гомер. Одиссея, IV, 401, 417–418

«Книга оборотней» Сабина Бэринг-Гулда представляет собой сочетание экскурсов в мифологию, рассуждений о первобытном образном мышлении, наделявшем животных разумом и отождествлявшем явления природы с живыми существами, описаний исторических процессов над серийными убийцами, пересказов сюжетов из античной и средневековой литературы о всякого рода превращениях и даже сравнительно-лингвистических примеров из европейских языков. Все это сопровождается умеренной дозой духовно-этических комментариев автора, что придает книге оттенок проповеди, — не случайно последняя глава посвящена проповеди об оборотнях средневекового теолога и проповедника Иоганна Гейлера фон Кайзерсберга. В целом жанр данного произведения можно определить как очерк-проповедь, отражающий попытку англиканского священника, исследователя и писателя проникнуть в природу зла, не то заложенного в самом человеке, не то обусловленного бесовским наваждением. Подобная двойственность проявляется как в суждениях и выборе примеров, так и в стиле изложения. С. Бэринг-Гулд, не будучи в строгом смысле слова специалистом ни в мифологии, ни в психологии, ни в физиологии человека, отваживается затронуть тему, которая издавна будоражила лучшие умы человечества, — неведомые глубины сознания, в частности извращение природных инстинктов, в народном представлении воплощенное в образе вервольфа, человека-зверя.

Повседневная жизнь человека защищена от хаоса и безумия простыми и понятными границами: дом, семья, природная и социальная среда, привычные ритуалы индивидуального и коллективного поведения — все это формирует и поддерживает внутреннее равновесие в сознании человека, давая ему ответ на детские вопросы, что такое хорошо и что такое плохо. За пределами устойчивого мира простирается Неведомое, в котором грань между добром и злом может оказаться весьма хрупкой и уязвимой, что всегда страшило и продолжает страшить, создавая фантомы.

Сон разума порождает чудовищ. Низшая (народная) мифология, по мысли Дж. Кэмпбелла, «населяет вероломными и опасными существами все безлюдные места, находящиеся в стороне от обыденной жизни... Опасное одноногое, однорукое и однобокое существо — получеловек, — невидимое, если смотреть на него сбоку, встречается во многих частях земли»^[2]. Страшные чудища (боги, духи, бесы) могут принимать любые обличья, чаще всего пользуясь некоторыми чертами человека, но, выдавая свою истинную — сверхъестественную, бесовскую — природу, непременно обладают звериными чертами и свойствами. В этом смысле параллель «бесовское — звериное» отчетливо прослеживается как в языческой, так и в христианской мифологии. Практически во всех исследованных культурах первобытные божества, как правило, либо чудовища, либо животные, либо сочетание того и другого — обязательно вредоносные, враждебные и опасные для человека.

Нередко эти существа проявляют змеиные признаки: змеиные боги эпохи дриминга у австралийских аборигенов, мировой змей Апоп как воплощение тьмы у древних египтян, а также всевозможные амфисбены, драконы, сциллы, ехидны, аждахи и т. д. Индейцы американского Северо-Запада (квакиутли, тлинкиты, салиши и др.) описывают и изображают духа морской пучины Сисиютля в виде змея с двумя зубастыми головами на обоих концах. С другой стороны, мифологизировались представления о животных предках — тотемах, в число которых входили едва ли не все известные животные от муравья до слона. Например, мирмидоняне произошли от муравьев (более поздний миф описывает происхождение племени от Зевса, обратившегося в муравья, и нимфы Евмедузы)^[3]. Среди народов Азии и Северной Европы наиболее популярным предком считался волк. Мифы о тотемных предках

в дальнейшем трансформировались в мифы о культурных героях, и эти герои чаще всего являлись либо животными, либо полуживотными-полулюдьми, либо людьми, наделенными способностью к оборотничеству. О. М. Иванова-Казас приводит характерные примеры таких образов: «В мифологии тунгусов есть Хомото-Сен (Медвежье ушко) — получеловек-полумедведь, сын девушки и медведя, который выступает в качестве культурного героя... а в качестве тотемических животных упоминаются человек-муха, человек-паук, человек-олень, человек-тигр... Якуты полагали, что сначала бог создал коня, от которого произошел полуконь-получеловек (кентавр), а уже от последнего произошли люди»^[4].

Однако не только низшая, но и высшая мифология (сказания о богах и героях) распространяет аналогичные представления на облик самих богов. Козлиные ноги Пана, сто змеиных голов Тифея, бычьи рога Зевса, лошадиные копыта кентавров и подобные «украшения» многих других божественных персонажей не дают усомниться в том, что и в жизнеутверждающем мифе античного мира страх перед хаосом воплощается в представлении об отсутствии границы между человеческим и иным миром — в оборотничестве, метаморфозе как отличительном признаке вмешательства сверхъестественных сил. Это тем более верно в отношении северных мифов, сумрачных и «холодных» по сравнению со средиземноморскими: например, предводитель скандинавских асов Один превращается в змею, сокола, орла, волка, карело-финский культурный герой Вяйнямейнен — в змею, а первопредок ирландцев Партолон — в лосося.

В большинстве мифов, описывающих отношения между человеком и сверхъестественным миром, присутствует мотив оборотничества, оборотности, которая часто понимается как стирание грани между истинным и ложным, причем оборачиваться могут как сами сверхъестественные существа, так и люди, почему-либо вошедшие в тесный контакт с потусторонним миром. По мнению С. Ю. Неклюдова, в этом мифологическом мотиве «отразились представления о двойной зооантропоморфной природе мифологических персонажей», а также соотнесенность с «архаической концепцией „взаимооборачиваемости“ всех сторон и проявлений действительности»^[5].

Стоит отметить, что двойственность антропозооморфных персонажей проявляется не только в облике, но и в поведении, а различие между человеческим и животным началом в таком существе часто оказывается трудноуловимым. Этот тип, который условно можно назвать подлинным оборотничеством, выражается в повторяемости и многократности превращений. Подлинное оборотничество как бы демонстрирует отдельность иного мира от человеческого мира, всемогущество сверхъестественных сил, то есть являет модели поведения, чуждые и опасные для человека. В отношении человека этот мотив обычно сопровождается различными запретами, табу на контакты со сверхъестественными силами, которые способны спровоцировать превращение человека в животное или чудовище, то есть антропозооморфное существо, либо безвозвратно, либо с условием выполнения каких-либо невыполнимых действий. Содержание и само существование запретов чрезвычайно важно: в них отражается представление об уязвимости человеческой психики под воздействием неведомого, когда человек вольно или невольно нарушает устойчивые модели социального поведения, то есть основы общественных отношений. Например, такой распространенный в европейской мифологической традиции мотив, как запрет пить воду из звериного следа или вкушать пищу мертвых, всегда чреват последующим превращением в животное, гибелью нарушителя (полным уходом его в иной мир) или нежелательным изменением его социального статуса. В этом смысле знаменитый миф о Персефоне, которая попадает в Аид, отведав пищи мертвых — зерен граната, русская сказка о сестрице Аленушке и братце Иванушке или европейские варианты Спящей красавицы, которая нарушила запрет, взяв в руки веретено, — явления одного ряда: поэтическое изложение идеи о переходе из порядка в хаос.

С. Ю. Неклюдов отмечает и другую, не менее важную сторону представлений об оборотничестве: перемена социального статуса в мифологическом сознании тесно связывалась с обретением иного, нового облика: человек, переходя из одного статуса в другой, как бы ритуально умирал и появлялся уже в превращенном виде, иным человеком, иной личностью, иным членом общества. Такие превращения сопровождали свадьбу, инициацию, выборы вождя или царя и подобные значительные события, причем превращение обязательно связывалось с мотивами смерти, умирания, выражаясь в обмороке, принесении в жертву, ритуальном поедании, сне, уходе в лес (море, озеро, горы) и т. п. Очень часто при этом на посвящаемого надевалась особая личина, под которой он должен был проходить обряд, пока не заслужит новый человеческий облик. В народной мифологии это отражалось в сказочных мотивах ритуального зооморфного оборотничества. В английских сказках герой превращается в ежа или в быка, пока его не полюбит прекрасная дева, и только после свадьбы обретает подлинное обличье. Русская Василиса Премудрая является будущему мужу в обличье лягушки. Серый Волк оборачивается сказочным героем после подвигов в качестве помощника Ивана-царевича, а сам Иван становится царем после того, как его сварят в котле с кипящим молоком. Алгонкинский миф о первопредке Алгоне включает мотив превращения героя в мышь ради добывания небесной девы в качестве невесты и впоследствии превращения их в пару соколов^[6], поскольку брак между земным человеком и небесной девой переводит их обоих в разряд людей-духов, следовательно, они уже не способны существовать в человеческом мире, меняют социум.

Подобных примеров можно привести бесконечное множество из самых разных мифологических традиций мира, важно только отметить, что при всем разнообразии обликов и способов превращения они ограничены идеей обряда, временного состояния, после которого обратное превращение невозможно. Ритуальное оборотничество, в отличие от подлинного, по выражению Б. Малиновского, можно рассматривать в его культурной функции как «ретроспективную демонстрацию моделей поведения»^[7], своего рода образец представлений о необходимости преодоления «животного» начала для последующего духовного преображения личности.

Наличие двух направлений в мотиве оборотничества обуславливает и дальнейшее осмысление его в процессе религиозно-культурного развития европейского мира. Если боги-оборотни Древнего мира в условиях христианского мировоззрения постепенно утрачивали божественный статус и низводились до уровня демонов-оборотней, бесов, прельщающих слабое создание божьих овец, то человеческое оборотничество рассматривалось либо как жертвенное явление (бесовское наваждение), либо как злонамеренный (колдовство, чародейство) умысел. И в том, и в другом случае носитель несчастной способности, реальной (ликантропия как болезнь) или мнимой (суеверные домыслы), на протяжении Средневековья и большей части Нового времени подвергался гонениям со стороны Церкви и общества. Именно в этот период полностью утратилось представление о единстве человека с природой (ср. древние представления о человеке как об одном из хтонических существ, сыне матери-земли) и едва ли не все проявления животной природы в человеке начали с подозрением рассматриваться как происки дьявола: «Слова, которые благодаря авторитету Августина и Фомы Аквинского звучали непререкаемо, „все, зримо совершающееся в этом мире, может быть учиняемо бесами“ — приводили христианина, преисполненного доброй воли и благочестия, в состояние величайшей неуверенности»^[8].

В этот процесс немалый вклад внесли средневековые проповедники, набрасывавшие сумрачный покров и на яркие, праздничные краски олимпийцев античного мира, и на суровую, но жизнелюбивую мощь богов-воинов варварского Севера. И в древние, и в позднейшие, уже христианские времена у многих народов Европы бытовали устойчивые представления о сверхъестественных существах, не обладавших божественной силой, но

имевших двойственную зооантропоморфную природу, способных превращаться из людей в животных или превращенных в животных на время по чьей-либо злой воле. Сказки, поверья, былички и даже «научные описания» таких существ встречаются в самых разных источниках. Чаще всего эти представления связываются с образом волка, точнее, волка-оборотня, в русском мифе — в волколака (волкодлака, волкулака, вовкулаки). Волколак — человек-оборотень, который, обретая волчий облик, сохраняет при этом человеческий разум, хотя и наполовину перемещается в иной мир, не человеческий, но и не вполне звериный. В волколака мог превращаться колдун с недобрыми намерениями, а также обычный человек, но не по своей воле, а по злему умыслу колдуна^[9].

Под воздействием христианства народное сознание переосмысляло традиционные мифы, внося в них иные мотивы. В частности, представления о волках-оборотнях стали ассоциироваться с бесовским наваждением и кознями дьявола. Самый вредоносный персонаж в христианском мифе — дьявол — существо с рогами, копытами и хвостом, ангел, низведенный собственными злодейскими помыслами до уровня зверя. В средневековом сознании дьявол тесным образом был связан с волком, однако в раннем Средневековье эта связь в значительной степени носила аллегорический, а не суеверный характер. В латинском бестиарии XII века (в XX веке компилированном и переведенном на английский язык Т. Х. Уайтом) сказано, что «дьявол имеет большое сходство с волком: он злобно взирает на род человеческий и рыщет вокруг верных овец стада Божия, чтобы напасть на них и погубить их души»^[10]. Бестиарий упоминает множество различных животных, в том числе довольно фантастических, однако в нем ни слова не говорится о вервольфах, из чего мы делаем вывод, что человеко-звери (зверолюди) не рассматривались как представители животного мира, а возможно, представления об их существовании отвергались набожными учеными-физиологами тех времен как суеверия. Во всяком случае, литературные памятники Средневековья в Европе, а также в России нередко используют мотив оборотничества в положительном истолковании. Например, в «Слове о полку Игореве» говорится о князе Всеславе, который был способен от Киева достичь за ночь Тьмутаракани, «великому Хорсу волком путь перебегая», то есть мог оборачиваться волком по ночам.

Зато в более поздние времена, в XIV–XVI веках, низшая демонология, в частности представление об оборотнях как бесовском воплощении, получила широкое распространение. Причем это парадоксальным образом сочеталось с активной деятельностью Церкви по искоренению суеверий, в результате чего демономания приняла невиданный размах и сопровождалась всевозможными историями об оборотнях и волколаках. По утверждению В. П. Даркевича, «в Западной Европе, начиная с XIV века и особенно в XV–XVI веках, атмосфера демономании сгущается и воображением людей с особой остротой завладевают сцены Апокалипсиса, возрастает и страх перед загробным возмездием, что засвидетельствовано и памятниками письменности, и искусством»^[11]. Исследователи духовной культуры Средневековья говорят о «глубоком падении богословской мысли», догматизации христианства, о внедрении в сознание «самых наивных представлений народной вульгарной религии»^[12]. О. А. Добиаш-Рождественская, в частности, пишет о наиболее мрачной полосе Средневековья, стихийном спаде к невежеству в сочетании с наивной вульгарной фантастикой и походом против мирской науки, заложенных еще в сочинениях папы Григория Великого (VI век) и определивших христианское сознание вплоть до Нового времени. Характерно, что в начале своей деятельности Григорий, посылая епископа Августина Кентерберийского к англосаксам, рекомендует ему «программу компромисса» — приспособления проповеди и обрядов христианства к старому языческому обычаю, «смыкая новые святилища... их праздники, героев и обычаи со святилищами, праздниками и т. п. народной языческой старины»^[13].

Это смыкание сопровождалось, с одной стороны, огрублением христианских догматов, с другой — демонизацией языческих верований. В свете христианских представлений

свойство Одина оборачиваться в волка перевело его из богов в разряд демонов-колдунов, главная опасность которых состояла не в том, что они могли пожрать тело человека, а в том, что они способны были погубить его бессмертную душу. Аналогичным образом древние языческие представления о зооантропоморфных превращениях в простонародном сознании стали устойчиво связываться с нечистой силой, бесовщиной, черной магией и т. п. Любое отклонение от нормы, непохожее, странное поведение или событие рассматривались и воспринимались как происки дьявола, колдовство, а значит, оборотничество. Именно в эту эпоху концепт оборотничества в простонародном сознании утратил положительные признаки (родство с природой, покровительство высших сил, особые способности и проч.) и закрепил отрицательные (нечистая сила, чернокнижие, бесовщина, кровожадность и проч.).

Раздвоение понятия и оценки оборотничества достаточно отчетливо прослеживается и в книге С. Бэринг-Гулда, где собраны как очаровательные предания о лебединых девах и иных языческих образах, так и устрашающие былички и поверья о вервольфах в период от позднего Средневековья до XIX века. К тому времени мифологический образ оборотня, его профанация в народном сознании и реальные проявления противоестественной жестокости и неустойчивости психики уже становились предметом внимания не только богословов, но и ученых, прежде всего врачей и физиологов, к исследованиям которых обращается Бэринг-Гулд в поддержку своего основного тезиса о том, что представление об оборотнях — это продукт невежественного ума, наивная попытка объяснить дикое, звероподобное поведение человека.

Сабин Бэринг-Гулд (28 января 1834 — 2 января 1924) — англиканский священник и проповедник, богатый землевладелец, писатель, агиограф, исследователь, собиратель фольклора (народной поэзии, преданий, быличек и сказок), многодетный отец — был едва ли не воплощением «человека викторианского», то есть крайне респектабельного, твердого в религиозных и нравственных устоях, трудолюбивого и сильного духом, и в то же время чудаковатого, если не сказать эксцентричного. Чтобы представить себе, что может привлечь внимание такого человека к теме оборотничества настолько, что он посвящает этому целую книгу, стоит пристальнее взглянуть в его биографию и перечень изданных им книг, очерков, статей, стихов, пьес, заметок и иных публикаций — по подсчетам исследователей, их всего около тысячи двухсот!

Сабин Бэринг-Гулд родился в очень состоятельной семье, принадлежавшей к старинному банкирскому роду Бэрингов. Большую часть детства и юности он провел за границей, а потому получил общее образование не в школе, а от частных учителей, что не помешало ему в 1853 году поступить в Кембриджский университет и стать обладателем сначала степени бакалавра (1857), а затем и магистра (1860). Вскоре после этого он был рукоположен и назначен на должность викария, а впоследствии стал пастором в приходе Ист-Мерси в Эссексе, где и прослужил до 1880 года. В 1880 году он унаследовал богатое семейное поместье в Лю-Тренчарде, в Девоншире, там же получил бенефиций и в 1881 году возглавил приход, которым управлял более сорока лет вплоть до своей кончины в 1924 году. В качестве богатого землевладельца он перестроил и усовершенствовал главный дом усадьбы Тренчард-Мэнор, а в качестве пастора осуществил реставрацию церкви Святого Петра (XVII век).

Его семейная жизнь, имея необычное начало, сложилась вполне обычно и благополучно в викторианском духе: он прожил сорок восемь лет в счастливом браке и имел пятнадцать детей, из которых все жили долго, кроме одной дочери, умершей в младенчестве. Необычность заключалась в том, что, будучи викарием и отпрыском богатой и влиятельной семьи, Бэринг-Гулд проникся романтической любовью к дочери простого фабричного

рабочего, шестнадцатилетней Грейс Тейлор, отправил ее в семью священника в Йорк, где она получила домашнее воспитание и образование, и женился на ней несколько лет спустя. Эта история вдохновила Бернарда Шоу, друга Бэринг-Гулда, на написание пьесы «Пигмалион». Грейс умерла в 1916 году, и Бэринг-Гулд высек на ее могильной плите надпись на латинском языке: *Dimidium Animae Meae* (Половина моей души).

При всей преданности семье, даже в этой сфере Бэринг-Гулд отличался эксцентричностью, в частности, его биографы приводят случай, когда на детском празднике он доброжелательно поинтересовался у одной из девочек: «Малютка, кто твой отец?» Та залилась слезами и ответила: «Ты, папочка!» Девочка оказалась его дочерью Джоан.

Однако семейная жизнь составляла всего лишь своего рода надежный тыл, а главная деятельность Бэринг-Гулда разворачивалась в области общественного и письменного творчества. В наши дни он почти забыт как писатель, хотя опубликовал тридцать шесть романов, книги готических рассказов, стихи, песни, жития святых, проповеди, историко-краеведческие очерки многих областей Англии, прежде всего Девоншира, записанные им народные предания и песни, а также очерки по мифологии христианства и народным поверьям, в том числе «Книгу оборотней», и мемуары.

Сам он считал главным своим детищем несколько сборников народных песен и особенно гордился музыкально-поэтическим изданием «Английские народные песни для школы» (*English Folk Songs for Schools*, 1907). Этот сборник был весьма популярен в английских школах в течение всего XX века: туда вошли самые разные песни, от детских считалок до баллад и гимнов. Бэринг-Гулд проделал огромную полевую работу по записыванию народной лирики: после него осталось более тридцати ящиков с рукописями неопубликованного песенного материала, которые в настоящее время хранятся в библиотеках Девона, Кембриджа и Лондона. Многие тексты ему пришлось переделывать, поскольку они звучали грубовато на чопорный викторианский вкус и не вполне годились для школьного обихода, но он сохранил оригинальные тексты, с тем чтобы исследователи народного творчества имели возможность использовать их. Вообще музыкально-песенная составляющая его творчества, помимо этого бесценного собрания, выразилась в написанном им среди десятка других праздничном гимне для церковного шествия «Вперед, воины Христовы» (*Onward, Christian Soldiers*), который принес ему поистине всенародную славу.

Помимо записи и обработки народных песен, трудно переоценить его деятельность по собиранию повествовательного фольклора, особенно традиционных рассказов о всякого рода чертовщине, в том числе о бесовских животных, ведьмах и оборотнях. Надо сказать, что Девоншир и Корнуолл особенно славятся такими рассказами, выделяясь даже в богатой фольклором Англии: именно здесь и по сей день широко распространены истории о черных собаках, черных (или пестрых) демонических свиньях и кошках, ведьмах, оборотнях и призраках. Собранные им былички составили несколько книг, в частности «Странные существа и случаи в Девоншире» (*Devonshire Characters and Strange Events*, 1908), «Странные существа и случаи в Корнуолле» (*Cornish Characters and Strange Events*, 1909), «Книга фольклора» (*A Book of Folklore*, 1913) и др. Кроме демонического фольклора, он также собирал и обрабатывал различного рода легенды христианского содержания, вошедшие в книги «Сказания о героях Ветхого Завета» (*Legends of Old Testament Characters*, 1871), «Сказания о патриархах и пророках» (*Legends of the Patriarchs and Prophets*, 1872) «Утраченные и враждебные Евангелия» (*The Lost and Hostile Gospels*, 1874). Самой большой популярностью (вплоть до наших дней) пользовалась его сравнительно ранняя книга на эту тему «Любопытные мифы и легенды Средневековья» (*Curious Myths of the Middle Ages*, 1866–1868)^[14].

Романы и рассказы С. Бэринг-Гулда также в значительной степени отражают его интерес к таинственному и необъяснимому, что особенно ярко выразилось в сборнике «готических»

рассказов «Книга призраков» (*A Book of Ghosts*, 1904). При всем том он же является автором шестнадцатитомного собрания «Жития святых» (*Lives of the Saints*, 1872–1889) и других агиографических работ, множества проповедей, церковных гимнов и трудов по развитию и становлению христианской веры.

Неоднозначность и многогранность самой личности писателя, его причудливые увлечения вкупе с невероятным трудолюбием, которое помогало ему достичь результата в любой интересной для него области, нашли отражение уже в его ранних произведениях, в частности в «Книге оборотней» (*The Book of Were-Wolves*, 1865), одном из наиболее широко цитируемых источников в исследованиях по ликантропии, «волчьей болезни», уступающем по популярности разве что упомянутым выше «Любопытным мифам и легендам Средневековья».

Можно по-разному относиться к «Книге оборотней», искать и находить (или не находить) в ней многообразные аспекты и оттенки этого расплывчатого понятия, но нельзя отказать автору в отваге: браться за тему, в которой так тесно переплелись самые различные области науки, религии и повседневности, решится не всякий. Разумеется, в каждой из этих областей Бэринг-Гулд предстает безусловным дилетантом, и его философский пафос в истолковании паранормальных явлений отличается заметным эклектизмом и непоследовательностью. Например, затрагивая мотив оборотничества в мифологии, он не проводит грани между первобытными (тотемными, анимистическими и др.), эллинистическими и средневековыми представлениями о зооантропоморфизме, уже в первой главе утверждая, «что под маской мифа скрыта страшная реальность, а в основе народного суеверия лежит объективная истина. Эта истина такова: некоторым из нас от природы присуща жажда крови, которую в обычных условиях мы в состоянии сдерживать, однако в силу различных обстоятельств она может неожиданно брать верх над разумом, вызывать галлюцинации и провоцировать каннибализм». Эта установка изначально суживает само понятие, сводя его только к «кровожадному оборотничеству», порождаемому нездоровым сознанием и порождающему преступления. Подобная установка в дальнейшем повествовании проявляется, например, в том, что Бэринг-Гулд практически не рассматривает примеры «некроваго», или жертвенного, оборотничества, а если и приводит такие примеры, то не комментирует тот очевидный факт, что они расходятся с им же самим сформулированным объяснением природы образа оборотня.

Вследствие этого читателю остается не вполне понятным, какая связь существует между «лебедиными девами» (глава 10) и скандинавскими берсерками (глава 9), а также между переселением душ и кровавыми маньяками из реальных судебных процессов (главы 11–13). Переход от одного вопроса к другому Бэринг-Гулд преодолевает с необыкновенной легкостью, утверждая, что «мифологические образы... затем постепенно отторгались от самих явлений и превращались в грубые суеверия», и, не пытаясь как-либо пояснить процесс такого превращения, обращается непосредственно к примерам «вампиризма, зверства и каннибализма», то есть, по существу, ставит знак равенства между оборотничеством и каннибализмом, а заодно между оборотнями и вампирами. В этом отношении его главный тезис оказывается несколько декларативным, потому что само понятие оборотничества в приложении к преступлениям Дюмойара или Святека носит скорее аллегорический характер, ибо волками они не оборачивались и себя таковыми не представляли.

Другая проблемная сторона этого очерка состоит в размытости представления о научном анализе и доказательстве как инструментах подлинно научного подхода к исследованию. Например, большинство приводимых Бэринг-Гулдом примеров никак не анализируются автором и являют собой некий иллюстративный материал, нередко совершенно разнородный (см. набор историй в главах 6, 7, 9). Тот же самый недостаток можно отметить и в подходе к историческим событиям: по существу, страшная, трагическая судьба маршала де Реца никак

не анализируется, просто пересказывается в сокращении официальная версия процесса, юридическая несостоятельность которого должна быть очевидна для ученого конца XIX века, в то время как психологическая сторона дела и ее связь с идеей «волчьей болезни» как суеверия остается неясной. И конечно же, как духовное лицо и священник высокой Англиканской церкви, Бэринг-Гулд обходит парадоксальную роль христианства в распространении этого суеверия: ведь именно средневековая «охота на ведьм» Римско-католической церкви спровоцировала в эпоху «осени Средневековья» болезненно-мрачное истолкование наследия язычества и породила массовые психические отклонения, обусловленные боязнью греха и ужасами Страшного суда, в том числе и такие, как представление себя вместилищем дьявола или его жертвой, например ведьмой или оборотнем.

В то же время «Книга оборотней» не случайно занимает достойное место как источник цитирования по данной тематике, прежде всего благодаря обширной эрудиции автора, масштабному подходу и богатому материалу. В сущности, эта книга остается едва ли не единственным историко-философским обзором по данной теме, в отличие от специальных трудов по физиологии или психиатрии, а также многочисленных спекуляций на тему паранормальных явлений и псевдонаучных статей, появившихся за последнее время и продиктованных скорее праздным любопытством и даже суеверием, чем искренним намерением разобраться в природе и истоках данного понятия.

Т. Казакова

От переводчиков

Несколько замечаний в связи с переводом «Книги оборотней» на русский язык. Переводчики встретились здесь с множеством осложнений, не последнее место среди которых занимает способ ссылок у Бэринг-Гулда. Литературные и научные источники приводятся в тексте или в сносках самым вольным образом, иногда без указания имен авторов, даты или названия, так что восстановить их сегодня чрезвычайно трудно.

Поскольку научные и документальные источники по большей части не переводились на русский язык, они оставлены нами в переводе в исходном виде, при этом стиль и особенности авторского цитирования сохранены.

Литературные цитаты при наличии опубликованных русских переводов приводятся с указанием переводчика. Однако иногда, особенно в поэтических текстах, в известных переводах форма исходного текста изменена, в результате чего слова и выражения, на которые ссылается Бэринг-Гулд, в русском тексте могут отсутствовать или замещаться другими, не настолько выразительными с точки зрения данной темы. В отсутствие опубликованных переводов или при их крайнем несоответствии условиям цитирования, переводчики включали в текст собственный перевод.

Некоторые мифологические или исторические имена даны у Бэринг-Гулда в измененном или неточном виде, в том числе в разных вариантах на протяжении книги, — в этом случае переводчики ориентировались на русские информационно-справочные источники и использовали единую наиболее частотную форму имени.

Бэринг-Гулд нередко включает в текст имена, географические названия и упоминания об исторических событиях, которые могут быть неизвестны русскому читателю и без которых затрудняется понимание смысла того или иного отрывка. Иногда имя сопровождается неточной или неверной интерпретацией, которая к настоящему времени устарела. В таких случаях возникала необходимость в переводческих примечаниях, которые имеют целью облегчить читателю непосредственное восприятие книги, а также дать представление о временных и пространственных масштабах поднятого Бэринг-Гулдом материала. При этом

некоторые авторы, на которых ссылается Бэринг-Гулд, названы лишь по имени без указания на сам источник и даже на время публикации или создания, между тем характер издания и время публикации проливают свет на суть цитаты. Порой идентификация источника вызывала затруднения, и потому некоторые имена в примечаниях переводчика приводятся со ссылкой «возможно» или «по-видимому».

В книге нередко встречаются цитаты на латинском, французском, греческом, немецком и других языках, в том числе на средневековых вариантах языка. Такие цитаты оставлены в тексте на исходных языках, а перевод приводится либо рядом, либо в постраничных сносках.

Наконец, может быть, самое существенное из осложнений. В оригинальном названии книги Бэринг-Гулд использует слово *were-wolves*, которое может быть двояко переведено на русский язык: оборотни или вервольфы. В сущности, тема, которую затрагивает автор, точнее передается именно словом «вервольф» (волко-человек, волколак или волк-оборотень), ибо именно в кровожадности и свирепости этого образа и заключается главный пафос книги, тогда как оборотень не обязательно ассоциируется с волком и может принимать какое-нибудь вполне безобидное, отнюдь не хищное обличье, например мыши или зайца. В то же время в русском языке значение слова «вервольф» гораздо уже, чем у исходного *werewolf* в английском, а понятие «оборотень» в русском языке шире, чем *werewolf* в английском. Решение в пользу расширительного толкования представилось нам в данном случае более приемлемым.

Перевод сделан по изданию: *Baring-Gould S. The Book of Were-Wolves: Being an Account of a Terrible Superstition. London. 1865*. Однако, как и в большинстве англоязычных переизданий XX века, мы опустили «Вступление» и сократили название до «Книга оборотней».

Т. Казакова, Е. Третьякова

Сабин Бэринг-Гулд
Книга оборотней

Глава первая
ВВЕДЕНИЕ

Ту ночь я не забуду никогда. Помнится, я путешествовал по Вьенне^[11] и оказался вынужден довольно поздно возвращаться с прогулки к малоизвестному друидическому мегалиту, так называемому Губчатому Камню, что в местечке Ла-Рондель, близ города Шампиньи. Я узнал об этом кромлехе после прибытия в город, когда день уже клонился к вечеру, и, не рассчитав время, немедленно отправился на поиски древнего святилища. Величавый мегалит предстал передо мной в лучах заходящего солнца. Уже в сумерках я сделал несколько пейзажных зарисовок и отправился назад. Путь предстоял неблизкий, а я и без того был уже порядком изнурен, потому что с утра прошагал не меньше десятка миль. Вдобавок, карабкаясь по каменистым перевалам в поисках галльского кромлеха, я поранил ногу.

Увидев неподалеку от дороги деревушку, я направился туда в надежде взять у кого-нибудь из тамошних жителей двуколку и добраться на ней до ближайшего постоянного двора. Однако меня ожидало разочарование. Местные крестьяне вообще плохо понимали по-французски, а случайно встреченный священник в ответ на расспросы заверил, что лучшего транспортного средства, чем телега на деревянных колесах, в здешних краях не сыскать. Верховых лошадей тут, разумеется, тоже нет и в помине. Кюре был так добр, что пригласил усталого путника к себе на ночлег, но я был вынужден отказаться, не желая волновать понапрасну жену и детей, — на следующее утро мы собирались как можно раньше покинуть город.

Тут к нам подошел сельский староста и сказал на ломаном французском:

— Месье лучше не ходить никогда ночью через ту долину, ведь там... там... — его голос дрогнул, — там *loups-garoux*^[15].

— Но он говорит, ему очень надо, — возразил старосте священник на местном наречии. — Неужели некому его проводить?

— Ах, кюре, да кто же из наших осмелится на такое? Ведь потом бедняге придется возвращаться домой в одиночку!

— Так пусть месье возьмет двоих провожатых, и тогда на обратном пути им будет не так страшно.

— Пику говорит, что нынче вечером своими глазами видел оборотня, — вмешался в разговор какой-то крестьянин, — вон на том гречишном поле. Солнце едва село, когда Пику услышал за спиной шорох, обернулся и обомлел: на краю поля стоял огромный волк, чуть ли не с теленка размером. Алый язык чудища был вывален из пасти, темные глаза горели недобрым огнем. *Mon Dieu!*^[16] Да кто после этого сунется ночью на болота?! Ведь смертные даже вдвоем ни за что не смогут противостоять этакому монстру!

— Вряд ли стоит искушать судьбу, — сказал один из старейшин деревни. — Согласитесь, кюре, ведь Господь едва ли станет помогать безумцу, который сам обрек себя на верную гибель? Кажется, именно об этом говорилось в проповеди, которую вы читали нам в первое воскресенье Великого поста? Да и в Святом Евангелии так написано.

— Верно, — закивали остальные собравшиеся.

— Язык у чудища огромный, а глаза так и горят! — не унимался тот, чей друг Пику встретил оборотня.

— *Mon Dieu!* Если бы я такое увидел, я бы точно дал деру! — испуганно проговорил кто-то из толпы.

— В этом, Кортрэ, я даже не сомневаюсь, — пошутил староста.

— Ей богу, этот монстр размером с теленка! — продолжал наводить ужас рассказчик.

— И ладно бы это был просто огромный волк... — тут староста помедлил, косясь на священника, — так ведь это сущий дьявол! Дьявол, вселившийся в человека и обративший его в волка, — человеко-волко-дьявол!

— Но что в таком случае делать этому несчастному? — обратился к пастве святой отец, указывая на меня.

До этого момента я просто слушал, кое-как понимая местный говор, но тут решил вмешаться в разговор:

— Не беспокойтесь, я как-нибудь сам доберусь, а ежели повстречаю вашего *loup-garou*, отрежу ему хвост и уши и пришлю вам, господин староста, в знак моего почтения.

Раздался вздох всеобщего облегчения — собравшиеся были явно рады, что я освободил их от ответственности за мою дальнейшую судьбу.

— *Il est Anglais*^[17], что с него взять? — покачал головой староста, вероятно имея в виду, что к англичанам у дьявола особое расположение.

Я отправился по тропе через заболоченную долину, которая днем казалась мне безжизненной и пустынной, а в темноте производила довольно зловещее впечатление. На вечернем серо-синем небе не было ни облачка, всходила молодая луна, а на западе у горизонта еще догорала полоса заката. Во все стороны, насколько хватало глаз, простирались бесконечные торфяники: меж кочек блестела стоячая вода, и из этих лужиц доносилось громкое кваканье бесчисленных лягушек, нарушая тишину летней ночи. Болота заросли мхом и вереском, на низменных участках темнели густой камыш и осока, шелестевшие на ветру. Кое-где на небольших песчаных холмах виднелись одинокие сосны — их силуэты вырисовывались на фоне ясного неба. Кругом — ни души, ни огонька. Единственный признак цивилизации — мощенная серыми плитами дорога, тянущаяся через болота многие-многие мили.

Вполне возможно, что волки действительно обитали в той местности. Должен признать, что, вдоволь наслушавшись баек, я счел за благо вооружиться и отломил довольно крепкий сук от первого же дерева, которое встретилось на пути.

Вот так я впервые столкнулся с верой в оборотней, и убежденность тех сельских жителей в собственной правоте настолько меня удивила, что я решил обратиться к истории этих мифологических существ, так сказать, изучить их нрав и повадки в теоретическом аспекте.

К сожалению, на практике мне до сих пор не посчастливилось ни заполучить образчик этого редкого создания, ни хотя бы увидеть его, притом что его следы обнаруживаются едва ли не всюду. Таким образом, мои научные интересы отчасти сродни интересам палеонтолога, который реконструирует скелет и внешний облик какого-нибудь лабиринтодонта, имея в распоряжении лишь отпечаток его когтистой лапы в известняке да обломок кости. Так и я, не сумев пленить ни единого оборотня для проведения непосредственных наблюдений, в то же время тешу себя надеждой написать довольно правдивый и исчерпывающий труд об этих удивительных существах.

На самом деле следы оборотней можно найти везде. Наверное, в наше время они просто стали редко встречаться в природе, как какие-нибудь динорнисы или дронты, зато в древности их лапы ступали по глубоким снегам Севера, а их вой нарушал покой почивших царей Востока. Античность и Средневековье буквально кишели оборотнями. Современному человеку, лишенному необходимости соседствовать с ними, а также с вампирами, упырями и прочей нечистью, как говорится, грех жаловаться. Хотя, вообще-то, кто его знает? Может быть, мы рано радуемся и в действительности оборотни вовсе не вымерли? Возможно, они

до сих пор бродят где-нибудь в лесах Абиссинии или в степях Азии? Или томятся в обитых войлоком палатах психиатрических лечебниц?

В последующих главах я собираюсь обратиться к упоминаниям об оборотнях в произведениях древних и античных авторов, в скандинавских сагах, а также в средневековых хрониках. Кроме того, я постараюсь не обойти вниманием и современный фольклор, связанный с явлением ликантропии.

В результате читатель поймет, что под маской мифа скрыта страшная реальность, а в основе народного суеверия лежит объективная истина.

Эта истина такова: некоторым из нас от природы присуща жажда крови, которую в обычных условиях мы в состоянии сдерживать, однако в силу различных обстоятельств она может неожиданно брать верх над разумом, вызывать галлюцинации и провоцировать каннибализм. В этой книге будут описаны случаи, когда в подобных условиях людям казалось, что они превращаются в зверей: в новом обличье они впадали в дикую ярость, безжалостно убивали своих жертв, а потом пожирали их.

Впрочем, некоторые из описываемых мною злодеев вовсе не страдали от подобных галлюцинаций, не испытывали склонности к каннибализму и совершали убийства исключительно из прихоти, потакавая собственной кровожадности.

В отдельных случаях, о которых также пойдет речь в этой книге, выявленные акты каннибализма не сопровождались галлюцинациями и осуществлялись в здравом уме и трезвой памяти.

Глава вторая ЛИКАНТРОПИЯ В ДРЕВНОСТИ

Что такое ликантропия? — Марцелл Сидийский. — Вергилий. — Геродот. — Овидий. — Плиний. — Агрипас. — Петроний. — Легенды Аркадии. — Толкование

Что такое ликантропия? Ликантропия — это превращение мужчины или женщины в волка, способного нападать на людей и поедать их. Данное превращение либо производится намеренно при помощи волшебства, либо происходит ненамеренно и трактуется как Божья кара за какой-нибудь серьезный проступок.

Таково традиционное определение ликантропии. Разумеется, на самом деле это явление соотносится с определенной формой сумасшествия, которая часто диагностируется у пациентов психиатрических лечебниц.

В древности существовало несколько разновидностей этого расстройства: кроме ликантропии, были распространены также куантропия и боантропия, при которых людям чудилось, что они превращаются, соответственно, в собак или коров. На севере Европы, как вы вскоре убедитесь, наиболее привлекательным для оборотничества животным оказался медведь, в Африке — гиена. Впрочем, о вкусах не спорят.

В дошедшей до нас главе о ликантропии из медицинской поэмы Марцелла Сидийского (*греч.* Περί λυκανθρώπου)^[2] говорится о том, что у людей, страдающих таким недугом, наблюдаются обострения в начале каждого года, особенно в феврале. Несчастные в своем поведении полностью уподобляются волкам или псам, а ночами предпочитают уединяться на кладбищах.

В восьмой эклоге «Буколик» Вергилий^[3] пишет:

Has herbas, atque haec Ponto mihi lecta venena

*Ipse dedit Mœris; nascuntur plurima Ponto.
His ego sæpe lupum fieri et se condere silvis
Mœrim, sæpe animas imis excire sepulcris,
Atque satas alio, vidi traducere messes.
Трав вот этих набор и на Понте найденные яды
Мерис мне передал сам — их много родится на Понте.
Видела я, и не раз, как в волка от них превращался
Мерис и в лес уходил; нередко души умерших
Он из могил вызывал и сводил урожаи к соседу.*

В «Истории» Геродота^[4] содержатся сведения о народе невра, живущем в северных землях: «Невры, по-видимому, колдуны. Скифы и живущие среди них эллины, по крайней мере, утверждают, что каждый невр ежегодно на несколько дней обращается в волка, а затем снова принимает человеческий облик» (книга IV, 105).

Помпоний Мела^[5] также рассказывает об этом народе: «В определенное время любой невр, если хочет, превращается в волка, а затем опять принимает прежний вид» (книга II, 1).

Широко известен античный сюжет, к которому обращается Овидий^[6] в своей поэме «Метаморфозы»: Ликаон^[7], царь Аркадии, в доказательство своего всемогущества принес в жертву Юпитеру младенца и за это был превращен в волка (см.: Овидий «Метаморфозы», книга I, 237; а также Павсаний «Описание Эллады», книга VIII, 2, § 1;

Иоанн Цец «Схолии к Ликофрону», 481; Эратосфен «Катастеризмы», книга I, 8).

*...Воем, пытаюсь вотще говорить. Уже обретаю
Ярость бывшие уста, с привычною страстью к убийству
Он нападает на скот, — и доныне на кровь веселится!
Шерсть уже вместо одежд; становятся лапами руки.
Вот уж он — волк, но следы сохраняет прежнего вида:
Та же на нем седина, и прежняя в морде свирепость,
Светятся так же глаза, и лютость в облике та же.*

Плиний Старший^[8], ссылаясь на Эванта, повествует о том, что в ходе празднеств в честь Юпитера Ликейского в роду Антея принято было выбирать юношу для своеобразного приношения. Его отводили на берег Аркадского озера, где он разоблачался и, прыгнув в воду, оборачивался волком. Через девять лет волк мог вернуть прежний облик, но только если за этот срок он не вкусил человеческой плоти, причем после повторного превращения оборотень выглядел на девять лет старше.

Агриопас^[9] рассказывает о некоем Демэнете, который во время человеческих жертвоприношений, совершавшихся в Аркадии в честь Юпитера Ликейского, познал вкус плоти, превратился в волка и оставался в этом обличье в течение десяти лет, после чего вновь стал человеком и даже принял участие в Олимпийских играх.

В «Сатириконе» Петрония^[10] находим следующий эпизод:

«...На мое счастье, хозяин по каким-то делам уехал в Капую. Воспользовавшись случаем, я уговорил нашего жильца проводить меня до пятого столба. Это был солдат, сильный, как Орк. Двинулись мы после первых петухов — луна всю сияет, светло как днем. Дошли до кладбища. Приятель мой остановился у памятников, а я похаживаю, напевая, и считаю могилы. Потом посмотрел на спутника; а он разделся и платье свое у дороги положил. У меня душа в пятки: стою ни жив ни мертв. А он обмочился вокруг одежды и вдруг обернулся волком. Не думайте, что я шучу; ничьего богатства не возьму, чтобы соврать.

Итак, на чем я остановился? Да, превратился он в волка, завыл и ударился в лес! Я спервоначала забыл, где я. Затем подошел, чтобы поднять его одежду, — а она окаменела. Если кто тут перепугался до смерти, так это я. Однако вытащил я меч и всю дорогу рубил тени, вплоть до самого дома моей милой. Вошел я белее привидения. Едва духа не испустил; пот с меня в три ручья льет, глаза закатились; еле в себя пришел... Мелисса моя удивилась, почему я так поздно.

„Приди ты раньше, — сказала она, — ты бы нам пособил; огромный волк ворвался в усадьбу и весь скот передушил: словно мясник, кровь им выпустил. Но хоть он и удрал, однако и ему не поздоровилось: один из рабов копьем шею ему проткнул“.

Как услышал я это, так уж и глаз сомкнуть не мог и при первом свете побежал быстрее ограбленного трактирщика в дом нашего Гая. Когда поравнялся с местом, где лежала окаменевшая одежда, вижу: кровь, и больше ничего... Пришел я домой. Лежит мой солдат в постели, как бык, а врач лечит ему шею. Я понял, что он оборотень, и с тех пор куска хлеба съесть с ним не мог, хоть убейте меня. Всякий волен думать о моем рассказе что хочет, но да прогневаются на меня ваши гении, если я соврал».

В античных мифах Юпитер превращался в быка, Гекуба — в собаку, Актеон — в оленя, спутники Улисса — в свиней, а дочери Протея отправились пастись на луг, решив, будто стали коровами, и сторонились людей, покуда их не взяли на привязь.

Августин Блаженный^[11] в трактате «О граде Божьем» упоминает одну знакомую пожилую женщину, которая якобы умеет силою колдовства превращать людей в ослов.

В осла с помощью чудесной мази превращается и главный герой замечательного романа Апулея^[12] «Золотой осел».

Следует отметить, что особенное распространение ликантропия получила в Аркадии. Возможно, это было обусловлено рядом причин. Местное население активно занималось сельским хозяйством, разводило скот, а волки наверняка наносили стадам существенный урон. Чтобы избавиться от напасти, пастухи приносили в жертву богам, скорее всего, младенцев, о чем косвенно свидетельствует миф о Ликаоне. По-видимому, в мифе нашел отражение факт человеческого жертвоприношения, который ассоциировался с именем царя, положившего начало такому обряду.

Однако, с другой стороны, сюжет этого мифа слишком широко известен, чтобы рассматривать его в сугубо историческом контексте и связывать с конкретным событием, происшедшим в определенной местности.

В прошлом почти весь мир верил в оборотней, а кое-где эта вера оказалась настолько сильна, что сохранилась и поныне. Вряд ли скандинавские вервольфы поддерживали непосредственную связь с оборотнями Аркадии. Очевидно, мы имеем дело с очень древним суеверием, одинаково глубоко укоренившимся в умах викингов, тевтонов и греков задолго до рождения царя Ликаона. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к литературе Древнего Востока, где подобные сюжеты также весьма популярны.

Глава третья ОБОРОТНИ СКАНДИНАВИИ

Скандинавские традиции. — Виды оборотничества. — «Песнь о Вёлунде». — «Сага о Волсунгах». — «Сага о Хрольве Жердинке». — Фарерская песня. — «Песнь о Хельги». — «Сага о людях из Озерной Долины». — «Сага о людях с Песчаного Берега»

В Норвегии и Исландии когда-то жили люди, которых называли *eigi einhamir* (букв. «меняющие шкуру»). Предания о них явно имеют языческие корни. Как гласят легенды, эти

люди могли менять свое обличье и становиться самыми разными существами. Их тело после превращения — «другая шкура» — ничем не уступало их исходному облику и даже называлось точно так же — *hamr*. В древнескандинавском языке имелись специальные слова и выражения, обозначавшие, например, процесс превращения оборотня, «смену шкур», — *at skipta hötum* или *at hamaz*, а также путешествия и деяния оборотня — *hamför*. В результате превращения оборотень приобретал сверхъестественные способности — его физическая сила удваивалась, а то и утраивалась, он обретал ловкость и хитрость того зверя, в которого превратился, и отныне назывался *hamrammr*.

Изменение облика происходило по-разному. Иногда человеку оказывалось достаточно накинуть на себя шкуру животного, чтобы тотчас превратиться в него. В других случаях душа оборотня на время переселялась в зверя, оставив человеческое тело в состоянии каталепсии, ничем не отличимой от смерти. Тело зверя либо заимствовалось, либо специально создавалось для превращения. Был и третий вид оборотничества: некоторые колдуны, ни в кого на самом деле не превращаясь, при помощи особых заклинаний могли вызывать галлюцинации у окружающих, так что те начинали видеть вместо них зверей, птиц или любые другие объекты.

Единственный способ узнать «сменившего шкуру» (*eigi einhammr*) в зверином обличье — посмотреть ему прямо в глаза, потому что лишь взгляд после превращения остается неизменным. «Сменивший шкуру» подчиняется инстинктам животного, в облике которого пребывает, сохраняя при этом человеческий рассудок, а значит, может все, на что способно его звериное тело, и все, что замыслит его человеческий разум. Такой оборотень летает, как птица, плавает, как рыба, а если превратится в волка, то отправляется на охоту — *gandreið*, и тогда горе любому, кто попадется на его пути.

Давайте рассмотрим все три вида оборотничества на конкретных примерах из скандинавских источников. Фрейя^[13] и Фригт могли облачаться в соколиное оперение и летать всюду в образе соколов. По преданию, Локи^[14] однажды взял оперение Фрейи и обернулся соколом, но его выдали глаза — в отличие от птиц, Локи не мог не моргать, к тому же во взгляде его всегда читались хитрость и злоба. В «Песни о Вёлунде» (*Vælundar kviða*) находим следующий эпизод:

I

Meyjar flugu sunnan
Myrkvið igögnum
Alvitr unga
Orlög drýgja;
Þær á sævarströnd
Settusk at hvilask,
Drósir suðrcenar
Dýrt líh spunnu.
С юга летели
над лесом дремучим
девы-валькирии,
битв искавшие;
остановились
на отдых у озера,
лен драгоценный
начали прясть.

II

Ein nam þeirra
Egil at verja
Fögr mæri fira

Faðmi Ijósum;
Önnur var Svanhvít,
Svanfjaðrar dro;
En in þriðja
Þeirra systir
Varði hvítan
Háls Volundar.
Первая дева, —
нет ее краше, —
на плечи Эгилю
руки вскинула;
Сванхвит вторая,
в одежде белой
из перьев лебяжьих;
а третья сестра
Вёлунда шею
рукой обвила^{15}.

В предисловии к «Песни» Сэмунд Мудрый^{16} вкратце пересказывает читателю ее содержание: оказывается, что эти три девы были пойманы, когда сняли с себя лебяжье оперение и, следовательно, утратили способность летать.

Подобным же образом для оборотничества использовались волчьи шкуры. Например, в «Саге о Волсунгах» есть такой сюжет:

«...Надо теперь сказать о том, что Синфьотли показался Сигмунду слишком молодым для мести, и захотел он сперва приучить его понемногу к ратным тяготам. Вот ходят они все лето далеко по лесам и убивают людей ради добычи. Сигмунду показался мальчик похожим на сына Волсунгов, а считал он его сыном Сиггейра-конунга и думал, что у него — злоба отца и мужество Волсунгов, и удивлялся, как мало он держится своего рода-племени, потому что часто напоминал он Сигмунду о его злосчастьи и сильно побуждал убить Сиггейра-конунга.

Вот однажды выходят они в лес на добычу и находят дом некий и двух людей, спящих в доме, а при них толстое золотое запястье. Эти люди были заколдованы, так что волчьи шкуры висели над ними: в каждый десятый день выходили они из шкур; были они королевичами.

Сигмунд с сыном залезли в шкуры, а вылезть не могли, и осталась при них волчья природа, и заговорили по-волчьи: оба изменили говор. Вот пустились они по лесам, и каждый пошел своей дорогой. И положили они меж собой уговор нападать, если будет до семи человек, но не более; и тот пусть крикнет по-волчьи, кто первый вступит в бой.

— Не будем от этого отступать, — говорит Сигмунд, — потому что ты молод и задорен, и может людям прийти охота тебя изловить.

Вот идет каждый своею дорогой; но едва они расстались, как Сигмунд набрел на людей и взвыл по-волчьи, а Синфьотли услышал, и бросился туда, и всех умертвил. Они снова разлучились. И недолго проблуждал Синфьотли по лесу тому, как набрел он на одиннадцать человек и сразился с ними, и тем кончилось, что он всех их зарезал. Сам он тоже умирался, идет под дуб, отдыхает.

Тут пришел Сигмунд, и Синфьотли молвил:

— Ты звал меня на помощь, чтоб убить семерых, а я против тебя по годам ребенок, а не звал на подмогу, чтоб убить одиннадцать человек.

Тут Сигмунд прыгнул на него с такой силой, что он пошатнулся и упал: укусил его Сигмунд спереди за горло. В тот день не смогли они выйти из волчьих шкур. Тут Сигмунд взваливает его к себе на спину и несет в пещеру: и сидел он над ним, и посылал к троллям волчьих те шкуры»^[17] («Сага о Волсунгах», глава VIII «Сигмунд с сыном надевают волчью шкуру»).

В той же саге есть еще один примечательный фрагмент (см. главу V «Гибель Волсунга»):

«... Тут велит он сделать, как она просила. И взяли большую колоду, и набили ее на ноги тем десяти братьям на некоем месте в лесу; и вот сидят они там целый день до ночи. А как сидели они в колоде той о полуночи, вот выходит к ним из лесу старая волчиха; была она и велика, и собой безобразна. Удалось ей загрызть одного из них насмерть; затем съела она его без остатка и пошла прочь. А на утро то послала Сигню к братьям своим человека, которому больше всех доверяла, узнать, что деется; а когда он вернулся, то сказал ей, что умер один из них. Очень ей показалось тяжело, что все они так умрут, а она им помочь не может.

Коротко сказать, девять ночей кряду приходила эта самая волчиха в полночь и заедала одного из них до смерти, пока все погибли и Сигмунд один остался. И вот, когда настала десятая ночь, послала Сигню верного своего человека к Сигмунду-брату, и дала в руки ему меду, и велела, чтоб он смазал лицо Сигмунда, а немного положил ему в рот. Вот идет тот к Сигмунду, и делает, как ему ведено, и возвращается домой. Ночью приходит тут эта самая волчиха по своей привычке, и думала она загрызть его насмерть, как братьев; и тут чувствует она дух тот медвяный и лижет ему все лицо языком, а затем запускает язык ему в рот. Он не растерялся и прикусил волчице язык, стала она крепко тянуть и с силой тащить его назад и так уперлась лапами в колоду, что та расселась пополам; а Сигмунд так мощно сжал зубы, что вырвал ей язык с корнем, и тут приключилась ей смерть. И рассказывают иные так, будто эта самая волчиха была матерью Сиггейра-конунга, а приняла она такое обличье через свое волшебство и чародейство».

Еще один интересный сюжет на ту же тему встречаем в «Саге о Хрольве Жердинке и его воинах» (*Hrolfs Saga Kraka*):

«... Теперь речь пойдет о том, как Уппдалиром на севере Норвегии правил конунг, которого звали Хринг. У него был сын по имени Бьёрн. Как рассказывают, когда королева скончалась, конунг очень горевал, как и многие другие люди. Его советники и жители страны просили его снова жениться, и случилось так, что он послал людей в южные страны искать ему жену. Но навстречу им пришла ужасная непогода и сильные штормы, им пришлось развернуть корабли и держать курс по ветру, и тогда было решено направиться на север в Финнмёрк и пробыть там эту зиму.

Вот они высадились на берег и нашли какую-то хижину. Там внутри сидели две женщины красивой внешности. Они приветствовали их и спросили, откуда они прибыли. Посланцы рассказали им о своем путешествии и о своем задании. И они спросили, откуда эти женщины и по какой причине они, такие красивые и достойные, оказались здесь в одиночестве, столь далеко от других людей.

Старшая ответила:

— Меня зовут Ингибьёрг, а дочь мою — Хвит; я наложница конунга финнов.

Людям конунга очень понравились эти женщины, и они решили узнать у них, не поедет ли Хвит с ними, чтобы выйти замуж за конунга Хринга. Она согласилась, и они вернулись и встретились с конунгом Хрингом, и сразу же посланцы спросили, будет ли конунг жениться

на этой девушке, или она должна возвратиться той же дорогой. Конунгу очень понравилась невеста, и он тотчас сделал ей свадебный подарок. Его даже не заботило, что она была небогата. Конунг еще не был стар и скоро привык к королеве.

Неподалеку от конунга жил один старик. У него была жена и один ребенок — дочь по имени Бера. Она была юна и красива. Сын конунга Бьёрн и дочь старика Бера в детстве вместе играли и очень подружились. У старика было много богатств, которые он завоевал в молодости в походах, и был он великим воином. Бера и Бьёрн очень полюбили друг друга и часто встречались.

Вот прошло некоторое время, когда ничего не происходило. Сын конунга Бьёрн очень вырос и сделался высоким и сильным. Он преуспевал во всех умениях. Конунг Хринг надолго уезжал из страны в походы, а Хвит оставалась дома и правила страной. Она не дружила с простолюдинами, а с Бьёрном была очень ласкова, но это ему мало нравилось.

И однажды, когда конунг Хринг уезжал из дома, королева посоветовала ему, чтобы его сын Бьёрн остался править страной вместе с ней. Конунг нашел это разумным, но Бьёрн не одобрил это, однако конунг оставил его и уехал из страны с большим войском.

Бьёрн после разговора со своим отцом пошел домой, недовольный и красный от гнева. Королева пришла поговорить с ним, она хотела развеселить Бьёрна и сказала, что хотела бы подружиться с ним. Он попросил ее уйти прочь. Она сделала так на этот раз. Однако она часто приходила беседовать с ним и говорила, что было бы хорошо, если бы они спали вместе, пока конунг будет в отъезде, и обещала, что вместе им будет гораздо лучше, чем если у нее будет такой старый муж, как конунг Хринг.

Бьёрн тяжело воспринял такие речи, дал ей пощечину, и приказал ей убираться прочь, и оттолкнул ее. Она сказала, что не ожидала, что будет отвергнута и избита:

— И тебе кажется лучше, Бьёрн, обнимать старикову дочь, и что ты этого достоин, и считаешь бесчестным насладиться моей любовью и нежностью, но не бывать по-твоему из-за упрямства твоего и глупости.

Тут она ударила его перчаткой из волчьей шкуры и сказала, что он превратится в медведя, дикого и свирепого:

— И не кормись теперь никакой иной пищей, кроме стад твоего отца. Будешь ты убивать больше, чем тебе понадобится, и никогда не освободишься от этих заклятий, и память об этом будет для тебя хуже всего.

После этого Бьёрн пропал, и никто не знал, что с ним случилось. Когда люди заметили исчезновение Бьёрна, то отправились его искать, но, конечно же, никого не нашли. И рассказывается, что с тех пор скот конунга начал погибать десятками, и повинен в этом был один серый медведь, огромный и жестокий.

Одним вечером случилось так, что дочь старика увидела этого свирепого медведя. Медведь подошел к ней и повел себя с ней дружелюбно. Ей показалось, что она узнала у этого медведя глаза Бьёрна, конунгова сына, и она не убежала. Тут зверь отошел от нее, а она пошла за ним, и в конце концов они пришли к какой-то пещере. И едва она подошла к этой пещере, оттуда вышел человек и поприветствовал старикову дочь Бери. Она узнала Бьёрна, сына Хринга, и то была очень радостная встреча. Некоторое время они оставались в пещере, потому что она не хотела покидать его. Он считал, что ей не подобает оставаться там рядом с ним, потому что он становился зверем днем, а человеком ночью.

Вот конунг Хринг вернулся из похода домой, и ему рассказали, какие случились новости, пока он отсутствовал, об исчезновении его сына Бьёрна и о большом звере, который появился в стране и погубил **большую** часть его скота. Королева подстрекала убить это животное, но конунг не спешил с охотой.

Одной ночью, когда Бера и конунгов сын лежали рядом, Бьёрн начал рассказывать:

— Страхуюсь я, что завтра будет день моей смерти, и они меня затравят, и, хотя нет мне в жизни счастья из-за наложенного на меня проклятия, одно мне в радость, что мы с тобой вместе, однако и это теперь заканчивается. Я дам тебе это кольцо, что у меня под левой рукой. Утром ты увидишь людей, которые будут ловить меня, и, когда я буду мертв, иди к конунгу и попроси его отдать тебе то, что будет под левой лопаткой зверя, и он пообещает тебе это.

Он поведал ей много других вещей, а потом оборотился в медведя. Медведь вышел наружу, она пошла за ним, оглянувшись и увидела множество охотников за горным перевалом, и много больших псов бежало перед ними. Медведь выбежал из пещер и спустился со склона. Собаки и люди конунга встретили его, но трудно было им его одолеть. До того как они совладали с ним, он покалечил много людей и убил всех собак. Наконец они взяли его в кольцо, он метался внутри и понял, что в любом случае не сможет вырваться. Тогда он повернул туда, где стоял конунг, схватил того человека, что стоял перед ним, и разорвал его живым на части. Медведь был так измучен, что упал на землю пластом. Тогда они быстро напали на медведя и убили его.

Это видела дочь старика. Она подошла к конунгу и сказала:

— Не отдашь ли мне то, господин, что под левой лопаткой этого зверя?

Конунг согласился, сказав, что, если там что-то и окажется, он с радостью ей это подарит.

Люди конунга начали свежевать медведя. Бера подошла туда и забрала кольцо, постаравшись, чтобы никто не увидел, что она взяла, хотя за ней и не присматривали. Конунг спросил, кто она такая, потому что не узнал ее. Она ответила, как приличествовало, но назвалась другим именем.

Вот конунг поехал домой, и Бера присоединилась к конунгу. Королева очень радовалась, хорошо ее приняла и поинтересовалась, откуда она. Она, как и раньше, не сказала правды. Теперь королева устроила большой пир и велела приготовить к столу мясо медведя. Старикова дочь была в покоях королевы и не могла уйти прочь, потому что королева заподозрила бы, кто она.

Быстрее, чем ожидалось, королева пришла с тарелкой, в которой было медвежье мясо, и попросила Беру отведать. Та не захотела есть.

— Это отвратительно, — сказала королева, — что ты воротишь нос от еды, которую сама королева, оказав тебе честь, предлагает тебе. Бери скорее, не то хуже будет.

Она отрезала для нее кусочек, и так произошло, что она съела этот кусочек. Королева отрезала тогда другой и положила ей в рот, и маленькая часть от этого куса пошла вниз, но остальное она выплюнула изо рта и сказала, что больше не будет есть, даже если она будет ее мучить или убьет.

Королева сказала:

— Кажется, этого достаточно, — и рассмеялась»^{18}.

В одной фарерской песне о деяниях Финна есть такие строки:

Hegar íð Finnur hetta sær,
Mannspell var at meini,
Skapti hann seg í varglíki:
Hann feldi allvæl fleiri.
Понял Финн, что попал в беду,
Что поддался колдовству,
В волка был тогда обращен:
Много жизней волк загубил.

Во «Второй песни о Хельги, убийце Хундинга» также находим упоминание об оборотничестве (см. строфу 33):

...Пусть не разит
меч твой в битве,
разве что сам ты
сражен им будешь!
Было бы мстью
за гибель Хельги,
если б ты волком
скитался в чаще,
нищим и сирым,
вечно голодным,
разве что трупы
тебя б насыщали!

Во всех приведенных примерах речь идет об изменении внешнего облика. Далее мы обратимся к рассмотрению случаев, когда одна душа по очереди переселяется то в человека, то в зверя.

Например, в «Саге об Инглингах» (*Ynglinga Saga*) говорится об Одине¹⁹¹ следующее: «Один мог менять свое обличье. Тогда его тело лежало, как будто он спал или умер, а в это время он был птицей или зверем, рыбой или змеей и в одно мгновение переносился в далекие страны по своим делам или по делам других людей»¹⁹¹ (глава VII). Подобным же образом датский король Гарольд послал в Исландию колдуна в обличье кита, причем человеческое тело, покинутое душой, все это время лежало дома, хладное и неподвижное. В ранее упомянутой «Саге о Хрольве Жердинке» также есть аналогичный пример: Бёдвар Медвежонок (Бёдвар Бьярки) оборачивается огромным медведем и нападает на врагов, окруживших дворец его короля, а его человеческое тело остается во дворце, и всем кажется, будто этот воин, лежащий подле очага, мертвецки пьян.

В «Саге о людях из Озерной Долины» (*Vatnsdæla Saga*) упоминаются три финна, которые на три ночи оказались заперты в хижине, хотя прежде обязались по приказу вождя норвежцев Ингимунда отправиться в Исландию и разузнать все об этой стране, потому что он собирался ее завоевать. Тела финнов были неподвижны, души покинули их и устремились выполнять поручение, так что, очнувшись через три дня, посланцы представили Ингимунду подробный отчет об Озерной Долине, где мечтал побывать вождь. В саге, однако, не уточняется, в каком обличье (птицей или зверином) путешествовали в Исландию души воинов, покинув тела.

Третий способ превращения, который мы упоминали, предусматривает не изменение облика, а наложение заклятия на окружающих людей, которым начинает казаться, что они видят не колдуна, а некий иной предмет или животное. Тому есть немало примеров в сагах, например в «Саге о Хромунде, сыне Грейпа» (*Hromundar Saga Greypsonar*) и в «Саге о названных братьях» (*Fostbræðra Saga*). Интересен в этой связи и следующий фрагмент «Саги о людях с Песчаного Берега» (*Eyrbyggja Saga*):

«Гейррид, хозяйка хутора на Чаечном Склоне, послала на Жилой Двор сообщить, что ей стало доподлинно известно, что руку Ауд отрубил Одд, сын Катлы.

Когда Торарин и Арнкель услышали об этом, они выехали с десятью спутниками на Чаечный Склон и провели там ночь. Наутро они выехали к Холму, и на хуторе увидели, как они скачут. Дома никого из мужчин, кроме Одда, не было.

Катла сидела на поперечной скамье и мотала пряжу. Она велела Одду сесть рядом:

— Не беспокойся и сиди тихо.

Она велела женщинам оставаться на своих местах:

— Я буду отвечать за нас всех.

Прибыв на место, Арнкель и его люди тут же вошли в дом. Когда они зашли в покои, Катла приветствовала Арнкеля и спросила о новостях. Арнкель ответил, что рассказывать нечего; он спрашивает, где Одд. Катла сказала, что он уехал на юг к Широкому Заливу.

— И он бы не стал избегать встречи с тобой, если бы был дома, потому что мы верим в твое благородство.

— Все может быть, — говорит Арнкель, — однако мы хотим обыскать здесь жилище.

— Это как вам угодно, — говорит Катла и велит кухарке посветить им и открыть ради них чулан, — других запертых помещений здесь у нас нет.

Они видели, что Катла мотает пряжу с челнока. Вот они обыскивают помещение, не находят Одда и после этого уезжают прочь. Не успели они далеко отъехать от ограды, как Арнкель остановился и сказал:

— Неужто Катле удалось заморочить нам голову? Ведь Одд, ее сын, был на хуторе — там, где нам казалось, будто мы видим прялку.

— На это она вполне способна, — говорит Торарин, — и мы поедem обратно.

Когда на Холме увидели, что они возвращаются, Катла сказала женщинам:

— Оставайтесь на своих местах, а мы с Оддом пройдем в сени.

А когда Катла с Оддом вышли в сени, она стала напротив входной двери и принялась расчесывать своего сына Одда и обрезать ему волосы. Арнкель и его люди ворвались в дом и увидели, что Катла стоит и играет со своим козлом, подравнивает ему бороду и хохол и вычесывает лохмы. Они прошли дальше, но Одда нигде не обнаружили; прялка Катлы лежала на скамье, и они уверились, что Оддом там и не пахло. Затем они вышли во двор и уехали прочь. Но когда они проехали примерно до того места, что в первый раз, Арнкель сказал:

— Не кажется ли вам, что Одд скрывался под личиной козла?

— Точно уже не узнаешь, — говорит Торарин, — но если мы снова повернем обратно, то сможем схватить Катлу за руку.

— Попробуем счастья еще раз, — говорит Арнкель, — и посмотрим, что получится.

И они снова поворачивают обратно. Когда на хуторе заметили, как они едут, Катла велела Одду идти с ней. Они вышли во двор и подошли к куче золы; тогда Катла велела Одду лечь под кучей:

— И оставайся на месте, что бы вокруг ни происходило.

Когда Арнкель и его люди прибыли на хутор, они сразу ворвались в покои; Катла сидела на скамье и пряла. Она приветствует их и говорит, что они сделались тут частыми гостями. Арнкель отвечал, что так и есть. Его спутники взяли прялку и разрубили на куски.

Тут Катла сказала:

— Теперь уже нельзя будет сказать вечером, что вы напрасно съездили сюда на Холм, раз вы порубили прялку.

Затем Арнкель и его люди пошли искать Одда в доме и на дворе и не увидели ничего живого, кроме одного ручного борова, который пасся у Катлы на выгоне и лежал возле кучи золы. После этого они уехали прочь.

Когда они прошли полпути к Чаечному Склону, то увидели Гейррид, выехавшую на встречу с одним работником. Она спросила, как прошла их поездка, и Торарин рассказал ей. Она отвечала, что они искали Одда спуская рукава.

— И я хочу, чтобы вы еще раз повернули обратно. Я поеду вместе с вами, и Катле вряд ли снова удастся проскочить под парусом из лопуха.

Затем они повернули обратно. На Гейррид была синяя накидка. И когда их заметили на Холме, Катле доложили, что едет четырнадцать человек и один из них в крашеной одежде.

Тогда Катла сказала:

— Не иначе как сюда явилась троллиха Гейррид, и одними заморочками спастись теперь не удастся.

Затем она поднялась с поперечной скамьи и убрала подушку, на которой сидела; под скамьей была створка, ведущая в подпол. Она велела Одду спускаться туда, а сама, как и прежде, уселась сверху, сказав, что у нее тревожное предчувствие.

На сей раз, когда те вошли в покои, приветствий не было. Гейррид сбросила с себя накидку, подошла к Катле с мешком из шкуры тюленя, который она привезла из дома, и накинула его Катле на голову^[18]. После этого они связали ей ноги. Затем Гейррид велела сломать скамью; Одда обнаружили и тут же связали. После этого Катлу с Оддом отвезли на Выпасную Скалу, и Одд был там повешен... Катлу же забили камнями до смерти у подножия Скалы»^[21] (см. главу 20).

Глава четвертая О ПРОИСХОЖДЕНИИ СКАНДИНАВСКИХ ВЕРВОЛЬФОВ

Причины интереса к древнескандинавской литературе. — Облачение в медвежью и волчью шкуру. — Берсерк. — Ярость берсерка. — История Торира. — «Сага об Эгиле». — Квельдульв — Вечерний Волк. — Скаллаgrim и его сын. — Об этимологии слов *hamr* и *vagr*. — Оборотни вне закона. — Превращение в вепря. — Некоторые выводы

Одной из основных причин интереса исследователей к древнескандинавской литературе является то, что ее изучение позволяет получить точные сведения об истоках различных суеверий, распространенных во всем мире. Скандинавская эпическая традиция прозрачна, словно воды фьордов, так же ясно и происхождение отдельных ее элементов.

Средневековая мифология, необычайно богатая и разнообразная, компилятивна по своей природе — ее можно сравнить со сплавом наподобие коринфской бронзы, в котором

соединилось множество элементов, или с быстрой полноводной рекой, питаемой несколькими, порой весьма удаленными друг от друга притоками. В средневековой мифологии смешались кельтские, тевтонские, скандинавские, итальянские и арабские традиции, которые взаимно дополнили и обогатили друг друга, что существенно осложняет работу исследователя-мифолога.

Анджело Паччиукелли^[22] пишет: «Анио впадает в Тибр — кристально чистые воды рек сливаются в общий поток, и Анио теряется в Тибре, образуя с ним единое целое». Такова и средневековая мифология. Любая национальная традиция, ассимилированная ею, становится ее неотъемлемой частью, утрачивая свою индивидуальность. Анализируя конкретный миф, исследователь не должен сразу обращаться к средневековому этапу его генезиса. Вместо этого следует изучить более ранний этап, когда миф только зародился в недрах определенной традиции и еще не влился в общее русло средневековой мифологии. Именно этим мы и займемся. Обратившись к скандинавским мифам, мы найдем там богатейший материал по нашей теме, в происхождении которого сомневаться не приходится, — как не приходится сомневаться, например, геологам в ледниковом происхождении моренных обломков. Изучив скандинавские саги, можно выявить истоки веры в оборотней, бытовавшей среди викингов, что, в свою очередь, будет способствовать идентификации исконно скандинавских традиций в сложном комплексе верований, называемом средневековой мифологией.

У древних скандинавов был распространен такой обычай: воины одевались в шкуры убитых ими зверей, для того чтобы уподобиться им по силе и ярости и навести ужас на врагов.

О данном обычае речь идет в некоторых сагах, причем, судя по тексту источников, используемые при этом шкуры сами по себе не являются волшебными, а скорее выполняют функции, свойственные обычной одежде. Например, в «Саге о Ньяле» (*Njála*) упоминается воин в козлиной шкуре (*i geithedni*). На службе у норвежского конунга Харальда Прекрасноволосого (Харальд Хорфагер) состояли берсерки, которые носили волчьи шкуры, причем слово *ulflíednir*, буквально обозначавшее «облаченный в волчью шкуру», иногда использовалось как антропоним. Так, в «Саге о Хёрде и островитянах» (*Harðar saga ok Hólmvetja*) говорится о некоем Бьёрне, «сыне Ульвхеда (Ulfhedin), носившего волчью шкуру, сыне Ульвхама (Ulfiamr) волкоподобного, сыне Ульва (Ulf) — волка, сыне Ульвхама (Ulfhamr) — оборотня».

Наиболее точные сведения о берсерках содержатся в «Саге о людях из Озерной Долины»: «Те берсерки, что назывались волкоподобными (*ulfhednir*), облачались в волчьи шкуры поверх одежды» (глава 16). Само слово «берсерк» (*berserkr*) первоначально, по-видимому, употреблялось для называния данной категории воинов, носивших звериные шкуры (судя по этимологии слова, по преимуществу медвежьей: *berserkr* — ср. англ. *bearsark* — букв. «медвежья рубашка, одежда из медвежьей шкуры»). Только потом оно стало обозначать особую группу воинов, обладавших сверхъестественной силой и способностью впадать в дикую ярость. Разумеется, мне известна весьма популярная на сегодняшний день гипотеза о происхождении слова «берсерк», предложенная Бьёрном Хальдorsoном: *berserkr* — ср. англ. *bare of sark* — букв. «голый, не носящий одежды». Однако, например, Свейнбьёрн Эгильссон^[23], чей авторитет кажется мне непререкаемым, считает точку зрения Хальдorsoна ошибочной и придерживается мнения, которое разделяю и я.

Разумеется, одежда из волчьей или медвежьей шкуры была очень теплой и удобной, и воины, которым приходилось стойко переносить любую непогоду, не могли этого не оценить. Кроме того, шкура придавала берсеркам воинственный вид и должна была вселять ужас в сердца врагов, также она смягчала удары противников в бою.

Среди мирных жителей берсерки пользовались дурной славой: их боялись и ненавидели. Обычным делом для берсерка было вызвать какого-нибудь землевладельца на поединок. В соответствии с правом, действовавшим тогда в Норвегии, мужчина, отказавшийся принять брошенный ему вызов, должен был признать себя побежденным и передать во владение победителю всю свою собственность, в том числе жену, ибо трус недостойн обладать чем бы то ни было. Соответственно, бросая вызов мирному землевладельцу, берсерк в любом случае оказывался в выигрыше: если противник выходил на поединок, берсерк легко одолевал его, убивал и присваивал его имущество, если же тот отказывался сражаться, то терял право собственности. Берсерки приходили незванными на любые торжества и веселились от души, правда в несколько своеобразной манере: например, им ничего не стоило переломить хребет или раскроить череп кому-нибудь из гостей или хозяев праздника, если те имели несчастье вызвать их недовольство, а то и просто так, тренировки или забавы ради.

Учитывая все вышеизложенное, несложно понять, почему берсерки вселяли ужас в сердца мирных жителей. Страх перед этими головорезами в медвежьих и волчьих шкурах был настолько велик, что люди невольно начинали верить, будто берсерки обладают силой и яростью зверей, шкуры которых они носят.

Вера в сверхъестественную природу свирепых воинов со временем крепла, а легенды о них, которые крестьяне, дрожа от страха, пересказывали друг другу, обрастали все новыми подробностями. В конце концов этим нарушителям общественного порядка стали приписываться качества, которыми до той поры наделялись только тролли и ётуны^[24].

В «Саге о Волсунгах» есть упоминавшийся нами ранее фрагмент, когда Сигмунд и Синфьотли заходят в дом и видят там спящих воинов, над которыми висят волчьи шкуры. Если считать эти шкуры разновидностью одежды, то данный сюжет уже не кажется таким уж невероятным. В этом случае можно предположить, что на самом деле Сигмунд и Синфьотли взяли себе эти шкуры, чтобы их носить, совершив банальное воровство и отнюдь не собираясь превращаться в волков.

Аналогичным образом «Сага о Хрольве Жердинке», своим сюжетом отчасти напоминающая «Красавицу и чудовище», утрачивает свою фантастичность, если предположить, что Бьёрн, оказавшись в изгнании, поселился в горах и стал носить медвежью шкуру. Он заворачивался в нее весь, а если представить, что его голову закрывала голова медведя, то становится понятным, почему *только глаза выдавали в нем человека*, — только их и видно было сквозь медвежьи глазницы. Уже само имя героя — Бьёрн — является однокоренным к *ber* — «медведь», и волшебная фабула данной саги, очевидно, могла сформироваться в результате совпадения всех этих вполне реальных обстоятельств. В конечном счете, если исключить из повествования все элементы чудесного, сага превратится в историческую хронику о том, как конунг Хринг, правивший Уппдалиром, не поладил с сыном и тот стал берсерком, поселился в лесу со своей возлюбленной и жил там, пока его не убил собственный отец.

Мне кажется очень важной деталь, которая упоминается во всех аналогичных сагах: человека, перекинувшегося зверем, легко узнать по глазам, потому что его взгляд остается прежним. Логичнее всего объяснить эту особенность тем, что человек просто облачался в шкуру животного, становясь подобным зверю лишь внешне.

Был у мирных жителей Скандинавии и еще один повод для того, чтобы относиться к берсеркам с подозрением и считать их существами иномирными.

Ярость берсерков описана во вполне достоверных источниках, и представление о ней укоренилось в качестве стереотипа, связанного со скандинавскими воинами. Часто это явление интерпретировалось как форма дьявольской одержимости. По многочисленным свидетельствам, берсерки могли впадать в бешенство и тогда в них вселялись демоны,

надеясь их сверхъестественной силой и побуждая совершать поступки, на которые они в обычной жизни были не способны. При этом берсерки становились неуязвимы и не чувствовали боли, совсем как янсенисты-конвульсионеры во время сборищ на кладбище Святого Медарда^[25]. Разъяренных берсерков не брал ни огонь, ни меч — остановить их можно было разве что сильным ударом дубины, желательнее по голове. Глаза взбешенного берсерка горели безумным огнем, зубы скрежетали, изо рта шла пена. В нетерпении перед битвой такие воины вонзали зубы в собственные щиты и якобы иногда даже прокусывали их насквозь. Когда же дело доходило до схватки, они бросались в бой с диким воем, словно волки или бешеные псы^[19].

Историки Древней Скандинавии едины во мнении, что ярость берсерков стала проявляться реже после того, как эти воины приняли крещение. Распространение христианства привело к сокращению числа берсерков.

Не следует, однако, думать, что данная форма безумия или одержимости была присуща лишь тем, кто сам хотел впасть в такое состояние. В некоторых случаях подобными припадками бешенства страдали люди, совсем не желавшие этого. Например, в «Саге о людях из Озерной Долины» говорится о Торире, сыне Ингимунда, который «временами впадал в ярость берсерка, когда сам не ведал, что творит, и это было для него настоящим несчастьем».

Торир излечился от своего недуга весьма необычным способом, продемонстрировав редкую для язычника добродетельность:

«Торгрим с Птичьей реки имел сына от любовницы Верейдр. Когда его жена узнала о ребенке, она приказала Торгриму убить его...

Братья (Торстейн и Торир) часто встречались, как-то раз пришел черед Торстейну навестить Торира, а Торир решил проводить его назад. По дороге Торстейн спросил Торира, кто, по его мнению, первый среди братьев. Торир ответил, что ответ прост, ибо „ты первый среди нас по уму и способностям, Ёкуль не знает равных в доблести и храбрости, а что до меня, то я наименее достойный из братьев, потому что страдаю от тяжких припадков ярости берсерка, чему сам не рад, и хотел бы я, чтобы мой мудрый брат придумал, как помочь мне“.

Тогда Торстейн сказал:

— Слышал я, что наш родич Торgrim вынужден по приказу жены избавиться от собственного ребенка. Это несправедливо. Другая несправедливость же состоит в том, что ты страдаешь оттого, что отличаешься от других.

Торир опять спросил, как ему избыть свое несчастье...

И ответил Торстейн:

— Я немедленно поклянусь Тому, кто создал Солнце, что я спасу сына Торгрима и воспитаю его, как надлежит, во славу Его, чтобы только Он исцелил тебя, ибо верю я, что это в Его власти. Клянусь, что сдержу свое слово.

Они сошли с коней и стали искать ребенка, и раб Торира нашел его на берегу реки Маррам. Лицо младенца было закрыто платком, дитя задыхалось, но из последних сил отчаянно сопело.

Они взяли мальчика, и отвезли в дом Торира, и назвали его Торкелем Сопящим, и воспитали его честь по чести. А припадки берсерковой ярости более не беспокоили Торира» (глава 37).

Наиболее интересные, с моей точки зрения, подробности, связанные с той же темой, содержит «Сага об Эгиле» (*Aigla*):

«Жил человек по имени Ульв^[20]. Он был сын Бьяльви и Халльберы... Никто не мог сравниться с ним ростом и силой. В молодости он ходил в викингские походы... У него было много земли и добра.

Рассказывают, что Ульв был хорошим хозяином. Он обычно рано вставал и обходил работы, или шел к своим ремесленникам, или же осматривал стада и поля. А иногда он беседовал с людьми, которые спрашивали его совета. Он мог дать добрый совет в любом деле, потому что отличался большим умом. Но каждый раз, когда вечерело, он начинал избегать людей, так что лишь немногим удавалось завести с ним беседу. К вечеру он делался сонливым. Поговаривали, что он оборотень, и прозвали его Квельдульвом (Вечерним Волком)^[26] (глава 1).

Мне кажется, что в этом и последующих абзацах саги слово *hamrammr* используется не в прямом значении («оборотень»), а в переносном, для называния человека, страдающего припадками дьявольской одержимости, во время которых физическая сила существенно возрастает. Для подтверждения моей правоты приведу фрагменты из той же саги, где описываются припадки Квельдульва:

«Летом Квельдульв и Скаллаgrim плыли у самого берега и постоянно разведывали, что происходит вокруг. Скаллаgrim был очень зорок. Он заметил корабль Халльварда, плывший на север, и узнал его... Скаллаgrim выследил, в какую бухту Халльвард и его спутники зашли вечером. После этого он вернулся к своим и рассказал Квельдульву о том, что видел... Тогда они снарядили две большие лодки и взяли по двадцать человек в каждую. На одной из лодок начальствовал Квельдульв, а на другой — Скаллаgrim. Они взялись за весла и направились к тому месту, где стоял корабль Халльварда. Здесь они высадились на берег. Халльвард и те, кто был с ним, спали в шатре на своем корабле. А когда Квельдульв со спутниками приблизился к кораблю, стража, сидевшая на берегу у сходней, подняла тревогу, крича, чтобы люди на корабле вставали, что идет враг. Халльвард и все другие бросились к оружию.

А Квельдульв и его люди, подойдя к кораблю, стали взбираться по задним сходням, Скаллаgrim же поднимался на передние. В руках у Квельдульва была секира. Поднявшись на корабль, он велел своим людям идти вдоль борта и рубить шесты, на которых держался шатер. Сам он повернул назад к верхней палубе на корме. Говорят, что его охватило бешенство, как бывает с берсерками, и многие из его спутников тогда тоже буйствовали, как берсерки. Они убивали всех, кто попадался им навстречу. То же самое делал и Скаллаgrim, пробираясь по кораблю. Отец с сыном остановились только после того, как на корабле не осталось ни одного человека из спутников Халльварда.

Когда Квельдульв подошел к верхней палубе на корме, он с размаху ударил Халльварда секирой по шлему так, что та до топорщища вошла в голову. Тогда Квельдульв с такой силой рванул секиру на себя, что взметнул Халльварда в воздух и швырнул его за борт. Скаллаgrim очищал носовую часть корабля и убил Сигтругга. Многие из защищавших корабль прыгали в море, но люди Скаллагрима подходили к ним на лодке и убивали всех, кто держался на воде. Всего из людей Халльварда погибло более пяти десятков человек. А Скаллаgrim с Квельдульвом взяли корабль со всем богатством.

Потом Скаллаgrim и его спутники подвели корабль вместе с грузом к своим кораблям. Они перенесли на него весь груз с того своего корабля, который был поменьше, а на пустой корабль наносили камней, сделали в нем пробоины и затопили его. Как только подул попутный ветер, они вышли в открытое море.

Про берсерков рассказывают, что, пока они буйствовали, они были такими сильными, что их никто не мог одолеть, но, как только буйство проходило, они становились слабее, чем

бывали обычно. То же самое случилось с Квельдульвом. Когда его боевое бешенство прошло, он почувствовал большую усталость от битвы и так обессилен, что слег» (глава 27).

Подобно отцу, Скаллаgrim тоже оказался подвержен припадкам ярости:

«Эгиль с Тордом играли против Скаллаgrима, и Скаллаgrim устал, потому что им было легче играть, чем ему.

Вечером же, после захода солнца, дело пошло у Эгиля с Тордом хуже. Скаллаgrim сделался таким сильным, что поднял Торда и так швырнул его оземь, что переломал у него все члены, и тот сразу же умер. После этого Скаллаgrim схватил Эгиля.

Одну из служанок Скаллаgrима звали Торгерд Брак. Она ходила за Эгилем, когда тот был ребенком. Она была рослая и сильная, как мужчина, и умела колдовать. Торгерд сказала:

— Озверел ты, Скаллаgrim, на собственного сына бросаешься!

Тогда Скаллаgrim отпустил Эгиля и бросился на нее. Она увернулась и убежала, а Скаллаgrim — за ней. Так они выбежали на мыс Дигранес, и она прыгнула со скалы в пролив. Скаллаgrim бросил ей вслед большой камень и попал ей между лопаток. После этого она больше не выплыла. Этот пролив теперь называют Бракарсунд, Пролив Брак» (глава 40).

Как мне кажется, в приведенных фрагментах «Саги об Эгиле» слова *að hamaz*, *hamrammr* и др. употребляются не в смысле оборотничества как внешнего превращения, хотя их буквальное значение именно таково. Эти слова происходят от корня *hamr*, «шкура, обличье», и имеют соответствия в других индоевропейских языках, что свидетельствует об общиндоевропейском происхождении этого слова, в древности, по-видимому, использовавшегося для называния шкуры животного. Приведем некоторые примеры родственных слов в других языках: в санскрите — *carmta*, в хиндустани *cam* — «покров, шкура» и *camra* — «кожа»; в фарси *game* — «покров, одежда»; в готском *ham* или *hams* — «шкура, кожа»; в итальянском *camicia* и во французском *chemise* — «рубашка, сорочка»^[21].

В этой связи кажется вполне возможным, что первоначально слово *að hamaz* употреблялось для обозначения людей, которые облачались в шкуры диких животных и занимались грабежом и разбоем. Страх перед этими головорезами ускорил распространение веры в их сверхъестественную силу, а также в то, что они могут превращаться в зверей, шкуры которых носят. Постепенно глагол *að hamaz* приобрел значение «превращаться, оборачиваться зверем». В результате дальнейшего развития семантики слово стало использоваться применительно к людям, подверженным припадкам одержимости, бешенства и дикой ярости.

Еще одно слово, повсеместно способствовавшее формированию веры в оборотней, — это слово *vargr*. В древнескандинавском языке оно имело два значения: прямое — «волк» и переносное — «безбожник». Именно неоднозначность семантики этого слова во многом обусловила появление большей части фольклорных текстов об оборотнях. *Vargr* (от *u-argr*) буквально означает «беспокойный, неугомонный»; корень *argr* соответствует прилагательному *earg* в англо-саксонском — «спокойный, тихий, трусливый». Исходное слово *vargr* в английском языке трансформировалось в *were* как часть слова *werewolf* — «оборотень» и в *garou* или *varou* во французском. В датском языке есть аналогичное слово *var-ulf*, в готском — *vaira-ulf*. В «Романе о Гарене Лотарингском» — это *Leu warou, sanglante beste* (букв. «Оборотень, окровавленный зверь»), в «Житии Святого Хильдефонса» Готье де Куанси^[27]:

Cil lon desve, cil lou garol,
Ce sunt deable, que saul

Ne puent estre de nos mordre.
Тот обезумевший волк, тот оборотень, —
Это диавол, который душу
Не оставит до самой нашей смерти.

Здесь оборотень (*loup-garou*) является воплощением дьявола. Англосаксы использовали слово *wearg* в значении «злой, дурной человек», в готском языке слово *vargs* означало «злодей, одержимый». Таким образом, в большинстве контекстов слова с данным корнем относились к обычным преступникам. Фредерик Плюке^[28] в своем собрании народных сказок повествует о том, что у древних норманнов был закон, в соответствии с которым за определенные виды преступлений виновных отправляли в изгнание, и слово *wargus* относилось как раз к таким людям, объявленным вне закона.

Аналогична по содержанию и статья 87 Рипуарской правды^[29] (*Lex Ripuaria*): «*Wargus sit, hoc est expulsus*» (букв. «Варг есть тот, кто изгнан»). В законах Кнута^[30] такого преступника называют вервольфом (*verevulf*) (см.: *Leges Canuti, Schmid*, I, 148). Статья 57 Салической правды^[31] гласит: «*Si quis corpus jam sepultum effoderit, aut expoliaverit, wargus sit*» («Если кто выроет мертвеца или разграбит могилу, быть ему варгом»).

Сидоний Аполлинарий пишет: «*Unam feminam quam forte vargorum, hoc enim nomine indigenas latrunculos nuncupant*» («Одна женщина была похищена варгами, как называют разбойников-туземцев»), (См.: Аполлинарий Сидоний «Сочинения: Письма», книга VI, 4.) Из этого предложения становится ясно, что слово «варг» могло использоваться в значении «разбойник, грабитель».

Подобным же образом сэр Фрэнсис Палгрейв^[32] в своем труде «Возникновение и развитие английской государственности» (*Rise and Progress of the English Commonwealth*) пишет, что у англо- и саксов человек, объявленный вне закона, назывался *utlagh* (ср. *out-law* в современном английском языке) и часто изображался с головой волка. Если же представить, что слово «варг» (*vargr*) использовалось применительно не только к волкам, но и к людям, изгнанным из общества, уподобившимся диким зверям и всеми травимым, подобно волкам, становится понятно, почему народная молва окружила этих изгоев ореолом загадочности и наделила их способностью превращаться в волков.

Сама лексика скандинавских языков в немалой степени содействовала формированию этого суеверия. Например, в исландском языке довольно много таких выражений, которые могут быть истолкованы двояко.

В повествовании Снорри^[33] Один не только сам постоянно меняет свой облик, но и своими чарами может, например, превратить врагов в диких свиней. В «Саге о людях из Озерной Долины» ведьма Льот заявляет, что легко обратила бы Торстейна и Ёкуля в вепрей и обрекла бы их навеки жить среди зверей (глава XXVI). Выражение *verða at gjalti* (или *at gjöltum*) — «стать вепрем» — вообще довольно распространено в сагах.

«В этот миг подросли люди Торарина. Нагли оказался из них самым проворным, но, едва он увидел, как враги хватают оружие, его объял ужас; он поворотился и побежал в гору, и обернулся вепрем...^[34] Тут Торарин и его люди прибавили ходу, потому что они хотели спасти Нагли, дабы он не бросился в море или не забрался высоко в горы» («Сага о людях с Песчаного Берега», глава XVIII). Аналогичное выражение встречается в тексте «Саги о Гисли, сыне Кислого» (*Gisla Saga Surssonar*). В «Саге о Хрольве Жердинке» один из героев — тролль, перекинувшийся кабаном, которому все поклоняются и воздают почести. В «Саге о людях с Килевого Мыса» (*Kjalnessinga Saga*) воины сравниваются с дикими свиньями: «и стали они подобны диким свиньям, ибо те точно так же ведут себя, когда дерутся друг с другом, все в пене» (глава XV). На основе этих примеров можно сделать вывод, что на самом деле выражение *verða at gjalti* («стать вепрем») означало «быть вне себя

от возбуждения или страха», однако буквальное значение этого фразеологического оборота наверняка послужило основой для множества невероятных историй об оборотнях.

Мы с вами достаточно подробно рассмотрели скандинавские мифы о различных превращениях, и в частности об оборотничестве, потому что именно эти мифы, как мне кажется, помогают выявить истоки средневековых суеверий, ведь в скандинавском эпосе эта тема развита наиболее полно. На основе приведенных цитат и ссылок можно сделать определенные выводы, которые сводятся, в частности, к следующим положениям.

На самом деле фабула всех этих волшебных историй о превращениях основывается на одном реальном факте: среди населения Скандинавии была распространена особая форма сумасшествия или одержимости, при которой люди начинали вести себя так, будто превращались в диких зверей, — они теряли рассудок, с диким воем нападали на других, ими овладевала жажда крови, и в своей ярости безумцы действительно становились подобны волкам или медведям, в шкуры которых они часто облачались.

Постепенно людям, страдающим этим заболеванием, стали приписывать различные сверхъестественные способности. В связи с этим я уже рассмотрел семантику слов, использовавшихся для описания сумасшествия, в скандинавских языках с диахронической точки зрения. Кроме того, я упоминал и о двойном значении слова *vargr*, а также приводил фрагменты саг, описывающие симптомы этого вида бешенства. В Средние века и позднее, вплоть до настоящего времени, отдельные случаи одержимости, подобной ярости берсерка, были отмечены не только в Скандинавских странах, но и во Франции, Германии и Англии. Так стоит ли обвинять сказителей и хроникеров во лжи? Не лучше ли постараться отыскать в их чудесных историях зерно истины?

Всякое суеверие обусловлено определенными реальными причинами. А если речь идет о столь широко распространенном в мировых масштабах явлении, как миф об оборотне, то здесь нельзя не быть уверенным в наличии у этого суеверия некоего рационального обоснования. Суть его в том, что существовала либо существует особая форма сумасшествия, при которой больным кажется, что они превращаются в зверей, и они начинают вести себя как звери.

В некоторых случаях эта болезнь прогрессирует, перерастая в одержимость, и тогда страдающие ею люди совершают столь отвратительные и жестокие поступки, что от одних лишь их описаний кровь стынет в жилах.

Глава пятая ОБОРОТНИ В СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Олаус Магнус о вервольфах Ливонии. — Из сочинений епископа Майолуса. — Об Альбертусе Перикофциусе. — Аналогичный случай в Праге. — Святой Патрик. — Повествование Иоанна Нюрнбергского. — Бисклавре. — Оборотни в Курляндии. — Пейре Видаль. — Ликантроп в Павии. — Рассказы Бодена об оборотнях. — Случай ликантропии, описанный Форестусом. — Неаполитанский оборотень

В труде Олауса Магнуса^[35] находим следующие сведения:

«В Пруссии, Ливонии и Литве население постоянно страдает от прожорливых волков, нападающих на скот, который отбивается от стада и забредает в лес. Однако эту беду местные жители считают менее тяжкой, чем злодеяния, чинимые людьми, что обращаются в волков.

В ночь накануне Рождества Христова множество волков-оборотней собираются в условленном месте и оттуда разбегаются стаями, яростно круша все, что попадется им на

пути, и безжалостно убивая людей и домашний скот. От этих набегов тамошнее население страдает гораздо сильнее, чем от ущерба, причиняемого обычными волками. Ведь если случится стае оборотней заприметить в лесу одинокий хутор, он будет осажден; оборотни станут пытаться выбить двери, и, коли им это удастся, они ворвутся в дом и сожрут всех его обитателей: людей и домашних животных, а потом спустятся в погреб и осушат весь запас меда и пива, причем пустые бочки водрузят одну на другую, тем самым показывая, что здесь побывали не просто волки... На границе Литвы, Ливонии и Курляндии сохранились руины старого замка. У его стен по ночам иногда собираются тысячи оборотней, чтобы посостязаться в прыгучести. Те, кто окажется не в силах запрыгнуть на стену замка (обычно такое случается с теми, кто порядком разжирел), безжалостно караются жожаками — их немедленно убивают»^[22]. В главе 47 Олаус повествует о некоем дворянине, который однажды, путешествуя в сопровождении нескольких крестьян, заблудился в чаще леса. Надо сказать, что крестьяне те кое-что смыслили в колдовстве. Когда настала ночь, путникам оказалось негде заночевать. К тому же они были очень голодны, а припасы еды у них иссякли. Тогда один крестьянин предложил остальным, что добудет ягненка, если они поклянутся впредь молчать об этом. Все поклялись.

Крестьянин удалился в лес и перекинулся волком. В этом обличье он напал на стадо, которое паслось неподалеку, схватил ягненка и принес его в зубах своим спутникам. Те чрезвычайно обрадовались. Оборотень же вновь удалился в лес и там превратился в человека.

Жена ливонского дворянина сказала как-то своему слуге, что сомневается в том, чтобы люди могли на самом деле превращаться в животных. Слуга же выразил готовность немедленно представить ей доказательства того, что такое возможно. Он вышел из комнаты, а через мгновение под окнами женщина увидела волка. Собаки погнались за ним, и одной из них удалось вырвать ему глаз. Когда на следующий день слуга явился к хозяйке, она увидела, что он окривел.

Епископ Майолус^{[23][36]} и Каспар Пейцер^{[24][37]} приводят в своих сочинениях следующие сюжеты из жизни населения Ливонии.

В Рождество хромоногий мальчик бродит по округе и сзывает многочисленных служителей дьявола. Все они покорно устремляются к условленному месту; тех же, кто не хочет туда идти или идет неохотно, погоняют железными плетями их же товарищи, в кровь раздирая несчастным спины. Собравшиеся утрачивают человеческий облик и превращаются в волков. И тех оборотней — тысячи и тысячи. Стаю возглавляет жожак с железным кнутом, все следуют за ним, «будучи глубоко убежденными, что на самом деле стали волками». Они нападают на стада коров и овец, но, как правило, не причиняют вреда людям. Если путь стае преграждает река, жожак может хлестнуть кнутом по водам, и те расступятся, пропуская оборотней на другой берег. Это суеверие открыто порицалось Церковью. Епископ Бурхард^[38] взывал к верующим; «Неужели и вы уверовали в то, во что привыкли верить некоторые, будто некие существа, называемые у непросвещенных парками, существуют и на самом деле обладают той властью, которой их наделяют непросвещенные? То есть неужели, когда рождается человек, они могут предопределить его судьбу как захотят; независимо от воли самого человека, они способны превратить его в волка, того, что непросвещенные называют вервольфом, или придать ему любой иной облик? (*Credidisti, quod quidam credere solent, ut illæ quæ a vulgo Parcæ vocantur, ipsæ, vel sint vel possint hoc facere quod creduntur, id est, dum aliquis homo nascitur, et tunc valeant illum designare ad hoc quod velint, ut quandocunque homo ille voluerit, in lupum transformari possit, quod vulgaris stultitia, werwolf vocat, aut in aliam aliquam figuram?*) Подобным же образом святой Бонифаций в своих проповедях призывал бороться с суевериями относительно «ведьм и людей, обращенных в волков» (*strigas et fictos lupos*)^[25].

В научной диссертации Мюллера о ликантропии (*De Λυκανθρωπία*. Lipsiæ, 1673)^[39] со ссылкой на Клувериуса^[40] и Даннхаверуса^[41] (*Acad. Homilet*, часть II) приводится повествование о некоем Альбертусе Перикофциусе из Московии, который был известен своим дурным нравом и плохим отношением к слугам. Однажды ночью его не было дома, а на следующее утро выяснилось, что все стадо скота, которое он в качестве подати выбил из своих крестьян, пало. Когда хозяин вернулся, ему сообщили о случившемся. Злодей разразился ужасными проклятиями и в конце концов крикнул: «Пусть тот, кто загубил мое стадо, теперь сожрет трупы и меня вместе с ними, коли на то воля Божия».

Едва Альбертус это проговорил, как с его рук на землю закапала кровь, а сам благородный дворянин вдруг обратился в дикого пса, помчался на луг, где лежало мертвое стадо, и принялся пожирать падаль, может быть, он там и поныне (*ac forsán hodie que pascitur*). Жена хозяина в то время была на сносях; не выдержав ужасного зрелища, бедняжка умерла от страха. Об этом событии известно не понаслышке, а от непосредственных свидетелей (*Non ab auritis tantum, sed et ocidatis accepi, quod narro*). В другой истории со сходным сюжетом речь идет о некоем господине, жившем неподалеку от Праги, который нещадно обирал своих крестьян и притеснял их всевозможными способами. Как-то раз он забрал у бедной вдовы, оставшейся с пятью детьми, последнюю корову. Господь наказал злодея, и на следующий день все его огромное стадо погибло. Когда нечестивец принялся богохульствовать, Господь превратил его в пса, оставив от человеческого облика лишь голову.

По легенде, святой Патрик превратил валлийского короля Веретикуса в волка. Святой Наталий в свою бытность настоятелем монастыря предал анафеме довольно знатный ирландский род, так что с той поры все женщины и мужчины в проклятом семействе на семь лет обращались в волков и с жалобным воем бродили по лесам и болотам, утоляя голод мясом овец, унесенных из крестьянских стад^[26]. Епископ Майолус рассказывает о прусском герцоге, который должен был судить собственного крестьянина за то, что тот нападал на скот соседей. Перед герцогом предстал несчастный человек с окровавленным лицом, весь искушенный собаками, которые якобы потрепали его, когда он еще был в обличье волка. Про подсудимого говорили, будто он превращался в волка два раза в год: под Рождество и в середине лета, а перед этим всякий раз, едва на его теле начинала расти волчья шерсть, становился сердит и нелюдим.

Оборотня посадили в тюрьму и вели за ним постоянное наблюдение, чтобы он, не дай бог, не принял обличье волка и не сбежал. Однако ничего примечательного не произошло. Если Олаус Магнус в своем сочинении упоминает именно этого оборотня (что вполне вероятно, судя по сходному месту и времени), то в конце концов, видимо, беднягу погребли заживо.

Иоанн из Нюрнберга рассказывает о таком случае^[27]: как-то раз один священник путешествовал в чужой стране и заблудился в лесу. Вдруг за деревьями он увидел свет и тотчас поспешил туда. На поляне горел костер, а у огня сидел волк. Зверь заговорил с ним человеческим голосом: он попросил святого отца не бояться и объяснил, что принадлежит к оссирийской расе и каждый представитель его племени должен проводить семь лет в обличье волка. После этого те, кто уцелеет, могут вернуться из леса и вернуть себе человеческий облик. Волк попросил священника навестить его тяжелобольную жену и не отказать ей в последнем причастии. После некоторых колебаний святой отец согласился, ибо поверил, что перед ним впрямь не звери, но люди: волк жестикулировал передними лапами, как руками, а его жена стянула с головы волчью шкуру и стала обычной старухой.

У Марии Французской^[42] в «Лэ об оборотне» (*Lais du Bisclaveret*)^[43] находим следующие строки^[28]:

Bisclaveret ad nun en Bretan
Garwall l'apelent li Norman.

Jadis le poet-hum oir
Et souvent suleit avenir,
Humes pluseirs Garwall deviendrent
E es boscages meisun tindrent^{44}.
В Бретани звался бисклавре^{45},
В Нормандии — гарваф^{46}.
Историй есть о том немало,
Ведь раньше часто так бывало,
Что люди с этакой душой
Жили зверьми в глуши лесной.

В «*Breslauische Sammlungen*»^{[29]{47}} есть интересная статья Ранеуса (*Rhanæus*) о вервольфах Курляндии. Автор, в частности, пишет: «Многие истории об оборотнях основываются не на слухах, а на бесспорных фактах, которые подтверждают лишь, что Сатана (если только мы не сомневаемся также и в его существовании) держит в своей власти всех детей тьмы. На тех же, кто страдает ликантропией, он воздействует тремя способами:

- 1) в некоторых обстоятельствах они ведут себя как волки, например нападают на овец, убивают скот и т. п., но при этом на самом деле не превращаются в волков (в оборотней не верит никто из ученых мужей Курляндии), а остаются в людском обличье, однако им самим при этом кажется, что они стали волками, причем эта галлюцинация распространяется и на всех, кто видит несчастных в этом состоянии, — им чудятся стаи волков, хотя перед ними не волки, а люди;
- 2) страдающие ликантропией видят сны, в которых они нападают на скот, а поутру верят, что это и вправду было, хотя на самом деле всю ночь они провели в своей постели под властью видений, насылаемых дьяволом;
- 3) демоны могут вселяться в обычных волков, заставляя их вести себя необычным образом, а потом являют эти сцены в видениях страдающим ликантропией, так что, проснувшись, несчастным кажется, будто они в волчьем обличье совершили все увиденное во сне».

Чтобы проиллюстрировать каждый из указанных способов дьявольского искуса на конкретном примере, Ранеус приводит три истории об оборотнях, которые, как он отмечает, основаны на вполне достоверных фактах. В первой речь идет о некоем господине, которому однажды случилось увидеть, как волк тащит овцу из его стада. Разгневанный хозяин выстрелил в зверя, ранив его, так что тот взвыл от боли и скрылся в чаще. Когда же этот господин вернулся домой, то выяснилось, что вся округа полнится слухами, будто он стрелял в одного из своих арендаторов, трактирщика Микеля. Жена трактирщика по имени Лебба рассказала все, что знала, а многочисленные свидетели подтвердили: ее муж посеял рожь и хотел устроить праздничный обед по этому поводу, но не знал, где взять мяса. Жена умоляла его ни в коем случае не покушаться на хозяйский скот, зная, что все стада охраняют злые собаки. Однако муж ее не послушал и решил-таки украсть овцу, за что и поплатился. Раненый Микель кое-как доковылял до дому, а там от обиды и ярости набросился на собственную лошадь и прокусил ей горло. Это произошло в 1684 году.

В том же году охотнику, выследившему стаю волков и совсем уже было собиравшемуся открыть по ним стрельбу, был голос:

— Эй, приятель, не стреляй! Так и знай, ничего хорошего из этого не выйдет!

Третья история рассказывает о несчастном, страдающем ликантропией, который предстал перед судом по обвинению в колдовстве. Поскольку у законников не было никаких доказательств преступления, они подослали к подсудимому местного крестьянина, чтобы тот выведal правду. Крестьянин должен был попросить оборотня помочь ему из мести загубить

корову соседа, но сделать это осторожно, желательно в обличье волка. Обвиняемый сперва не соглашался, но после долгих уговоров уступил. На следующее утро в хлеву была найдена задранная корова, однако охранники, сторожившие заключенного, дружно поклялись, что ни на миг не спускали с него глаз и точно знают, что подсудимый не покидал камеру и всю ночь крепко спал. Видели лишь, как он шевельнулся во сне.

Виериус^[48] и Форестус^[49], ссылаясь на Гийома Брабантского^[50], рассказывают о некоем знатном господине, который был настолько одержим дьяволом, что ему то и дело начинало казаться, будто он волк. И тогда он устремлялся в лес и иногда даже нападал на маленьких детей. Однако в конце концов Господь сжалился над несчастным и вернул ему рассудок.

Наверняка сходным психическим расстройством страдал и знаменитый провансальский трубадур Пейре Видаль^[51]. Якобы он был влюблен в некую даму из Каркассона по имени Лоба (что на местном диалекте значит «волчица») и от избытка чувств выл, словно волк, бродя по округе, более напоминая неразумного зверя, чем человека.

Волчья страсть нашла отражение в одном из стихотворений трубадура — *A tal Donna*^[30]:

Увенчан счастьем я безмерным,
Оно дороже всех корон:
Ведь я любим, и я влюблен
И буду ей вовеки верным.
Как Ричард, я богат точь-в-точь:
Платок дала мне графа дочь.
Что мне Анжуй? Зачем Турен,
Когда есть рук любимых плен?
Я даже волком стать готов,
И оборотнем называться,
И по пустым лесам скитаться,
Пугая праздных пастухов;
Ни дом не нужен, ни кровать —
Готов в лесу я зимовать:
Меня согреет вновь и вновь
В любой мороз моя любовь.
Волчица, Лоба, пред тобой
Тот, кто обрел в тебе святыню,
Тот, кем владеешь ты отныне, —
Теперь я навсегда лишь твой.

Иов Финцелиус^[52] в своем трактате^[31] приводит трагическую историю одного крестьянина из Павии, который, перекинувшись волком, нападал на людей и разрывал их в клочья. Когда злодея в конце концов поймали, он пытался убедить судей в том, что, по сути, ничем не отличается от обычного волка: просто у волка шерсть растет наружу, а у него — внутрь. Члены магистрата, тоже, видимо, личности весьма кровожадные, повелели отрубить обвиняемому руки и ноги, чтобы проверить, правду ли он говорит. От тяжелых увечий подсудимый умер. Происшествие датировано 1541 годом. Встречающийся в этом рассказе мотив ношения шкуры шерстью внутрь является очень древним: латинское слово *versipellis* (букв. «вывернутая наизнанку шкура») использовалось применительно к людям в произведениях Петрония, Луцилия^[53] и Плавта^[54] и имело уничижительное или даже оскорбительное значение. Сходную семантику могло иметь и слово *hamrammr* в скандинавских языках.

Финцелиус также рассказывает, что в 1542 году в окрестностях Константинополя развелось столько вервольфов, что сам император выехал из города во главе своего войска, чтобы сразиться с ними. В той битве погибло полторы сотни оборотней.

Спрангер повествует о трех молодых дамах, которые, превратившись в кошек, напали на своего работника, однако мужчина сумел дать отпор кошкам и ранил их. Наутро всех трех барышень, истекающих кровью, нашли в постелях.

У Майолуса находим рассказ о некоем человеке, страдающем ликантропией, которого однажды привели к Помпонации^[55]. Крестьяне обнаружили несчастного в стогу сена. Когда они попытались приблизиться, бедняга закричал, что он оборотень и что лучше им бежать прочь и спастись, пока он не набросился на них. Крестьяне позвали подмогу, скрутили оборотня и совсем уже было собирались содрать с него шкуру, чтобы посмотреть, правда ли у него волчья шерсть растет внутри, но передумали и привели к Помпонации. Тот спас беднягу от гибели и назначил ему лечение.

В сочинениях Бодена^[56] также есть несколько историй об оборотнях, якобы записанных со слов надежных свидетелей. Жаль только, что большинство этих надежных свидетелей наверняка были патологическими лжецами. Впрочем, сейчас речь не о том. Так вот, по словам Бодена, генеральный королевский прокуратор Бурден однажды поведал ему, что как-то раз выстрелил в волка и увидел, что стрела застряла у него в бедре. Некоторое время спустя Бурден зашел на постоялый двор и в углу на кровати увидел раненого, из бедра у которого торчала та самая стрела. В 1566 году в Верноне развелось множество ведьм и колдуний, принимавших кошачье обличье. Как-то раз в пустынном месте на пятерых мужчин напала стая кошек. Те, однако, не трусили и дали бой, убив одну кошку и ранив многих. На следующий день у нескольких горожанок обнаружили аналогичные ранения, но все дамы, будучи призванными в суд, смогли дать разумные объяснения касательно природы своих увечий.

Боден также цитирует Пьера Марнера, автора трактата о колдунах, которому якобы довелось в Савойе наблюдать превращение людей в волков. Де Нино рассказывает о случае, происшедшем в Швейцарии, неподалеку от Люцерна^[32]. Крестьянин пошел в лес нарубить дров, и вдруг на него напал волк. Обороняясь топором, крестьянин отрубил зверю переднюю лапу. В тот миг, когда из лапы хлынула кровь, волк начал превращаться в человека, и вскоре напуганный крестьянин увидел перед собой женщину без правой руки. Колдунью сожгли заживо.

Узнать ведьм в зверином облике достаточно легко по отсутствию хвостов. В свою очередь, когда дьявол принимает человеческое обличье, его превращение тоже несовершенно: он никогда не может избавиться от копыт на ногах, как у сатира. Людям же, по-видимому, стоит остерегаться всех бесхвостых животных, ибо они запросто могут оказаться превращенными колдунами и ведьмами. Странно, что заводчики бесхвостых мэнских кошек до сих пор пребывают на этот счет в счастливом неведении.

В главе своего труда, посвященной болезням мозга, Форестус рассказывает о случае, который произошел в середине XVI века в Алкмааре (Голландия) и свидетелем которого был он сам. В тех местах жил крестьянин, у которого каждую весну наблюдались припадки бешенства: обезумев, он бежал к церкви, врывался внутрь, принимался скакать по скамьям, танцевать и бесноваться. В руке при этом крестьянин обычно держал большую палку, которой оборонялся от собак, с лаем преследовавших его и бросавшихся на него, так что все его ноги покрывали шрамы от укусов. Лицо больного было бледно, глаза запали. Форестус счел возможным диагностировать ликантропию, хотя нигде не говорится, что несчастный верил, будто во время припадков превращается в волка. В качестве аналогичного примера ученый ссылается на случай некоего испанского аристократа, которому казалось, что он превращается в медведя. Больной впадал в дикую ярость и убегал в лес.

Донатус из Альтомаре^{[33][57]} утверждает, что на улицах Неаполя видел человека, окруженного толпой зевак, который верил, что превратился в волка. В припадке безумия он

вырыл из могилы мертвеца, оторвал у трупа ногу и понес ее на плече. История датирована серединой XVI века.

Глава шестая **УЖАСНЫЕ ДЕЯНИЯ ОБОРОТНЕЙ**

Пьер Бурго и Мишель Вердан. — Отшельник святого Бонно. — История семейства Гандийон. — Тьевенна Паже. — Портной из Шалона. — Жак Руле

В декабре 1521 года на рассмотрение господину Буану, генеральному инквизитору диоцеза Безансон, поступило дело, обстоятельства которого оказались настолько ужасны, что некоторое время во всей округе только и разговоров было что об этом. Двое подсудимых обвинялись в колдовстве и каннибализме. Их звали Пьер Бурго (известный также как Большой Пьер по причине своего высокого роста) и Мишель Вердан. Вскоре после ареста Пьер добровольно сознался во всех преступлениях. Его признание состояло в нижеследующем.

Девятнадцатью годами ранее он ездил на новогоднюю ярмарку в Полиньи, а когда вернулся, то узнал, что во время его отсутствия случилась сильная буря и все его овцы разбежались. Напрасно Пьер и его товарищи бродили по округе, собирая стадо. Овец и след простыл. В отчаянии возвращался Пьер домой. Вдруг на дороге он увидел троих всадников в черных плащах, и тот, что ехал последним, обратился к крестьянину:

— Что случилось? Отчего ты так грустен? Пьер поведал ему о своих злоключениях. Всадник утешил его, пообещав попросить своего хозяина позаботится о стаде Пьера, если только тот согласится служить этому господину. Пьеру посулили не только вернуть всех овец, но и дать много денег. Крестьянин согласился, и всадник назначил ему новую встречу через четыре или пять дней. Черный всадник сдержал слово: уже за следующим поворотом Пьер увидел свое стадо и пригнал овец домой. Встретившись с незнакомцем во второй раз, Пьер понял, что перед ним слуга дьявола. Однако жребий был уже брошен. Крестьянин отрекся от Бога, и от Девы Марии, и от всех святых, пребывающих в Царствии Небесном. Он отказался от христианства и поцеловал левую руку своего нового повелителя, и была та рука холодна и черна, словно у мертвеца. Встав на колени, Пьер присягнул на верность Сатане и исправно служил ему два года, никогда не входя в церковь до завершения службы и избегая кропления святой водой в соответствии с волей его хозяина, имя которого, как он узнал позднее, было Моисей.

С тех пор Пьер не боялся за свое стадо, ибо знал, что дьявол позаботится о его овцах и защитит их от волков.

Некоторое время спустя крестьянин стал настолько легкомыслен, что решил, будто может уклоняться от службы дьяволу, и начал снова ходить в церковь, как прежде. Возобновить сделку с дьяволом Пьера заставил Мишель Вердан, напомнив, что, кроме овец, ему было также обещано богатство.

Оба пошли в лес и неподалеку от крепости Шарнон встретились с прочими служителями дьявола, которых Пьер не знал. Собравшиеся закружились в танце. У каждого в руке была зеленая свеча, горевшая голубым пламенем. Обещая скорую наживу, Мишель убедил Пьера присоединиться к танцующим. Пьер снял с себя одежду, а Мишель намазал его тело и руки каким-то снадобьем. И тут новичку показалось, что он превращается в волка. Сначала вид собственных лап и густой шерсти, покрывшей тело, изрядно напугал Пьера, но, немного привыкнув к звериному облику, он понял, что теперь стал быстрым, как ветер. Разумеется, за всем происходившим у стен замка наблюдал незримо присутствовавший там властитель тьмы. Пьер осознал это только позднее, когда вернул себе человеческий облик. С Мишелем творилось то же, что и с ним.

После одного или двух часов пребывания в волчьем теле настало время для обратного превращения. Тогда Мишель обмазал себя и Пьера тем же снадобьем, и они снова стали людьми. Оказалось, что волшебная мазь даруется служителям дьявола их наставниками: Пьер получил ее от Моисея, Мишель — от своего наставника по имени Гийомэн.

Пьер сказал, что после своих волчьих вылазок совсем не чувствовал усталости. Судье это показалось странным, поскольку ранее ведьмы неоднократно жаловались ему на крайнее утомление, которое они ощущали после превращений. В соответствии с другими источниками, приступы ликантропии действительно часто вызывали у больных сильнейшую апатию и сонливость, так что те несколько дней не могли встать с постели. Подобным же образом скандинавские берсерки после припадков ярости сильно ослабевали и нуждались в отдыхе.

Во время одной своей охоты в образе волка Пьер повстречал мальчика лет шести-семи, набросился на него и собирался загрызть, но ребенок так громко закричал, что зверь, испугавшись быть пойманным, поспешно вернулся к спрятанной одежде, воспользовался мазью и вернул человеческий облик. Как-то раз вместе с Мишелем они напали на женщину, собиравшую горох, и разорвали ее на куски. Пospешивший на выручку несчастной месье де Шусне тоже пал их жертвой.

В другой раз они подстерегли четырехлетнюю девочку и съели ее. От бедняжки осталась только ручка. Мишелю очень нравилось есть детей.

Следующую девочку они задушили, ее плоть тоже была довольно вкусна. У третьей они выели только часть внутренностей. Как-то вечером Пьер перепрыгнул через садовую ограду, окружавшую дом, и увидел малышку лет девяти, которая полола там клумбы. Девочка упала перед ним на колени и взмолилась о пощаде, но он сломал ей шею и оставил лежать, бездыханной, среди цветов. В тот раз он, кажется, даже не был в волчьем обличье. А еще Пьер убил козла на поле своего соседа Пьера Леругана — животное отчаянно сопротивлялось, так что загрызть его не было никакой возможности, и тогда убийца воспользовался ножом.

Мишель умел превращаться в волка, не снимая одежды, в то время как Пьеру для этого всякий раз приходилось раздеваться догола. Куда исчезала шерсть при обратном превращении, оборотень и сам не знал.

Мишель Вердан полностью подтвердил показания Пьера Бурго.

В начале осени 1573 года суд округа Доль провинции Франш-Конте разрешил крестьянам охоту на вервольфов, наводнивших местность. Разрешение было сформулировано следующим образом: «В соответствии с заявлениями членов суверенного суда Парламента города Доль, на территории Эспаньи, Сальванж, Куршапон и близлежащих деревень в последнее время участились злодейства, чинимые вервольфом, который уже похитил несколько детей, а также совершил ряд нападений на всадников, угрожая их жизни. На основе вышеизложенного, упомянутый суд из соображений всеобщей безопасности объявляет, что действительно разрешает всем жителям перечисленных местностей вооружиться пиками, алебардами, аркебузами и дубинками, чтобы совместными усилиями выследить вервольфа, поймать и убить его, за что в дальнейшем участники этого деяния не будут отвечать перед судом и нести наказание... Утверждено на заседании упомянутого суда в 13-й день месяца сентября 1573 года». Стоит заметить, что на совместную поимку оборотня тамошним жителям понадобилось довольно много времени.

В тихом местечке неподалеку от Аманжа среди леса ютилась скромная лачуга с торфяной крышей и стенами, поросшими лишайником. Позади лачуги был запущенный сад, ограда

которого кое-где совсем прохудилась. Надо сказать, что лачуга эта стояла в стороне от всех дорог, и, чтобы попасть туда, надо было долго идти по лесам и болотам, поэтому гости к хозяевам дома заходили нечасто. Впрочем, те никого особенно и не хотели видеть. Хозяин Жиль Гарнье всегда имел больной, бледный и мрачный вид и при ходьбе сильно сутулился. Одного взгляда его глубокопосаженных глаз из-под кустистых бровей, сросшихся на переносице, было достаточно, чтобы любой встречный перестал искать с ним знакомства. За нелюдимый нрав и длинную седую бороду местные прозвали Жилия отшельником святого Бонно, хотя назвать Жилия праведным ни у кого бы, разумеется, язык не повернулся.

В течение долгого времени на отшельника никто не обращал внимания, но как-то раз крестьяне из деревни Шатенуа возвращались с поля домой через лес и услышали детские крики и утробный рык волка. Они поспешили туда, откуда доносились звуки, и увидели маленькую девочку, на которую нападал огромный зверь. Чудище уже нанесло ребенку несколько ран, но, увидев крестьян, скрылось в чаще. В вечернем полумраке было трудно разобрать, что это за зверь. Некоторым крестьянам показалось, будто они видели волка, другие утверждали, что монстр сильно напоминал отшельника. Это случилось 8 ноября.

Через шесть дней в той же местности пропал десятилетний мальчик. Последний раз ребенка видели неподалеку от ворот города Доль.

Тогда отшельника святого Бонно схватили и привезли в Доль, где он и его жена дали показания, в дальнейшем подтвержденные многочисленными свидетелями.

В День святого Михаила¹⁵⁸¹ Жиль Гарнье, обернувшись волком, напал на девочку десяти-двенадцати лет, гулявшую по винограднику на ферме Горж, неподалеку от Шастенуа, что в миле от города Доль, близ леса Ла-Сер. Оборотень загрыз бедняжку, утащил тело в лес, раздел и принялся пожирать. Лакомство было настолько вкусным, что Жиль решил отнести несколько аппетитных кусков домой, чтобы угостить свою жену Аполлину.

Неделю спустя после Дня Всех Святых негодяй снова обернулся волком и напал на другую девочку. Это произошло на лугу Ла-Пупп, неподалеку от деревень Атюм и Шастенуа. Зверь готов был убить и сожрать ребенка, но на крики малышки прибежали трое крестьян, и оборотню пришлось оставить добычу и спастись бегством. Еще через шесть дней приблизительно в миле от города Доль, между деревнями Гредисан и Меноте, Жиль напал на десятилетнего мальчика и задушил его. Тогда оборотня никто не вспугнул, и он наелся досыта: откусил одну ногу острыми клыками, сожрал все мясо на руках и ногах жертвы, выел внутренности.

В пятницу накануне Дня святого Варфоломея Жиль набросился на мальчика лет двенадцати-тринадцати в грушевой роще близ деревни Перруз. Оборотень потащил добычу в чащу и собирался насытиться ею, но проходившие мимо люди вспугнули его. Ребенка, однако, спасти не удалось. А свидетели происшествия утверждали, что в тот раз Жиль был в человеческом, а не в волчьем облике. Отшельника святого Бонно признали виновным в совершенных им ужасных деяниях, протащили по улицам города до места казни и сожгли заживо в соответствии с постановлением суда.

В данном случае злосчастный маньяк искренне верил в то, что может превращаться в волка, в остальном же был абсолютно разумен и полностью отдавал себе отчет в своих поступках.

В следующем примере сходная форма сумасшествия поразила целую семью. Приводимые здесь сведения основаны на монографии Анри Боге¹⁵⁹¹ «Рассуждение о ведьмах» (*Discours de Sorciers*, 1603–1610).

В 1598 году, по свидетельствам очевидцев, Пернетта Гандийон, девочка из бедной семьи, жившей в округе Жюра, бегала на четвереньках и считала себя волчонком. Во время

очередного приступа ликантропии она убежала в лес и повстречала там мальчика и девочку, собиравших землянику. Жажда крови затмила несчастной разум, и она накинулась на девочку, намереваясь ее загрызть, но четырехлетний брат малышки кинулся на защиту сестры, отважно размахивая ножичком. Пернетта выбила оружие у него из рук, вцепилась ему в горло и загрызла. После случившегося местные жители пришли в ярость и разорвали Пернетту на куски.

Некоторое время спустя ее брат Пьер был обвинен в колдовстве. Говорили, будто он собирает детей на шабаш, а еще умеет вызывать град и превращаться в волка с помощью волшебной мази, которую получил от самого дьявола. Однажды Пьера якобы видели в облике зайца, но чаще всего он перекидывался волком, покрываясь густой серой шерстью. Арестованный признал себя виновным во всех перечисленных преступлениях, а также рассказал, что, превратившись в волка, часто нападал на домашний скот и даже на людей. Чтобы вновь обрести человеческий облик, ему достаточно было поваляться в росистой траве. Сын обвиняемого Жорж поведал судьям, как отец мазал его волшебной мазью, полученной в дар от дьявола, и как потом они оба превращались в волков и участвовали в шабашах. Мальчик также признал, что, обернувшись волком, загрыз двух козлов, встреченных на пути.

В ночь с понедельника на вторник у Жоржа был трехчасовой каталептический припадок, после чего он пришел в себя и спрыгнул с постели как ни в чем не бывало. Все это время, по его словам, он провел на шабаше ведьм в обличье волка.

Сестра Жоржа — Антуанетта — призналась, что умеет вызывать град, потому что продала душу дьяволу, который однажды явился к ней в образе черного козла. Она также не отрицала своего участия в шабашах.

Пьера и Жоржа посадили в тюрьму, где они вели себя как безумные: бегали на четвереньках по камерам и жалобно выли. Их лица, руки и ноги покрывали шрамы якобы от укусов собак, часто нападавших на них, когда они были в волчьем обличье. По мнению Бога, в заключении оборотни никак не могли превратиться в волков, потому что у них при себе не оказалось волшебной мази.

Все трое: Пьер, Жорж и Антуанетта — были повешены и сожжены.

Тьевенна Паже, самая что ни на есть настоящая ведьма, на допросе также призналась, что часто превращалась в волчицу и в этом образе сопровождала дьявола: бежала, ведомая им, по горам и долам, убивая скот и детей ради насыщения. То же самое говорили хромоножка Клода Исана Прост, а также Клода Исана Гийом и Исана Рокэ, которая вдобавок призналась в убийстве пятерых детей.

14 декабря того же года, когда были казнены трое членов семьи Гандийон, Парламент Парижа приговорил к сожжению портного из Шалона, обвинив его в ликантропии. Этот презренный человек заманивал детей к себе в мастерскую или нападал на них в сумерках где-нибудь в лесу, когда они собирали хворост, зверски убивал и съедал. Точное число жертв портного осталось неизвестно. В его доме нашли целый бочонок детских костей. Маньяк был настолько циничен, а совершенные им преступления так отвратительны, что судьи постановили сжечь все документы по данному делу по окончании слушаний.

Еще один громкий судебный процесс, связанный с ликантропией, проходил в Анжере в 1598 году. Его обстоятельства были не менее ужасны.

Как-то раз в пустынной местности неподалеку от городка Код крестьяне нашли труп мальчика лет пятнадцати, весь в крови, со страшными увечьями. Там же люди увидели двух волков, которые рвали мертвое тело в клочья, но, заметив присутствие человека, прервали трапезу и скрылись в лесу. Крестьяне попытались преследовать их по кровавому следу,

тянувшегося за ними, но вскоре отстали. На обратном пути к месту трагедии они натолкнулись на полуголого, сильно обросшего человека. Руки дикаря были перепачканы кровью, под его длинными ногтями, похожими на когти хищника, виднелись остатки человеческой плоти, которую он явно до этого рвал.

Этот случай представляется, пожалуй, наиболее странным и загадочным из всех перечисленных.

Дикарь по имени Руле сознался, что напал на мальчика, убил его и собирался съесть, но пришедшие люди напугали его, и он сбежал.

В ходе расследования выяснилось, что Руле был безумцем, просившим милостыню в той местности и жившим на подаяния. Вместе с ним нищенствовали его брат Жан и кузен Жульен. Сердобольные жители соседней деревни пускали бродяг на ночлег, но, как показали свидетели, в течение восьми дней, предшествовавших трагедии, Руле никто не видел.

На суде обвиняемый признался, что может превращаться в волка с помощью мази, которую получил от родителей. Когда его спросили о двух волках, виденных возле тела мальчика, Руле ответил, что, конечно, знает их, — это его брат Жан и кузен Жульен, которые тоже владеют секретом превращения. Руле предложили опознать одежду, в которой он был в день преступления, и он сделал это безошибочно. Кроме того, Руле подробно описал жертву, назвал точное место и время убийства и узнал человека, который первым прибежал на крики ребенка, — им оказался отец несчастного мальчика. В тюрьме Руле вел себя как полный безумец. Во время припадков его живот надувался и твердел. Однажды вечером он попросил воды и выпил целое ведро, после чего вообще отказался пить и есть.

Родители злодея оказались порядочными и благочестивыми людьми. Они представили в суде доказательства того, что брат заключенного Жан и кузен Жульен в день преступления работали и находились далеко от места трагедии.

— Назовите ваше имя и сословие, — обратился к обвиняемому судья Пьер Эро.

— Меня зовут Жак Руле, мне тридцать пять лет. Я нищий, прошу милостыню и живу тем, что подадут.

— В чем вы обвиняетесь?

— В сговоре с дьяволом и преступлении против Бога. От своих родителей я получил чудесную мазь, состав которой мне неизвестен.

— Втерев эту мазь, вы становитесь волком?

— Нет, но, несмотря на это, я на самом деле убил и съел малыша Корнье: тогда я был волком.

— На вас была волчья шкура?

— Нет, я был одет, как сейчас. По моим рукам и лицу текла кровь моей жертвы, ведь я пожирал плоть убитого мальчика.

— Ваши ноги и руки превращались в волчьи лапы?

— Да.

— А вместо лица у вас была волчья морда? Вместо рта — волчья пасть?

— Я не знаю, как тогда выглядело мое лицо. Голова соображала как обычно, а зубы все время грызли и кусали. Я и прежде нападал на детей, а еще был на шабаше.

Лейтенант по уголовным делам приговорил Руле к смертной казни. Он, однако, подал апелляцию в Парламент Парижа. Парламентарии решили, что обвиняемый — скорее ненормальный, чем злодей и колдун, и заменили смертный приговор двумя годами заключения в сумасшедшем доме, где несчастный должен был вновь обрести веру в Бога, утраченную вследствие крайней бедности^[34].

Глава седьмая ЖАН ГРЕНЬЕ

Случай в дюнах. — Волк нападает на Маргерит Пуарье. — Жан Гренье предстает перед судом. — Его признания. — Обвинения в каннибализме подтверждаются. — Приговор. — Жизнь в монастыре. — Визит Деланкра

Однажды погожим весенним днем юные крестьянки пасли овец среди песчаных дюн, отделяющих бесконечные сосновые леса (покрывающие большую часть нынешнего департамента Ланды) от моря, которое омывает Францию с юга.

Синее небо, свежий ветерок, играющий голубыми волнами Бискайского залива и раскачивающий макушки сосен, что встали зеленой стеной на востоке, желтый песок дюн, кое-где поросших золотистым зверобоем, лазурной горечавкой и камнеломкой, шепот сосен, дубов и акаций в пышном бело-розовом цвету — все это, должно быть, необыкновенно радовало девичьи сердца, а эхо в темном лесу повторяло песни и звонкий смех.

То подружки залюбуются красивой бабочкой, то заметят гнездо перепелки — все им кажется забавным.

— Эх, вот бы мне сейчас хoduли и палку, — воскликнула Жаклин Озон, — уж я бы тогда добралась до этих перепелок: отличный был бы ужин.

— Скажи лучше, вот бы эти перепелки сами залетели к нам в рот, уже зажаренные, — пошутила ее подруга.

— А у вас будут какие-нибудь обновки к Иванову дню? — спросила их третья. — Мне, например, мама обещала купить шикарную шляпку с золотистой ленточкой.

— Ты что, Аннетта, хочешь, чтобы челюсть у Этьена окончательно отвалилась? — сострила Жанна Габориан. — Гляньте, что это с той овцой?

И пастушка указала на овцу, которая подошла к самому краю дюны, задумчиво жуя травку, и вдруг подпрыгнула и помчалась прочь, словно ее что-то напугало. Одна из собак тоже, видно, что-то почуяла и зарычала, обнажив клыки.

Девушки побежали к той дюне и увидели углубление, в котором на еловом чурбаке сидел мальчик лет тринадцати. Выглядел он довольно странно. Густые рыжеватые волосы, не знавшие ни гребня, ни ножниц, ниспадали на плечи и лицо. Маленькие светло-серые глазки свирепо и злобно поблескивали в глубоких глазницах. Лицо покрывал темно-оливковый загар, крупные зубы сияли белизной, причем клыки виднелись даже тогда, когда губы были сомкнуты. Большие сильные руки казались бы даже красивыми, если бы не уродливые грязные ногти, заостренные на концах, словно птичьи коготки. Бедняга был одет в тряпье, словно нищий. Сквозь старые лохмотья виднелось изнуренное тело.

Девушки окружили найденыша и смотрели на него со страхом и удивлением. А тот не проявлял никаких признаков беспокойства, глядел на них с отвратительным вожделением и

ухмылялся, обнажая белоснежные острые клыки. Вдруг мальчик заговорил грубым, неприятным голосом:

— Ну что, мои милые, скажите-ка мне, которая из вас красивее всех?

— А тебе зачем? — осведомилась Жанна Габориан, старшая из девушек.

Ей было уже восемнадцать, и она чувствовала себя достаточно взрослой, чтобы вести переговоры.

— Потому что на самой красивой я женюсь, — ответил дикарь.

— Ишь ты! — усмехнулась Жанна. — Может быть, сперва спросишь, кто из нас согласен выйти за тебя замуж? Впрочем, тут тебе, скорее всего, не на что надеяться, ведь мы тебя совсем не знаем.

— Я сын священника, — коротко ответил мальчик.

— И поэтому ты весь такой грязный и оборванный?

— Нет, я грязный, потому что иногда мне приходится носить волчью шкуру.

— Волчью шкуру? — удивленно повторила девушка. — Откуда она у тебя?

— Мне дал ее Пьер Лабуран.

— Не знаем здесь такого. Кто он? Где живет?

В ответ дикарь разразился диким, воющим хохотом.

Пастушки испугались, а самая младшая из них даже спряталась за спину Жанны.

— Красотка, ты вправду хочешь знать, кто такой Пьер Лабуран? У него на шее железная цепь, которую он все время старается перегрызть. Тебе интересно, где он живет? Он живет среди мрака и пламени, и он там не один — там пребывают многие, горят в огне, кто сидя, кто лежа, терпят страшные муки. Кто корчится на тлеющих углях, кто жарится на вертеле, кто варится в кипящем котле.

Девушки испуганно переглянулись, потом опять воззрились на странного дикаря. Тот не унимался:

— Хочешь знать, зачем мне волчья шкура? Пьер Лабуран дал ее мне. Он облачает меня в нее по понедельникам, пятницам и воскресеньям, а в остальные дни я превращаюсь в волка за час до заката. Да, я оборотень. Я загрыз несколько собак и выпил их кровь. Но мясо молоденьких девушек куда вкуснее собачатины. Их плоть такая нежная и сладкая, их кровь — такая густая и теплая. Во время вылазок мы с товарищами съели немало юных красоток. Да, я самый настоящий оборотень, и, будь сейчас вечер, я бы с удовольствием поужинал кем-нибудь из вас! Ха-ха-ха!

Тут дикарь снова принялся дико хохотать, а напуганные девушки со всех ног бросились бежать отсюда.

Тринадцатилетняя девочка Маргерит Пуарье любила пасти овец неподалеку от деревни Сент-Антуан-де-Пизон. Иногда при этом ее сопровождал сверстник по имени Жан Гренье. Кстати, это был тот самый мальчик, с которым беседовала Жанна Габориан.

Маргерит то и дело жаловалась на него родителям: он постоянно пугал ее страшными историями. Однако отец и мать не обращали особого внимания на жалобы дочери, пока

однажды девочка не прибежала домой раньше обычного, от ужаса забыв про свое стадо. Тут родители решили разобраться в случившемся, и дочь рассказала им, что произошло.

Жан часто уверял ее, будто продал душу дьяволу и за это приобрел способность с наступлением темноты, а иногда и при свете дня превращаться в волка и рыскать по округе в поисках добычи. Мальчик признался, что уже задрал и съел несколько собак, но их мясо менее вкусно, чем нежная плоть молоденьких красавиц, ничего изысканнее которой быть не может. Жан сказал, что загубил уже немало девиц, но особенно запомнил два случая. В первом он насытился до отвала, а то, что не доел, бросил волкам, сбегавшимся на запах крови. В другой раз он был настолько голоден, что сожрал девушку целиком, так что от нее остались только руки.

Маргерит также объяснила, отчего она сильно испугалась в тот вечер. На закате она повела стадо к дому. Гренье нигде не было видно. Вдруг в кустах позади нее раздался шорох, и не успела она оглянуться, как ужасное чудовище накинулось на нее и распорол платье на боку острыми клыками. Бедняжка защищалась как могла, отмахиваясь от зверя пастушеским посохом. Она сопротивлялась так отчаянно, что заставила врага отступить. Зверь присел на задние лапы, приподняв передние, словно собака, просящая подачку, и посмотрел на нее ненавидящим взглядом. Не дожидаясь, пока чудовище придет в себя, Маргерит побежала. По ее словам, напавшее на нее животное с рыжей шерстью и коротким хвостом походило на волка, только было немного меньше.

Рассказ девочки напугал всю округу. Действительно, за последнее время в близлежащих деревнях пропало несколько детей, и теперь их родители не находили себе места от страха, думая, что их малышей сожрал мальчик-оборотень, обвиненный Маргерит Пуарье. За дело взялись местные власти, которые сочли нужным довести его обстоятельства до сведения членов Парламента в Бордо.

В ходе тщательного расследования были выяснены детали.

Жан Гренье оказался сыном вовсе не священника, а бедного поденщика из деревни Сент-Антуан-де-Пизон. За три месяца до случившегося он ушел из дому и жил тем, что нанимался на различные работы или просил милостыню. Крестьяне брали его пасти скот, но Жан плохо следил за стадом, так что всякий раз вскоре хозяева прогоняли нерадивого пастуха. На допросах обвиняемый охотно рассказывал о себе и своих злоключениях, в дальнейшем полученные сведения проверялись и часто оказывались правдой.

На суде арестованный сделал следующее признание: «Когда мне было десять или одиннадцать, мой сосед, месье Дютийер, отвел меня в чашу и представил Хозяину Леса, черному человеку, который оставил у меня на руке знак своим ногтем, а потом дал мне и Дютийеру волчью шкуру и волшебную мазь. С тех пор я стал превращаться в волка и бродить по округе. Что до обвинений Маргерит Пуарье, то они справедливы. Я действительно собирался убить и съесть ее, но она отбилась от меня палкой. Я загрыз только одну белую собаку, но крови ее не пил».

Когда Жана спросили о пропавших детях, он признался еще в нескольких преступлениях. Как-то раз в деревушке, названия которой он не помнил, где-то на полпути между Сент-Кутра и Сент-Анлэ, он зашел в пустой дом и увидел дитя в колыбели. Так как в доме никого не было, то злодей схватил ребенка, кинулся с ним в сад, перепрыгнул через забор и, добежав до леса, сожрал свою добычу. Остатки тела убийца скормил волкам. В приходе Сент-Антуан-де-Пизон он напал на девочку, которая пасла овец. Жан не знал ее имени, помнил только, что она была в черном платье. Он разорвал ее тело зубами и когтями и съел. За шесть недель до ареста злодей убил еще одного ребенка в том же приходе, неподалеку от

каменного моста. В Эпароне Жан Гренье накинудся на гончую некоего месье Мийона и загрыз бы ее, если бы не подоспел хозяин с рапирой и не отогнал его.

Преступник заявил, что оборотнем его сделала чудесная волчья шкура, а на детей он охотится по приказу своего господина, Хозяина Леса. Всякий раз перед превращением Жан раздевался, прятал одежду в тайник и смазывал себя волшебной мазью, которую хранил в особом горшочке.

Обычно оборотень охотился час или два при ущербной луне, но иногда его вылазки затягивались на всю ночь. Однажды они охотились вместе с Дютийером, но оба остались без добычи.

Жан Гренье оклеветал отца, сказав, что у того тоже есть волчья шкура и он помогал сыну в его ужасных деяниях. Якобы они вместе напали на девочку, которая пасла гусей близ деревни Грийан. К тому же обвиняемый поведал судьям, что его мачеха ушла от отца, увидев, как того тошнит собачьими лапами и детскими пальцами. Оборотень также рассказал, что Хозяин Леса велел ему беречь ноготь на большом пальце левой руки, — этот ноготь строго запрещалось подстригать или обкусывать, так что он был намного длиннее и толще остальных. Чтобы ненароком его не сломать, в облике волка оборотень должен был соблюдать особую осторожность.

Дютийера арестовали, отца Жана Гренье тщательно допросили. Показания отца и мачехи подсудимого во многом совпали со сведениями, которые дал их сын.

В результате расследований, проведенных на местах предполагаемых преступлений Гренье, выяснилось, что указанное обвиняемым время преступления точно совпадает с датами исчезновения детей в близлежащих деревнях.

Жан описал способы и обстоятельства нападения и раны, которые нанес жертвам, — все эти сведения совпали с информацией, полученной от случайных свидетелей или чудом спасшихся пострадавших.

Когда подсудимого спросили, помнит ли он Маргерит Пуарье, он легко опознал ее среди шести похожих девочек, указал на ссадины на ее руках и сказал, что это следы его зубов, оставшиеся после того, как он напал на бедняжку в волчьем обличье. Ей, правда, удалось отбиться от него палкой. Еще Жан вспомнил случай, когда напал на маленького мальчика и совсем уже было собирался перегрызть ему горло, как тут на крики ребенка прибежал мужчина, который замахнулся на него дубинкой и закричал: «Вот я тебе сейчас!»

Спаситель, оказавшийся дядей мальчика, подтвердил, что все именно так и было, и даже слово в слово повторил угрозы, которыми осыпал зверя, напавшего на племянника.

При перекрестном допросе с отцом Жан начал путаться в показаниях. Он изворачивался и явно противоречил сам себе. Допрос длился долго — в конце концов следователи заметили, что и без того ущербный разум подсудимого напрочь отказывается ему служить, и отложили рассмотрение дела. На следующем перекрестном допросе, также в присутствии отца, Жан рассказал свою историю в первоначальном варианте лишь с незначительными вариациями.

Тот факт, что Жан Гренье убил и съел семерых детей и ранил еще несколько при попытке убийства, был полностью подтвержден. Однако никаких доказательств виновности его отца в этих преступлениях обнаружено не было, поэтому Гренье-старшего суд полностью оправдал и отпустил на свободу.

Единственным свидетелем, подтвердившим, что Жан при совершении преступлений действительно превращался в волка, оказалась Маргерит Пуарье.

Перед вынесением приговора первый президент суда произнес пламенную речь, призывая судей не принимать во внимание весь этот вздор насчет превращений, колдовства и заключенных с дьяволом соглашений, а вместо этого учесть юный возраст подсудимого и его слабоумие, — ведь он настолько недалек, что уступает в своем развитии даже семи- или восьмилетним детям. Выступающий также подчеркнул, что ликантропия и куантропия есть не более чем галлюцинации и что все описанные обвиняемым превращения — лишь плод его больного воображения, а следовательно, Жан Гренье, бедный умалишенный мальчик, не получивший ни достойного морального наставления, ни образования, вряд ли заслуживает сурового наказания за совершенные злодеяния. Суд приговорил Гренье к пожизненному заключению в монастыре Бордо. Божьи служители должны были перевоспитать несчастного в христианско духе. При попытке к бегству заключение подлежало заменить смертной казнью.

Вот уж, наверное, обрадовались монахи, когда им привезли столь достойного ученика для наставления на путь истинный! По прибытии в обитель мальчик принялся носиться по монастырскому двору и саду на четвереньках, потом нашел в куче отходов потроха и принялся их пожирать.

Пьер Деланкр посетил беднягу на седьмом году заключения. Тот оказался необычайно худ и робок, а при разговоре избегал смотреть собеседнику в глаза. Его взгляд был все так же тяжел и неподвижен, прежними остались огромные клыки, грязные, длинные и кое-где обломанные ногти. Несчастный, по-видимому, окончательно лишился рассудка, он уже практически ничего не понимал. Однако, будучи в этом состоянии, Жан Гренье все же поведал Деланкру о своих злключениях, рассказал, как когда-то в облике волка бегал по лесам, и признался, что до сих пор жаждет крови и не прочь отведать плоти маленьких девочек, которая настолько вкусна, что, кабы его воля, он давным-давно бы уже утолил свой голод. Заключенный также сказал, что в монастыре к нему дважды являлся Хозяин Леса, но Жан изгонял его, осеняя себя крестом. Деланкр спросил безумца о совершенных преступлениях и получил ответ, во всех подробностях совпавший со сведениями, указанными в судебных отчетах и протоколах. Неизменной осталась и убежденность бедняги в том, что он заключил соглашение с черным человеком и в результате приобрел способность превращаться в волка.

Жан Гренье умер в двадцатилетнем возрасте вскоре после визита Деланкра (См.: Деланкр П. Картина непостоянства злобных ангелов и демонов (*Tableau de l'inconstance des mauvais anges et demons*). Париж, 1612. С. 305).

Как мы видим, в случае Руле и Гренье судьи вполне справедливо категоризировали ликантропию как проявление психического расстройства. С тех пор подобные случаи стали рассматривать как подлежащие скорее медицинскому лечению, чем уголовному наказанию.

Подумать только, ведь это значит, что и сейчас среди нас есть люди, которых томит жажда человеческой крови, и, чтобы ее утолить, они готовы пойти на самые жестокие и отвратительные преступления. Стоит только такому оборотню улигнуть из психиатрической лечебницы — и ужас может повториться.

Глава восьмая **ФОЛЬКЛОР ОБ ОБОРОТНЯХ**

**Неразвитость сюжетов об оборотнях в английском фольклоре. — Обычай
Девоншира. — О происхождении слова were-wolf. — Каннибализм в Шотландии. —
Разбойник из Ангуса. — Злодей из Перта. — Французские суеверия. — Норвежские
обычаи. — Датские сказания о вервольфах. — Легенды герцогства Гольштейн. —
Оборотни в Нидерландах. — Оборотничество у греков, сербов, белорусов, поляков и**

русских. — Русский заговор на превращение в волка. — Вилкодлак в Богемии. — Армянская легенда. — Индийские сказки. — Буда в Абиссинии. — Американские истории о превращениях. — Словацкая быличка. — Аналогичные сюжеты в греческом, беарнском и исландском фольклоре

В английском фольклоре, в отличие от большинства других национальных традиций, сюжеты об оборотнях не слишком распространены. По-видимому, это связано с тем, что местное население избавилось от волков еще в эпоху англосаксонских королевств^[60].

Традиционная вера в оборотничество, однако, надолго закрепилась в народном сознании, судя хотя бы по тому, что слово *were-wolf*, весьма редкое в современном английском языке, довольно часто встречается в старинных преданиях и балладах. У Томаса Кемпиона^[61] находим следующие строки:

O was it *war-wolf* in the wood?
Or was it mermaid in the sea?
Or was it man, or vile woman,
My ain true love, that mis-shaped thee?
Ты оборотнем мне явилась?
Или русалкою морской?
Иль в ведьму злую превратилась?
Любовь, каков был облик твой?

В сборник Хартсхорна вошла легенда под названием «Уильям и вервольф» (*William and the Were-Wolf*)^[35], но она явно представляет собой перевод с французского, ведь, как признает автор, «он впервые выполнил перевод этой сказки с французского языка на язык английского народа» («*for he of Frenche this fayre tale ferst dede translate, in ese of Englysch men in Englysch speche*»).

Согласно английским народным поверьям, ведьмы обычно превращаются не в волков, а в зайцев или кошек — именно в обличье этих зверей они отправляются на шабаш.

В Девоншире колдуны и ведьмы бродят по болотам, перекинувшись черными собаками. В одном предании говорится, что как-то раз две такие твари повадились вечерами наведываться в трактир и пить там сидр. В конце концов хозяин заведения не вынес такой наглости и выстрелил серебряной пулей поверх их голов. Тотчас собаки превратились в двух дам, с которыми трактирщик давно не ладил. В соответствии с другим поверьем, в Хитфилде, неподалеку от Тэвистока, в полнолуние часто можно видеть призрачного охотника, который травит гончими белого зайца. Однажды местный паренек, возвращаясь с ярмарки, повстречал эту охоту, пожалел зайца и спас от преследователей. Тот тут же превратился в красивую девушку.

Гервасий Тильберийский^[62] в своем произведении «Императорские досуги» (*Otia Imperialia*) пишет: «*Vidimus frequenter in Anglia, per lunationes, homines in lupos mutari, quod hominum genus **gerulfos** Galli vocant, Angli vero **wer-wlf**, dicunt: **wer** enim Anglice virum sonat, **wlf**, **lupum***»^[36]. Вариант этимологии слова «вервольф» (англ. *werewolf*), предложенный Гервасием, вполне правдоподобен: возможно, при образовании этого слова действительно имело место сложение основ *wer* — «человек» и *wolf* — «волк», хотя лично мне моя версия происхождения данного слова, предложенная в одной из предыдущих глав этой книги, кажется более правильной. Разумеется, у Гервасия были свои аргументы: англосаксонский корень *wér* со значением «человек» имеет соответствия в других языках: в готском — *vair*, в латинском — *vir*, в исландском — *verr*, в авестийском (зендском) — *vîra*, в древнепрусском — *wirs*, в латышском — *wirs*, в санскрите — *vîra*, в бенгальском — *bîr*.

В исторических хрониках Шотландии есть сведения о случаях каннибализма, однако при этом превращений каннибалов в животных не отмечено.

Например, Гектор Боэций^[63] в своем своде исторических хроник повествует о грабителе и его дочери, которые нападали на детей и поедали их. Более подробно об их ужасных преступлениях рассказывает Роберт Линдсей^[64].

«Приблизительно в то же время (1460) в Ангусе^[65] бесчинствовал некий разбойник. Ему помогала его семья. Злодей всюду тайно похищал детей и ел их, и чем моложе были жертвы, тем нежнее и вкуснее казалось разбойнику их мясо. За свои злодеяния преступник вместе с женой и детьми был сожжен. В живых осталась лишь его самая младшая дочь. Ее воспитали приемные родители в Данди. Повзрослев, она стала проявлять те же наклонности, что и отец, и за совершенные преступления в конце концов была осуждена и также сожжена. Говорят, что, когда ее вели к месту казни, собравшаяся у дороги толпа осыпала преступницу бранью и проклятиями. Особенно громко раздавались женские голоса. Осужденная обратилась к толпе с такой речью: „Почему вы поносите меня, словно я поступила недостойно? Поверьте мне, если бы вы хоть однажды попробовали человеческую плоть на вкус, вы ощутили бы такое наслаждение, что впредь не захотели бы ничего другого“. Злодейка была прилюдно казнена, так и не покаявшись перед смертью»^[37].

Эндрю из Винтауна^[66] в своей стихотворной хронике рассказывает историю еще одного каннибала, жившего незадолго до создания этого произведения, — по-видимому, поэт записал историю со слов старших современников. События датированы 1340 годом, когда большая часть Шотландии была разорена войсками короля Эдуарда III.

About Perth thare was the countrie
Sae waste, that wonder wes to see;
For intill well-great space thereby,
Wes nother house left nor herb'ry.
Of deer thare wes then sic foison (profusion),
That they wold near come to the town,
Sae great default was near that stead,
That mony were in hunger dead.
A carle they said was near thereby,
That wold act settis (traps) commonly,
Children and women for to slay,
And swains that he might over-ta;
And ate them all that he get might;
Chwsten Cleek till name behight.
That sa'ry life continued he,
While waste but folk was the countrie^[38].

Близ Перта вымерла земля —
Пустей не видел в жизни я,
На много миль в лихой глуши —
Ни огонька и ни души.
Там расплодился зверь тогда,
Оленей целые стада
Без страха заходили в город,
Где горожан повывел голод.
Там жил тогда один злодей,
Он ел и женщин, и детей,
Коль пустовал его капкан
И в тот капкан не шел кабан.
Он прозывался Чустен Клик
И мог сожрать любого вмиг.
В конце концов этот злодей

Загрыз в округе всех людей.

Если мы сравним эти два случая каннибализма с теми, которые описывались в двух предыдущих главах, станет очевидным, что в народном сознании жителей Британских островов каннибализм никак не связан с какими-либо внешними превращениями. Если бы разбойник из Ангуса или злодей из Перта совершил свои преступления во Франции или Германии, его наверняка сочли бы оборотнем и обвинили в ликантропии.

Иероним Блаженный^{67}, в юности (около 380 года) живший среди гэлов, оставил описание нравов населения Шотландии, где мы находим, в частности, следующую, не слишком лицеприятную, информацию: «В молодости я жил у гэлов и видел несколько представителей племени аттакотти, которое известно тем, что питается человечиной, хотя не гнушается также и свининой, говядиной и бараниной, если таковая попадется. Самыми изысканными деликатесами же у них считаются ляжки мужчин и груди женщин» (видимо, этим дикарям пастухи и пастушки казались вкуснее их стад). Данную цитату приводит Эдуард Гиббон^{68}, комментируя ее таким образом: «Если в те времена неподалеку от столь развитого торгового и образовательного центра, как Глазго, на самом деле жило племя каннибалов, по одному этому можно судить, насколько тесно соседствовали дикость и цивилизованность на том этапе развития шотландского общества. Подобные рассуждения позволяют пренебречь стереотипами и уверовать в то, что в будущем и Новая Зеландия сможет дать миру своего Юма^{69}, светоча Южного полушария».

Если на Британских островах легенды о вервольфах не слишком распространены, то на континенте дела обстоят совсем по-другому.

На юге Франции до сих пор существует поверье о том, что некоторым людям на роду написано быть оборотнями и каждое полнолуние они превращаются в волков. Ночью они вдруг чувствуют острую потребность покинуть дом, встают с постели, выпрыгивают из окна и направляются к ближайшему водоему. Стоит им окунуться, как их тело тотчас покрывается густой шерстью. Они опускаются на четвереньки и становятся неотличимы от волков. Оборотни выходят на охоту: они рыщут по лесам и лугам, нападая на всех зверей и людей, встреченных по пути. Перед рассветом вервольфы должны вернуться к тому же водоему и вновь окунуться, чтобы скинуть волчью шкуру и вернуть человеческий облик, после чего ликантропы возвращаются домой, в свои постели. Иногда оборотни превращаются в белых собак, которые на бегу звенят тяжелыми цепями, — подобные верования отражают сближение в народной культуре двух мифологических персонажей: собственно оборотня и кладбищенской собаки (призрачного пса, церковного пса и т. п.) — привидения в виде собаки, обитающего на погостах.

Жители Перигора называют оборотней *loulée-rou* (диалектный вариант *loup-garoux*) и верят в то, что некоторые люди, особенно рожденные вне брака, обречены превращаться в животных каждое полнолуние в течение всей жизни.

Приступы ликантропии всегда случаются по ночам. Оборотень выпрыгивает из окна и устремляется к ближайшему источнику, там окунается в воду и отряхивается, после чего уже оказывается облачен в козлиную шкуру, дарованную дьяволом. Оборотни встают на четвереньки и в новом обличье всю ночь бродят по окрестным лесам и полям, нападая на собак и пожирая их. На рассвете они сбрасывают козлиную шкуру и возвращаются домой. Во время ночной охоты оборотню может попасться старый пес. Его жесткое мясо вызывает у оборотня желудочное расстройство и даже рвоту, в которой порой обнаруживаются непереваренные собачьи лапы. Главная опасность, которой подвергается оборотень, — быть раненым или убитым в зверином облике. Стоит вервюльфу пролить хоть каплю крови, как он тут же превращается обратно в человека и может быть узан, навсегда опозорив собственное семейство.

Оборотня в человеческом облике узнать не так уж сложно: у него, как правило, широкие ладони, короткие пальцы, между которыми растут волосы.

В Нормандии больные ликантропией по вечерам надевают на себя шкуру, взятую во временное пользование у дьявола, — на местном наречии она зовется *hère* или *hure*. Превратившись в животных, оборотни отправляются в путь, а Сатана сопровождает их и бьет кнутом по ногам на каждом перекрестке. Чтобы освободить вервольфа от власти темного владыки, нужно трижды ударить превращенного зверя ножом промеж глаз. Менее ярые сторонники аллопатии считают, что для полного излечения ликантропии достаточно трех капель крови больного.

Там же бытует поверье, будто оборотни — это восставшие мертвецы, заслужившие в земной жизни страшные проклятия и не нашедшие покоя в загробном мире. Сперва такой несчастный рвет на себе саван и рыдает в гробу, потом в самую глухую полночь могильный холмик вдруг начинает шевелиться, и наконец из-под земли на поверхность выпрыгивает волк. От него исходит смрад, шкура светится в темноте, а из пасти рвется бешеный рык.

В округе Ле-Бессен^[70] население верит в способность колдунов обращать людей в животных, чаще всего в собак.

Норвежцы считают, что некоторые люди на самом деле могут на время превращаться в волков или медведей (*Huse-björn*): либо эту способность им даруют тролли, либо оборотни сами и есть тролли.

Например, широко известна такая история. Среди леса в лачуге жил крестьянин Лассе с женой. Как-то раз он отправился за дровами, забыв перед уходом помолиться и перекреститься как положено, и поддался чарам не то тролля, не то волчьей ведьмы (*varga mor*), так что превратился в волка. Много лет горевала жена крестьянина, но вот однажды в канун Рождества к ее дому пришла нищенка, вся в грязи и в лохмотьях. Добрая женщина пустила несчастную в дом, накормила и обогрела ее. На прощание нищенка сказала крестьянке, что, возможно, ее муж вернется, ведь он не умер, а скитается волком по лесу. Вечером женщина пошла в кладовую за мясом и под окном увидела волка, который заглядывал внутрь и смотрел на нее голодными и грустными глазами. Крестьянка сказала: «Если бы я знала, что ты и есть Лассе, я дала бы тебе кусок мяса». И тотчас волчья шкура пала с плеч оборотня, и крестьянка увидела перед собой мужа в той самой одежде, в которой он был, когда ушел из дому в то злополучное утро.

Финны, лопари и русские особенно склонны к оборотничеству. По крайней мере, шведы верят, что именно эти народы способны превращать людей в зверей. В последний год войны с Россией в окрестностях шведского города Кальмар развелось столько волков, что местные жители считали их оборотнями и верили, будто русские превращают шведских пленных в волков, а потом отпускают их домой, чтобы те опустошали собственную землю.

В Дании бытует такая легенда.

Один человек был оборотнем от рождения. Как-то поздним вечером он с женой возвращался домой с праздника и понял, что уже близок час его превращения. Перед тем как спрыгнуть с повозки, муж успел сказать жене:

— Если на тебя станут нападать, отмахнись фартуком.

Через мгновение на женщину набросился волк, она отмахнулась от него фартуком, как велел муж, зверь оторвал от фартука изрядный кусок и убежал. Через некоторое время бедняжка вновь увидела перед собой мужа: он вышел из леса, держа в руке лоскут от фартука. Женщина в ужасе закричала:

— О боже, мой муж — оборотень!

— Уже нет, моя милая, — ответил ей супруг. — Благодаря тебе я перестал им быть.

Если женщина в полночь растянет промеж четырех палок кобылий послед и, раздевшись донага, пролезет под ним, роды ее будут безболезненными, но все ее сыновья будут оборотнями, а дочери — ведьмами. При свете дня оборотень ничем не отличим от человека, его можно узнать разве что по сросшимся на переносице бровям. В урочный час ночи он превращается в собаку о трех ногах. Оборотень может излечиться, только если кто-нибудь прямо назовет его таковым.

В народной датской песне главный герой, превращенный злой мачехой в медведя, должен сразиться с рыцарем:

Ведьма меня околдовала,
Все делаю, что ни прикажет,
Железный пояс повязала,
Его никто уж не развяжет,
О рыцарь, берегись меня!
Он осенил себя крестом,
Железный пояс пал,
Медведь исчез — на месте том
Наследный принц стоял.^[39]

В местечке Офоденс-Приестгьелд охотникам удалось сразить старого медведя, который ранее загрыз шестерых людей и шестьдесят лошадей. На убитом медведе оказался надет пояс вроде того, о котором поется в песне.

На территории герцогств Шлезвиг и Гольштейн бытует поверье, что стоит трижды обратиться к оборотню по имени, данному ему при крещении, — и он тут же превратится в человека.

В жаркий августовский полдень жнецы прилегли в поле отдохнуть. Один из них не мог заснуть и вдруг увидел, как другой жнец поднялся, обвязался ремешком и перекинулся волком.

Как-то раз молодой стрелок поздно вечером возвращался из Биллунна в свой отряд. До лагеря оставалось уже совсем недалеко, когда на юношу напали трое оборотней и наверняка разорвали бы несчастного стрелка на куски, если бы тому не удалось убежать от них и спрятаться в ржаном поле, где его никак не могли отыскать.

Близ Казебурга, на острове Узедом, жили муж и жена. Пошли они вместе с соседями на сенокос, и вдруг жена отчего-то сильно встревожилась. Она велела мужу при появлении любого зверя кинуть в него шляпой, а потом спастись и внезапно исчезла. И тут из волн реки Свине вышел волк и кинулся к косарям. Крестьянин кинул в него шляпой, как велела жена, и шляпа тут же была разодрана в клочья, а соседский мальчишка подкрался к зверю сзади и всадил ему в бок вилы. В тот же миг волк стал обретать человеческие черты, и все увидели, что мальчик убил жену того крестьянина.

Раньше на берегах реки Штайны жили люди, которые могли, опоясавшись особым ремешком, превращаться в волков. И вот кто-то из оборотней забыл спрятать свой ремешок. Его нашел сын оборотня, когда отца не было дома, опоясался и тут же превратился в странного зверя, снаружи похожего на связку тростника. Связка упала на пол и принялась кататься по полу и реветь, словно бешеный медведь. При виде происходящего родня кинулась на поиски отца семейства. Тот сумел снять с сына ремешок и тем спас его. Когда

мальчик пришел в себя, он сказал, что, надев ремешок, почувствовал ужасную злобу и готов был рвать в клочья и пожирать всех и вся.

Говорят, что ширина волшебных ремешков — три пальца, а делаются они из человеческой кожи.

Восточные фризцы верят, что если в семье родится подряд семь дочерей, то по крайней мере одна из них точно будет оборотнем. Поэтому тамошние юноши остерегаются брать в жены девушек из таких семейств.

В сборнике литовских сказок (*Litauische Märchen*) Августа Шлейхера^[71] есть интересный мотив: якобы оборотень, превратившийся в медведя или волка, должен сто лет неподвижно простоять на коленях, после чего ему будет возвращен человеческий облик.

У голландцев популярна такая история: отправившись на состязания стрелков, лучник по дороге спас девушку, пасшую коров, от огромного волка. Юноша выстрелил в зверя: стрела вонзилась в правый бок и застряла в ране, и хищник, взыв от боли, скрылся в чаще.

На другой день молодой человек услышал, что слуга бургомистра умирает от тяжелого ранения в правый бок. Наш стрелок заинтересовался таким совпадением и решил проведать больного. Там юноша попросил показать ему стрелу, ранившую несчастного, тут же узнал в ней свою собственную и, попросив всех удалиться из комнаты, умолил раненого признаться, что он оборотень и съел множество маленьких детей, и покаяться. Через сутки больной умер.

В болгарском и словацком языках слово оборотень звучит как *vrkolak*, являясь родственным современному греческому слову с тем же значением — *βρυκόλακας*. Оборотни в Греции во многом сродни вампирам. Тамошние ликантропы впадают в каталептический транс, во время которого душа покидает тело, вселяется в волка и жаждет крови. После возвращения души ликантроп чувствует ужасную усталость, словно после тяжелого труда. Умерев, оборотни становятся вампирами. Часто они принимают облик волков или гиен и на полях сражений лишают жизни умирающих солдат. Еще эти твари могут проникать в дома и воровать малышей из колыбелей. Словом *βρυκόλακας* греки также называют людей странной наружности и непропорционального телосложения, особенно если те смуглы и имеют какой-нибудь значительный внешний недостаток. Видимо, именно так в представлении греков выглядят те, кто в любой момент может обернуться зверем.

Сербы также не проводят различий между вампирами и оборотнями и называют тех и других словом *vlkoslak*. Эти существа особенно активны в разгар зимы: тогда они собираются в стаю и садятся на поляне в круг, сняв шкуры и развесив их по ветвям деревьев. Если какому-нибудь смельчаку удастся украсть шкуру оборотня и сжечь, такой «волкослак» будет спасен от дальнейших превращений и навсегда останется человеком.

Чтобы стать волком, оборотню достаточно выпить воды из волчьего следа.

В белорусском фольклоре ваукалак — это человек, прогневавший дьявола и за это превращенный в волка. Обычно белорусские оборотни возвращаются к своим близким, те узнают их, кормят и всячески заботятся о них. Вообще эти оборотни — самые дружелюбные, они никому не вредят, ни на кого не нападают, наоборот, — лижут руки своим друзьям и родным в знак любви и преданности. Вот только ваукалаки не могут долго оставаться на месте и вынуждены время от времени переселяться и отправляться в путешествия, гонимые непонятной жадой скитаний. На самом деле данное суеверие представляется крайне странным, поскольку наделяет слугу дьявола некоторыми положительными чертами.

Словаки ругают словом *vlkodlak* пьяниц, по-видимому считая, что выпивка превращает людей в животных. Словацкое сказание об оборотнях завершит эту главу.

В Польше оборотни особенно неистовствуют на Рождество и в середине лета.

Поляки верят, что если ведьма положит ремешок из человеческой кожи на порог дома, где празднуют свадьбу, и если невеста и жених, а также подружки невесты и дружки жениха перешагнут через этот ремешок, то все они превратятся в волков. Через три года ведьма, скорее всего, смилостивится над ними и накроет их шкурами мехом внутрь, и тогда они снова станут людьми. В одном таком случае шкура, которой должен был накрыться жених, оказалась слишком мала, и из-под нее торчал хвост, так что, когда юноша возвратил себе человеческий облик, на память о пережитом приключении у него навсегда остался собственный волчий хвост.

На русском языке людей, способных превращаться в животных, называют оборотнями. Стать оборотнем в России может каждый, кто следует приводимым далее рекомендациям.

«Тот, кто хочет быть оборотнем, должен найти в лесу пень, воткнуть в него медный нож, а затем обойти несколько раз вокруг дерева, повторяя такой заговор:

На море, на океане, на острове Буяне,
На полой поляне светит месяц на осинов пень,
В зелен лес, в широкий дол.
Около пня ходит волк мохнатый,
На зубах у него весь скот рогатый,
А в лес волк не заходит,
А в дол волк не забродит.
Месяц, месяц — золотые рожки!
Расплавь пули, притупи ножи, измочаль дубины,
Напусти страх на зверя, человека и гада,
Чтобы они серого волка не брали,
Теплой шкуры с него не драли.
Слово мое крепко, крепче сна и силы богатырской^{[40][72]}.

Если после этого трижды перепрыгнуть через пень, непременно превратишься в волка».

В богемском лексиконе Вацерада^[73] (около 1202 года) для называния оборотня используется слово *vilkodlak*, а в дефиниции отмечается сходство этого существа с фавном. В обработке Павла Иосифа Шафарика^[74] словарная статья об оборотне из этого лексикона выглядит следующим образом:

«*Incubi sepe improbi existunt mulieribus, et earum peragunt concubitum, quos demones Galli dusios nuncupant*» («Инкубы шестиногие дурные являются женщинам и возлежат с ними — тех демонов галлы называют *dusios*»). В том же лексиконе находим еще один фрагмент: «*Vilkodlaci, incubi, siue inuidi, ab inuiando passim cum animalibus, unde et incubi dicuntur ab incubando homines, h. e. stuprando, quos Romani faunos ficarios dicunt*» («Говорят, что оборотней и инкубов можно видеть в изобилии среди животных, но, когда спят, они люди — таков их порок; римляне называют их *faunos ficarios*»).

Сходные представления об оборотнях бытуют в Армении, о чем можно судить, в частности, по следующей истории, включенной фольклористом Августом фон Хакстаузенем в сборник «Транскавказия» (*Trans-Caucasia*. Leipzig, I, 322): «Как-то раз один человек увидел пробежавшего мимо волка с ребенком в зубах. Мужчина погнался за зверем, но в конце концов отстал. Идя по следу, он наткнулся на детские ручки и ножки, а чуть дальше, в пещере, увидел волчью шкуру и швырнул ее в огонь. Тут же перед ним появилась женщина, которая с диким воем бросилась доставать шкуру из костра. Мужчина изо всех сил старался помешать ей в этом. Как только шкура догорела, ведьма растворилась в дыму костра».

В Индии весьма популярно учение о метемпсихозе (переселение душ), непосредственно связанное с различного рода превращениями. Некоторые черты традиционных верований в оборотничество присутствуют во всех религиях, на которые оказал влияние буддизм. В Тибете, на Цейлоне и в Китае большинство жителей до сих пор считают, что люди могут принимать обличье животных.

В «Панчатантре»^[75] есть сюжет о сыне брахмана, на которого наложили заклятие, так что днем он превращался в змею, а ночью — обратно в человека.

Отец Викрамадитьи^[76], сын Индры^[77], был обречен дни проводить в обличье осла, а ночи — в образе человека.

А вот более современная индийская сказка: некий принц решил жениться на обезьяне, в то время как его братья предпочли взять в жены прекрасных принцесс. На пиру, который дала королева в честь своих падчериц, она предстала перед всеми дивной красавицей в дорогом наряде: в честь праздника она сняла обезьянью шкуру и обрела человеческий облик. Тогда принц прокрался в комнату жены и сжег ту шкуру, чтобы предотвратить обратное превращение.

Натаниэль Пирс в сочинении «Жизнь и приключения Натаниэля Пирса, описанные им самим во время пребывания в Абиссинии в 1810–1819 гг.» (Лондон, 1831) рассказывает об одном абиссинском суеверии, весьма сходном с аналогичной европейской традицией.

В Абиссинии золотых и серебряных дел мастера ценятся очень высоко, в то время как на простых кузнецов там все смотрят с презрением и едва ли не считают низшими существами. Соплеменники приписывают им способность превращаться в гиен и прочих хищников. Также считается, что кузнецам ничего не стоит навести порчу, доведя выбранных жертв до конвульсий и истерических припадков. У народа амхара эти злодеи зовутся буда (*Buda*), у народа тигре — теббиб (*Tebbib*). Мусульмане и иудеи также верят в подобных существ. Буда отличается от обычных людей тем, что носит в ухе золотую серьгу. Исследователь Коффин утверждает, что сам видел гиен с серьгами в ушах и даже подстрелил нескольких, но так и не смог понять, откуда у зверей эти украшения.

Буда не только может превращаться в гиену, ему приписываются и другие странные деяния: якобы такие, как он, по ночам разграбляют могилы. Еще буды на дух не переносят сушеное мясо, зато обожают свежую дичь, особенно если присутствовали при ее умерщвлении. Тот же Коффин рассказывает историю, свидетелем которой он стал.

Среди его слуг был один буда. Как-то раз вечером он пришел к хозяину и попросил позволить ему отсутствовать на следующее утро. Коффин дал разрешение и занялся каким-то делом, как вдруг услышал крик другого слуги: «Смотрите, буда превращается в гиену!» Коффин взглянул туда, куда указывал слуга. И хотя он сам не увидел процесс превращения, но вместо юноши, ушедшего в том направлении, шагов в сотне от дома он заметил гиену, трусящую прочь по пустой равнине, где не было ни дерева, ни кустика, за которыми мог бы укрыться исчезнувший буда. На завтра, едва слуга-оборотень пришел на работу, все прочие слуги стали расспрашивать его о вчерашнем превращении. Буда ничего не стал отрицать и оправдал свое поведение особенностями собственной природы.

Сведения, которые мы находим у Натаниэля Пирса, подтверждает сэр Гарднер Уилкинсон^[78]. В произведении «Геродот» (книга IV, глава 105) он пишет: «Абиссинцы верят в существование особой группы людей, которые могут по собственной воле превращаться в гиен. Когда я усомнился в этом, мой приятель, проживший в тех местах много лет, сказал мне, что ни у кого из знающих людей на этот счет сомнений быть не может. Сам он однажды шел и беседовал с таким оборотнем, и стоило ему на миг отвернуться, как на месте его

собеседника вдруг оказалась гиена. Позже он еще не раз встречался с тем оборотнем, который был кузнецом».

Точно такое же поверье распространено в Америке. Хосе де Акоста^[79] в своем труде «Естественная и нравственная история Индии» (*Historia natural y moral de las Indias*) повествует о правителе города Мехико, которого решил пленить предок Монтесумы. Он послал за тем правителем воинов, но прямо на их глазах градоначальник превратился сперва в орла, затем в тигра и, наконец, в огромного змея. Потом он все же сдался и был приговорен к смерти. Вдали от дома бедняга утратил чудесный дар и не мог спастись. Епископ округа Чиапа, что в Гватемале, в сочинении, опубликованном в 1702 году, пишет о способности превращаться в зверей, которая свойственна нагуалям (шаманам), и негодует, что они пытаются обратить в свою веру тех детей из своего племени, которые по воле правительства были воспитаны в христианском духе. Вернувшись в племя, новообращенные христиане пытаются вести себя так, как их учили, и открывают соплеменникам объятия, шаманы же пугают их, оборачиваясь львами и тиграми (*Recueil de Voyages et de Mémoires publié par la Société de Géographie*. Т. II. С. 187).

Мотив превращения человека в зверя очень распространен в фольклоре североамериканских индейцев. Сюжет легенды, приводимой далее, во многом универсален.

«Один индеец построил себе жилище на берегу озера Большой Медведь и поселился там, взяв с собой только собаку, которая была на сносях. В урочное время собака родила восьмерых щенков. Каждый раз, уходя на рыбалку, индеец привязывал щенков, чтобы они не натворили чего-нибудь в его отсутствие. Иногда по возвращении ему казалось, что он слышит в хижине голоса, смех и возню детей, но, войдя внутрь, он не обнаруживал там никого, кроме щенков, оставленных на привязи. Хозяину, однако, стало любопытно, и он решил понаблюдать за своими собаками. Как-то раз он сделал вид, что уходит на рыбалку, а сам вместо этого спрятался за деревом возле дома. Через некоторое время изнутри снова раздались голоса, индеец кинулся в хижину и увидел там играющих детей. Рядом с ними на полу лежали собачьи шкуры. Хозяин тут же бросил их в огонь, и с тех пор дети стали жить у него. Потом они выросли, и от них произошло племя, называемое народом собачьего ребра» (*Джонс Д. А. Предания североамериканских индейцев*. 1830. Т. II. С. 18).

В том же сборнике есть другая, не менее интересная легенда, которая называется «Мать мира». В ней также можно найти целый ряд аналогий с ранее приводимыми историями других народов: женщина выходит замуж за пса, ночью пес сбрасывает шкуру и оборачивается мужчиной. Этот сюжет сходен с сюжетом упоминавшейся ранее саги о Бьёрне и Бере.

Мне хотелось бы завершить эту главу словацкой быличкой, включенной Т. Т. Ханушем в третий выпуск журнала «Немецкая мифология» (*Zeitschrift für Deutsche Mythologie*).

ДОЧЬ ВОЛКОЛАКА

В стародавние времена жил отец с девятью дочерьми. Все девять были красавицы-невесты, а младшая — прекраснее всех. Отец же их оказался волколаком. Однажды подумал он: «Почему это я должен кормить всех этих нахлебниц?» — и решил избавиться от дочерей.

Он пошел в лес нарубить дров и велел дочкам принести обед. Только отец принялся за работу, а уж старшая дочь тут как тут.

— Что это ты так рано? — спросил дровосек.

— Да вот, батюшка, решила покормить тебя, пока ты не проголодался и не загрыз нас.

— Ах ты, моя умница! Посиди со мной, пока я ем.

Отец принялся за еду, а сам в это время замыслил недоброе. Пообедав, он сказал:

— Доченька, пойдём-ка со мной, я покажу тебе яму, которую вырыл.

— А зачем тебе яма?

— Чтоб нас в ней схоронили после смерти. Ты ведь знаешь, мы бедны, и, случись что, о нас некому будет позаботиться.

Они остановились на краю глубокой ямы.

— А теперь, — прорычал оборотень, — ты умрешь, и лежать тебе в этой могиле.

Девушка умоляла пощадить, но все напрасно. Отец схватил ее, бросил в яму и стал швырять туда валуны. Огромный камень пробил бедняжке голову, и она испустила дух. Оборотень же как ни в чем не бывало вновь принялся за работу. Вечером пришла в лес вторая дочь и принесла дровосеку ужин. Отец и ее привел к яме, сбросил туда и тоже завалил камнями. Так обошелся он со всеми своими дочерьми, явившимися в лес. Настал черед младшей дочери. Она знала, что ее отец — оборотень, но все же не могла понять, отчего ее сестры так долго не возвращаются домой, и все думала и думала:

— Куда же они запропастились? Неужели отец попросил их остаться? Может, они решили ему помочь?

Так ни до чего не додумавшись, девушка приготовила еды для отца и пошла в лес. Она издали услышала стук топора и почуяла дым костра. Подойдя к огню, девушка увидела, что на нем жарятся две человеческие головы, в ужасе отпрянула и поспешила на стук топора. Вскоре она встретила отца:

— Батюшка, я принесла тебе поесть.

— Спасибо, доченька. Поруби-ка за меня деревья, пока я трапезничаю.

— Скажи, батюшка, а где же мои сестры?

— Вон там, в долине, укладывают дрова. Давай я тебя к ним отведу.

Они пришли к яме, и оборотень сказал:

— Смотри, это твоя могила. Сейчас я убью тебя и сброшу туда — будешь там лежать вместе с сестрами.

Тогда девушка взмолилась:

— Позволь мне, батюшка, снять одежду перед смертью. Отвернись, прошу тебя, я разденусь, а потом ты можешь убить меня.

Оборотень отвернулся, и тогда — ух! — девушка изо всех сил толкнула его, и он полетел в яму, которую выкопал для нее.

Бедняжка бросилась бежать со всех ног, а оборотень между тем выбрался из ямы и погнался за ней.

Вот уже слышит красавица вой чудища, повторяемый лесным эхом, и мчится, мчится, словно ветер. Вот уже раздаются у нее за спиной его тяжкий топот и сиплое дыхание. Бросает тогда девушка на тропинку свой платок. Оборотень находит его и рвет зубами и когтями на мелкие кусочки, а потом опять бросается в погоню. Из рта у него летит пена, из горла вырывается дикий вой, глаза горят, будто угли. Оборотень снова начинает нагонять девушку, и тогда она

снимает платье и оставляет его на дороге. Чудище находит платье, раздирает его в клочья и мчится дальше. Потом красавице также приходится бросить фартук, нижнюю юбку и, наконец, рубашку, так что в конце концов она бежит совсем нагая. Оборотень опять приближается, и тут девушка выбегает на опушку леса, оказывается на лугу и прячется в самой маленькой копне сена. Оборотень теряет жертву из виду и принимается искать: с бешеным воем набрасывается он на копны, злобно рыча и обнажая белые клыки. Слюна брызжет из пасти во все стороны, а на его шкуре проступают капли пота. Неожиданно силы оставляют злодея, и он, так и не дойдя до самой маленькой копны, бросает поиски и возвращается в лес ни с чем.

Вскоре мимо луга случайно проезжает охотившийся неподалеку король, и его собаки находят в копне прекрасную девушку, на которой, кроме собственно сена, ничего нет. Вместе с копной красавицу везут во дворец, и вскоре она выходит замуж за короля, перед свадьбой поставив ему единственное условие: он ни в коем случае не должен впускать во дворец нищих.

Через несколько лет, разумеется, одному из нищих таки удастся проникнуть в королевские хоромы, и, конечно же, это оказывается не кто иной, как отец королевы. Оборотень прокрадывается в детскую, перерезает горло обоим монаршим детям, а потом кладет нож под подушку королевы.

Наутро король обвиняет жену в убийстве и изгоняет из дворца, повесив тела принцев ей на шею. Королева встречает отшельника, который оживляет ее сыновей. Король осознает свою ошибку и воссоединяется с королевой. А пойманного оборотня сбрасывают в море с самой высокой скалы. Король, королева и их дети живут долго и счастливо. Возможно, они здравствуют и поныне, потому что до сих пор в газетах не сообщалось об их смерти.

Аналог этой сказки можно найти в сборнике греческих и албанских сказок (*Griechische und Albanesische Märchen*), составленном Иоганном Георгом фон Ханом¹⁸⁰¹. Еще одну похожую историю я слышал в Пиренеях, хотя и с некоторыми вариациями: там преследуемый оборотнем человек, сбросив с себя по дороге всю одежду, вбежал в дом и схоронился в кровати. Оборотень же не смог переступить за порог. Причина погони также была иной: беглец состоял в масонской ложе и выдал какой-то страшный секрет, за что его пытался наказать сам магистр ложи, оказавшийся оборотнем. В беарнском варианте нет соответствия финальной части словацкой былички, а в греческой версии опущены фрагмент с превращением человека в зверя и сцена преследования; злодея же там именуют «собакоголовым» (сродни эпитету «волкоголовый», который использовался на севере Европы применительно к преступникам, изгнанным из общества).

Стоит также отметить, что в быличке «Дочь волколака» есть эпизод, когда оборотень в результате превращения и после припадка бешенства вдруг чувствует сильную усталость¹⁸¹¹; мотив же сбрасывания одежд для удержания оборотня от погони имеет соответствия и в датских сказках, о которых шла речь ранее. В быличке нигде не говорится, что отец на самом деле превращается в зверя: в сцене погони упоминаются его руки и он непрерывно клянет свою дочь отборными словацкими ругательствами, как самый что ни на есть обычный человек. Скорее всего, в быличке речь идет о припадке бешенства вроде того, который описан в одной из исландских саг о Скаллагриме. Только вот служанке Брак в той саге повезло гораздо меньше, чем словацкой девушке, которую в сене нашел сам король.

Глава девятая

ЕСТЕСТВЕННЫЕ ПРИЧИНЫ ЛИКАНТРОПИИ

Врожденная жестокость. — Три вида ее проявления. — Дюмойар. — Андреас Бихель. — Голландский священник. — Другие примеры естественной жестокости. — Жестокость и утонченность. — Кровавая купальница из Венгрии. — Внезапность болезни. — Канибализм у беременных женщин, у маньяков. — Галлюцинации. — Снадобья. — История Луция. — Самообман

В древних хрониках, а также в фольклорной традиции это явление окутано покровом мифа или предания; и только скандинавские свидетельства о недуге волчьей одержимости и записи судебных процессов над обвиняемыми в ликантропии во времена позднего Средневековья предлагают нам непосредственное описание этой формы безумия, которой суеверие придавало такую загадочность.

На протяжении Средневековья ликантропия не рассматривалась как заболевание, ибо в своих проявлениях она настолько мерзка и отвратительна и настолько выходит за пределы допустимого, что не следует удивляться тому, что обычного человека это приводило в оторопь и он склонен был облекать в форму мифа то, чему в действительности даже самый неискушенный исследователь может найти подтверждение.

В этой главе я намерен бегло рассмотреть обстоятельства, при которых людей начинают считать оборотнями-вервольфами.

Как ни поразительно это звучит, но факт остается фактом: человека влечет к убийству, к уничтожению жизни, и это роднит его с хищниками.

Многие люди при виде страданий испытывают истинное наслаждение, а стремление убивать или мучить увлекает их сильнее прочих страстей. Достаточно вспомнить, сколько мальчишек собирается вокруг овцы или свиньи перед забоем, как усиленно колотятся их сердца и сверкают глаза при виде судорог издыхающего животного. В различных городах Франции мне нередко доводилось видеть возле боен толпу детей, с увлечением наблюдающих за агонией овец и коров и замирающих от восторга при виде потока крови.

Однако такая склонность проявляется в людях по-разному. У одних она выражается в равнодушии к страданиям, у других — в наслаждении от созерцания убийства, а у некоторых — в неодолимом желании самим мучить и лишать жизни.

Предрасположенность к этому широко распространена; она встречается у взрослых и детей, у людей примитивных и утонченных, невежественных и высокообразованных, у тех, кому она в тягость, и у тех, кому она в радость, независимо от нравственных, религиозных и правовых устоев, — следовательно, вызывается она только органическими причинами.

Охотники и рыбаки следуют природной тяге к умерщвлению живых существ, когда обращают свою страсть против зверя, птицы или рыбы; объяснение, будто бы это делается ради пропитания, не может служить оправданием, поскольку охотник весьма мало думает о добыче, когда она уже попала в ягдташ. Мотив для преследования птицы или зверя кроется в другом: он заключается в неодолимом стремлении лишать жизни, которое владеет душой человека. Почему ребенок инстинктивно пытается прихлопнуть бабочку, когда та пролетает мимо? Если ему удастся сбить ее, он равнодушно отворачивается и уделяет ей внимание только в том случае, если она бьется в агонии у его ног. Ребенок сбивает порхающее создание единственно потому, что оно живое, и делает это, подчиняясь врожденному инстинкту, побуждающему его уничтожать все живое.

Родители и няньки прекрасно знают, что дети жестоки от природы, и стараются воспитать в них человечность. Раненое животное корчится в муках, а дитя с увлечением наблюдает за этим, пока мать не предложит ему «положить конец мучениям бедняжки». По простодушию своему ребенок и не подумает немедленно прекратить страдания несчастной твари, как не

станет он сразу проглатывать конфету, пока не насладится как следует ее вкусом. Присущая человеку жестокость может быть подавлена другими сильными впечатлениями или нравственным обузданием; в каждом из нас кроется Нерон, который осознает самого себя лишь в том случае, если его главная страсть становится непреодолимой и начинает сокрушать все препоны. Потеря нравственного контроля, интеллектуальный шок или аномальное состояние организма вполне могут способствовать тому, чтобы эта страсть заявила о себе.

Как я уже отмечал, у разных людей эта страсть проявляется по-разному.

У одних она воплощается в простом желании созерцать чужие муки. Это может привести к преступлению, поскольку личность, равнодушная к боли других, вполне способна убить человека для достижения собственных целей. Именно таким был несчастный Дюмойар^[82], убивший шесть девочек и пытавшийся убить еще нескольких. По всей видимости, он не испытывал особого удовольствия от самого убийства, но был настолько безразличен к их страданиям, что убивал просто ради того, чтобы завладеть их одеждой, весьма и весьма бедной. Его приговорили к гильотине и казнили в 1862 году^[41].

У других наряду с равнодушием к страданию развивается жажда крови.

Например, Андреас Бихель заманивал к себе в дом молодых женщин под предлогом якобы имевшегося у него волшебного зеркала, в котором они могут увидеть будущих мужей. В доме Бихель скручивал жертве руки за спиной и оглушал ее. Он снимал с бедняжки одежду, ради чего и совершал убийство, а потом закалывал несчастную женщину. В процессе убийства жажда крови овладевала им настолько, что он буквально кромсал свои жертвы на части, чтобы увидеть их внутренности. Несчастную Катерин Зайдель он распорол сверху донизу, ударяя молотком по лезвию, когда она еще дышала. На суде он признавался, что, «совершая эту операцию, был возбужден, его била дрожь и хотелось оторвать кусок плоти и съесть его».

Андреас Бихель был казнен в 1809 году^[42].

Третья категория людей отличается жестокостью и кровожадностью, потому что у них неодолимая жажда крови превращается в одержимость. В цивилизованных странах люди, одержимые такой жаждой, сдерживаются под страхом неминуемого наказания или удовлетворяют жажду крови, уничтожая животных. Но в старину, когда лорды неограниченно правили в своих феодальных владениях, встречались ужасающие случаи проявления такой кровожадности, а примеры того, как удовлетворяли жажду крови некоторые римские императоры, вошли в историю.

Франц Иосиф Галль^[83] приводит несколько примеров кровожадности из реальной жизни^[43]. Один голландский священник был настолько одержим жаждой убивать и рассматривать убитых, что пошел в полковые капелланы только ради того, чтобы созерцать трупы, которых во время боевых действий было предостаточно. Этот человек держал множество различных домашних животных, дабы иметь возможность терзать их детенышей. Он сам забивал животных для кухни. Кроме того, он был знаком со всеми палачами в стране, и, когда те сообщали ему об очередной казни, он мог пройти несколько дней пешком, чтобы с наслаждением лицезреть процедуру казни и смерть казненного.

На поле битвы такая страсть тоже проявляется по-разному: некоторые получают наслаждение от убийства, другие испытывают полное равнодушие. Один старый вояка, вспоминая битву при Ватерлоо, рассказал мне, что, рассекая человеческое тело, он получал ни с чем не сравнимое удовольствие, а по ночам не засыпал, пока во всех подробностях не припоминал приятные ощущения, доставленные ему процессом убийства.

Нередко разбойники с большой дороги не довольствуются грабежом, проявляя склонность к насилию и убийству. Джон Росбек, например, известен тем, что придумал и испытал на своих жертвах всевозможные зверства просто ради того, чтобы насладиться зрелищем мучений, особенно если это были женщины и дети. Страх наказания и пыток не мог отвратить его от пагубной страсти, откуда он не был казнен.

Галль описывает также скрипача, который, будучи арестован, признался в тридцати четырех убийствах, которые он совершил не из вражды, мести или намерения ограбить, а единственно ради наслаждения, доставляемого убийством.

Иоганн Гаспар Шпурцхайм^[44] рассказывает о священнике из Страсбурга, который, будучи богатым и не испытывая ни вражды, ни мести, убил троих человек по той же самой причине.

Галль приводит случай с братом принца Конде, герцога Бурбонского, графом де Шароле^[84], который с детства имел отвратительную привычку мучить животных: в зрелом возрасте он принялся проливать человеческую кровь и совершать всевозможные зверства. Он убил множество людей без всякого повода, например любил стрелять в кровельщиков просто ради удовольствия посмотреть, как они падают с крыши.

Король Франции Людовик XI за время правления приговорил к смерти четыре тысячи человек; обычно он наблюдал за казнями через решетку. Рядом с его собственным дворцом были установлены виселицы, и он лично руководил казнями.

Не следует думать, что жестокость существует только в грубом и корявом обличье; не менее часто она встречается среди утонченных и образованных людей. Если в людях грубых она проявляется главным образом в нечувствительности к чужим страданиям, то в утонченно-образованном облике она принимает вид страсти, поддаваясь которой человек испытывает невыразимое наслаждение.

Кровавые тираны, например Нерон и Калигула, Александр Борджиа и Робеспьер, больше всего на свете любившие наблюдать за смертью и мучениями людей, отличались чувствительностью и крайней утонченностью вкусов и манер.

Я знавал образованную и изысканную молодую женщину с весьма нервной натурой, которая с удовольствием нанизывала на нитку живых мух и наблюдала за их содроганиями. Жестокость может дремать в скрытом состоянии, пока какой-либо благоприятный случай не пробудит ее, и тогда она прорывается всепожирающим пламенем. Жажда крови проявляется подобно любовной страсти или ненависти; мы не имеем представления об их силе, пока обстоятельства не понудят их к действию. Душа пребывает в безмятежности, пока случайная искра не зажжет пламя любви или ненависти, навеки смутив душевный покой. Слова, взгляда, прикосновения может оказаться достаточно, чтобы запалить фитиль страсти в душе и обречь ее на одиночество. То же самое и с жаждой крови. Она может таиться в недрах души близкого нам человека. Она может тлеть в сердце, дорогом нашему сердцу, а мы об этом и не подозреваем. Возможно, обстоятельства окажутся милосердны и не разожгут огня; возможно, нравственная узда окажется столь крепкой, что ее не удастся порвать.

Михаэль Вагенер^[45] описывает жуткий случай, происшедший в Венгрии, не упоминая имени, поскольку это весьма влиятельная в стране семья^[85]. Данный случай подтверждает то, о чем я только что говорил, и демонстрирует, по какому пустяковому поводу жажда крови может возникнуть и превзойти все мыслимые пределы.

Елизавета имела обыкновение пышно одеваться и вычурно причесываться, чтобы нравиться мужу, а потому полдня проводила за туалетом. Однажды камеристка указала на какой-то недостаток в ее головном уборе и в качестве награды за внимательность получила такую оплеуху, что у нее из носа хлынула кровь и обрызгала лицо госпоже. Когда с лица госпожи

была смыта кровь, оказалось, что кожа стала белее и прозрачнее в тех местах, куда попала кровь.

Елизавета исполнилась решимости не только умыться, но и все тело омыть человеческой кровью, дабы стать еще краше. Две старухи и некий Фицко помогли ей. Этот злодей умертвил злосчастную жертву, а старухи сцедили кровь, в которой Елизавета искупалась в четыре часа поутру. После такой ванны она стала еще прекраснее, чем была.

Елизавета придерживалась этой привычки и после смерти мужа (в 1604 году) в надежде привлечь новых поклонников. Несчастные девушки, которых заманивали в замок, уверяя, что их примут на службу, попадали в подвал. Там их избивали до полусмерти. Частенько сама Елизавета принимала участие в избивании жертв; она снимала с них одежду, пропитанную кровью, и возобновляла пытки. Потом избитых резали бритвами.

Иногда девушек пытали огнем, а потом уже резали, но *большую* часть забивали до смерти.

Зверство дошло до такой степени, что Елизавета начала колоть иголками тех, кто сидел с ней рядом в экипаже, особенно лиц женского пола. Одну из служанок она раздела донага, обмазала медом и вывела во двор.

Как-то раз, когда Елизавета заболела и не могла удовлетворять свою ненасытную жажду крови, она, словно дикий зверь, укусила девушку, подошедшую слишком близко к постели.

В общей сложности графиня загубила шестьсот пятьдесят девушек; часть погибла в Чахтице, где для этих целей был оборудован подвал; часть — в других местах: она уже не могла жить без убийства и кровопролития.

Наконец родители пропавших девушек перестали поддаваться обману и подкупу, замок был взят властями, и там были обнаружены следы преступлений. Соучастников Елизаветы казнили, а сама она была приговорена к пожизненному заключению.

Не менее примечательна история маршала де Реца^[86], в ком вышеупомянутые наклонности прорезались также не сразу. Это был образованный, даже ученый человек, выдающийся полководец и блестящий придворный. Он сидел в библиотеке и читал Светония^[87], когда им внезапно овладела страсть к убийству и насилию; он поддался ее непреодолимой силе и превратился в одного из самых жестоких чудовищ, когда-либо существовавших на свете.

Сюда же можно отнести и историю с галицийским каннибалом Святеком. Он был безобидным нищим, пока по воле случая не набрел на пожарище, где, мучимый голодом, съел останки сгоревшего при пожаре человека. С этого времени он, словно ворон, рыскал в поисках человечины.

Французский дворянин Бертран имел прекрасное образование. Однажды, стоя у церковной ограды в маленькой деревушке, он увидел церемонию похорон. Им тут же овладело непреодолимое желание вырыть труп, который при нем закапывали в могилу. С тех пор он много лет, подобно гиене, охотился за трупами. Его история подробно описывается в пятнадцатой главе.

Отклонения в организме порой провоцируют кровожадность. Нечто подобное происходит при беременности, когда нарушается привычное состояние организма, что порождает болезненный аппетит. Подобные примеры приводит Шенк^[46].

Некая женщина, будучи беременной, увидела, как пекарь несет поднос с хлебом на голом плече. Она почувствовала настолько сильное желание вонзить зубы в его плоть, что не могла ничего есть, пока ее муж за большую сумму не уговорил булочника, чтобы тот позволил ей укусить себя. Беременная укусила его два раза — на третий раз булочник наотрез отказался.

Женщина беременела трижды: дважды она родила здоровых близнецов, третья пара детей родилась мертвыми.

Близ городка Андернах, на Рейне, беременная женщина убила своего мужа, к которому была искренне привязана, частично съела убитого, а остальное засолила. Когда наваждение прошло, она осознала весь ужас содеянного и добровольно сдалась властям.

В 1553 году женщина перерезала мужу горло и отъела нос и левую руку у еще теплого трупа. Затем она разделала тело и засолила его впрок. Вскоре после этого она родила тройню. Женщина осознала происшедшее лишь после того, как соседи стали спрашивать, где найти ее мужа, дабы сообщить ему о прибавлении семейства.

Летом 1845 года греческие газеты опубликовали сообщение о том, как беременная женщина убила мужа ради того, чтобы поджарить и съесть его печень.

Известно, что у некоторых безумцев преобладает страсть к убийству, но иногда она сопровождается еще и каннибализмом.

Грюнер^{[47][88]} рассказывает о пастухе, который, явно будучи не в себе, убил и съел двух человек. Марк^{[48][89]} приводит случай с женщиной, которая, пока ее муж был на работе, убила собственного полуторагодовалого ребенка. Она отрубила ему ноги и потушила их с капустой, часть съела сама, остальное предложила мужу. Семья, конечно, была бедная, но еда в доме имелась. В тюрьме женщина проявила все признаки сумасшествия.

Нигде некрофилия и каннибализм так явно не связаны с безумием, как в случаях ликантропии. Примеры, описанные в предыдущей главе, неопровержимо подтверждают, что жажда крови сопровождается галлюцинациями. Жан Гренье, Руле и другие были твердо убеждены, что они испытали превращение. Болезненное состояние тела или разума может порождать галлюцинации, зависящие от характера и типа личности. Например, честолюбивый человек в маниакальном состоянии вообразит себя королем; скупец придет в расстройство, вообразив, что лишился последних денег, или начнет ликовать, представив себе, что стал обладателем неисчислимых сокровищ.

Пожилой человек, страдающий от ревматизма или подагры, воображает, что сделан из фарфора или хрусталя, а охотник при наступлении новолуния кричит «ату!», словно подгоняет свору собак. Так же и жестокий от природы человек, повредившись в уме, легко вообразит, что перевоплощается в самого жестокого и кровожадного зверя, какого только может себе представить.

Галлюцинации страдающих ликантропией могут зависеть от многих причин. Старинные авторы, например Форестус или Бертон^[90], рассматривают синдром оборотничества (волчью болезнь) как разновидность депрессивного состояния, и некоторые из них определяют у пациента ликантропию, даже если он не считает себя оборотнем.

На современном уровне медицинского знания мы можем утверждать, что галлюцинации могут вызываться различными условиями.

В лихорадочном состоянии чувствительность настолько искажается, что больной плохо представляет себе, какое место в пространстве занимают его конечности: они кажутся ему то беспрельдно длинными, то несоразмерно короткими. При сыпном тифе больным с неустойчивой нервной системой нередко кажется, что они раздваиваются или разрезаны пополам, что у них исчезли руки и ноги. Иногда больному кажется, что конечности его сделаны из какого-нибудь хрупкого материала вроде стекла, а иногда происходит такой распад личности, что больной воображает, будто стал женщиной.

Маньяк, которому кажется, что он — не он, а кто-то другой, проникается мыслями, чувствами и привычками вымышленной личности, и, если это проникновение достаточно глубоко, он может убедить самого себя в реальности превращения. Он начинает говорить о себе как о вымышленной им личности и на самом деле ощущает все чувства, увлечения, потребности этой личности. Чем больше маньяк отождествляет себя с другим, тем больше усугубляется безумие, протекание которого зависит от индивидуальных особенностей. Если больной не слишком умен, невежествен и необразован, то он слабее сопротивляется метаморфозе, и бывает очень трудно определить грань между его действительной и безумной ипостасью. Многое из того, что Жан Гренье, страдавший этой формой заболевания, говорил во время процесса, имело смысл, но этот смысл то и дело сопровождался бредом безумца.

Галлюцинации могут возникать под воздействием искусственных средств, и некоторые обвиняемые в ликантропии по ходу процессов признавались, что пользовались такими средствами. Я имею в виду притирания, о которых упоминалось на судах над ведьмами и оборотнями. Нижеследующая цитата приводится из «Золотого осла» Апулея; она доказывает, что уже в его времена различные мази широко применялись как средство превращения.

«[Фотида]... велит смотреть через какую-то шелку в двери. А происходило все так. Перво-наперво Памфила сбрасывает с себя все одежды и, открыв какую-то шкатулку, достает оттуда множество ящичков, снимает крышку с одного из них и, набрав из него мази, сначала долго растирает ее между ладонями, потом смазывает себе все тело от кончиков ногтей до макушки, долгое время шепчется со своей лампой и начинает сильно дрожать всеми членами. И пока они слегка содрогаются, их покрывает нежный пушок, вырастают и крепкие перья, нос загибается и твердеет, появляются кривые когти. Памфила обращается в сову. Испустив жалобный крик, вот она уже пробует свои силы, слегка подпрыгивая над землей, а вскоре, поднявшись вверх, распустив оба крыла, улетает.

Но она-то силою своего магического искусства по собственному желанию переменила свой образ, а я, никаким заклятием не зачарованный и лишь окаменев от удивления перед только что произошедшим, казался самому себе кем угодно, но не Луцием; почти лишившись чувств, ошеломленный до потери рассудка, грезя наяву, я долго протирал глаза, стараясь убедиться, что не сплю. Наконец, придя в себя и вернувшись к действительности, схватываю руку Фотиды и, поднося ее к своим глазам, говорю:

— Не откажи, умоляю тебя, пока случай нам благоприятствует, дать мне великое доказательств во исключительного твоего расположения и удели мне капельку этой мази. Заклинаю тебя твоими грудками, медовенькая моя, неоплатным этим благодеянием навеки рабом своим меня сделай и так устрой, чтобы я стал при тебе, Венере моей, Купидоном крылатым!

<...> Она, вся в трепете, бросилась в комнату и вынула из шкатулки ящичек. Схватив его и облобызав, я сначала умолял его даровать мне счастливые полеты, а потом поспешно сбросил с себя все одежды и, жадно запустив руку, набрал порядочно мази и натер ею члены своего тела. И, уже помахивая то одной, то другой рукой, я старался подражать движениям птицы, но ни малейшего пушка, нигде не перышка, только волосы мои утолщаются до шерсти, нежная кожа моя грубеет до шкуры, да и на конечностях моих все пальцы, потеряв разделение, соединяются в одно копыто, да из конца спинного хребта вырастает большой хвост. Уж лицо огромно, рот растягивается, и ноздри расширяются, и губы отвисают, к тому же и уши непомерно увеличиваются и обрастают шерстью. Без всякой надежды на спасение я осматриваю все части моего тела и вижу себя не птицей, а ослом»^[91].

Мы знаем, из чего состоят такие волшебные мази. В их состав входили наркотические вещества, в частности паслен, аконит, белена, белладонна, опиум. Они вываривались в растительном масле или жире младенцев, убиваемых специально для этой цели. Добавлялась также кровь летучих мышей, но ее роль, видимо, была незначительной. Возможно, использовались и другие снотворные средства, о которых нам не известно.

Чем бы ни вызывались галлюцинации, не следует удивляться тому, что страдающий ликантропией воображал себя превращенным в животное. Я уже приводил примеры с пастухами, кои по роду деятельности своей постоянно враждовали с волками; нет ничего удивительного в том, что, попадая под воздействие галлюцинаций, они воображали, что обращаются в диких зверей, и их помраченное сознание приписывало самим себе в превращенном в этих зверей виде все те раны и увечья, которые те причиняли в действительности. Нередко случается, что повредившиеся в уме люди обращаются в суд, обвиняя самих себя в преступлениях, совершенных другими, и только тщательное расследование обнаруживает, что они возвели на себя напраслину. Однако они описывают обстоятельства преступления с невероятной точностью, будучи убеждены, что преступное деяние совершено именно ими. Приведу всего лишь один пример.

Во времена Французской революции на фрегате «Гермиона» капитаном служил некий Пигот⁽⁹²⁾, человек грубый и жестокий. Команда взбунтовалась и, безжалостно расправившись с капитаном и несколькими старшими офицерами, привела судно во вражеский порт. Одному из мичманов удалось избежать расправы, и впоследствии он на суде опознал многих преступников. Мистер Финлейсон, государственный актуарий, в то время занимавший официальный пост в Адмиралтействе, рассказывал:

«Мне доводилось встречать около десятка моряков, каждый из которых с жаром утверждал, что именно он нанес первый удар капитану Пиготу. Эти люди точно и подробно описывали различные обстоятельства бунта. Однако в действительности ни один из них не только не бывал на этом судне, но и капитана Пигота в глаза не видывал. Они просто знали всю эту историю в подробностях из рассказов товарищей. Долго живя в изгнании и тоскуя по дому, они слегка тронулись умом и со временем стали считать себя виновными в преступлении, о котором много слышали и размышляли. Они верили в свою виновность настолько искренне, что добровольно сдавались английским властям и в кандалах отправлялись в Англию, чтобы предстать перед судом. Однако, несмотря на их клятвенные признания, мы всегда выявляли таких и устанавливали их непричастность к бунту» (*London Judicial Gazette*. 1803. Январь).

Глава десятая **МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ ОБОРОТНИЧЕСТВА**

**Метемпсихоз. — Родство людей с животными. — Финнбоги и медведь. —
Индейцы-осаджи и бобры. — Связь между душой и телом. — Буддизм. — Мистер
Холлоуэй. — Обыденные представления о теле. — Немецкие легенды о мертвых. —
Одежда из перьев. — Переселение душ. — Баскская легенда. — Панчатантра. —
Первобытные представления о природных явлениях. — Гром, туча и молния. —
Происхождение драконов. — Дракон — Водяной смерч у Джона Бромптона. — Миф о
Тифее. — Аллегорическое представление об урагане. — Антропоморфоз. — Кучевые
облака и небесные лебеди. — Урваши. — Грозовые облака и демоны. — Вритра и
Ракшаса. — История о брамине и Ракшасе**

Мифы о превращении людей в животных встречаются во всех фольклорных традициях. Боги Древней Греции имели обыкновение превращаться в животных, когда человеческое обличье не позволяло осуществить свои замыслы легко, быстро и скрытно. В скандинавских мифах Один превращался в орла, Локи оборачивался лососем. Множество легенд о превращениях можно встретить среди восточных поверий.

Очень тонкая грань отделяет эти легенды от историй о переселении души животного в человека или человеческой души в животного (метемпсихоз).

Учение о метемпсихозе основано на представлении о различии между человеком и животным. Вера в животных, наделенных человеческой душой, существовала с древнейших времен, и соотношение между интеллектом и инстинктом либо неверно истолковывалось, либо считалось тайной, которую человеку не дано постичь.

Человеческая душа и сознание казались чем-то возникшим еще до рождения, и в мифах о метемпсихозе можно проследить попытки найти источник сознания, когда сны и видения рассматривались как отголоски памяти о событиях, происшедших в предыдущий период существования.

Современная философия идет примерно тем же путем, полагая, что человек является результатом развития и совершенствования более примитивных существ.

Считалось, что после смерти преобразование души продолжается. Она либо воссоединялась с источником разума, с Брахмой^[93], с божеством, либо опускалась до уровня животных. Таким образом, учение о метемпсихозе строилось на поощрении или наказании, ибо посмертное преображение души зависело от ее поведения при жизни. Душа человека нечестивого и жестокого переселялась в тело дикого зверя (например, миф о Ликаоне, превращенном в волка); душа робкого человека вселялась в зайца, а пьяницы и обжоры становились свиньями.

Человеческий ум на заре мира мало чем отличался от разума животных, а потому не следует удивляться, что наши предки были не в состоянии отличать инстинкт от интеллекта. Не умея осмыслить это различие, древние верили в метемпсихоз.

Но человек видел в животном собственное подобие, не только используя силу воображения, но и в действительности наблюдая у животных поведение, повадки, желания, муки и страдания такие же, как у людей, что приводило к естественному выводу о том, что у животных есть душа, подобная человеческой. Отсюда в человеке возникало ощущение родства с животными, и он, не мудрствуя лукаво и невзирая на явные различия, наделял животных всеми человеческими свойствами, включая сознание. Человек полагал, что животными движут те же побуждения, что они подчиняются тем же правилам чести и предрассудкам: чем выше стояло животное на лестнице развития, тем охотнее оно воспринималось как равное человеку. Примечательным примером такого отношения может служить сага о Финнбоги^[94] (песнь XI):

«Теперь надо о Финнбоги сказать. Еще раньше, с вечера, когда все спали, встал он и взял свое оружие; идет он по следам, которые ведут его к берлоге. Такова была отвага его, что шел он пятясь и держался следов, пока не достиг берлоги. Видит он, лежит там медведь, смяв под себя барана, и высасывает его кровь. Тогда взговорил Финнбоги:

— Подымайся-ка ты, медведина, и выходи со мной побороться; это получше будет, чем лежать на этом барашке.

Медведь поднялся, посмотрел на него и улегся наземь. Взговорил Финнбоги:

— Если тебе кажется, что я слишком вооружен, можно этому горю пособить. — Снял он с себя шлем, забросил щит и сказал: — Вставай же теперь, если осмеливаешься.

Медведь уселся и покачал головой; засим он опять улегся. Тогда сказал Финнбоги:

— Вижу я, что ты хочешь, чтобы мы оба были при равном оружии. — Отбросил он от себя меч и сказал: — Пусть будет так, как ты хочешь; вставай только, если сердце у тебя, как и следует ждать, получше, чем в этом зверьке, что из самых трусливых.

Поднялся медведь; дыбом взъерошилась на нем шерсть, и громко заревел он; бросился он на Финнбоги» («Сага о Финнбоги Сильном»).

Обратимся теперь к мифу осаджей^[95], записанному Джеймсом А. Джоунсом и опубликованному в книге «Предания североамериканских индейцев»^[96]. По этому преданию можно судить, насколько расплывчато представление первобытного ума о различии между инстинктом и сознанием, когда человек, живущий в лесу, не видит разницы между собой и животным.

«Воин-осадж выбирал себе жену: ему понравились опрятность и сообразительность бобров. Он отправился в жилище бобров, чтобы попросить у них девушку в жены. В углу хижины сидела женщина из рода бобров, расчесывая волосы бобрятам, и, когда малыши шалили, раздавала им звонкие затрещины. Вождь бобров шепотом объяснил гостю, что эта женщина — его вторая жена и она всегда сильно сердится, если надо заняться делом, вместо того чтобы болтать с соседками. Вождь сказал, что малыши — это их дети, а девушка, которая заставила их потереться носами в знак примирения, — это его старшая дочь от первой жены. Затем он громко обратился к жене:

— Жена, что у нас на обед? Наш гость явно проголодался: видишь, он побледнел, глаза у него потускнели, и ступает он тяжело, как лось.

Она ничего не сказала ему в ответ, потому что в этот день была не в настроении, но воскликнула что-то, и в хижину вошла неряшливая на вид бобриха.

— Ступай, — велела ей жена вождя, — и принеси гостю чего-нибудь поесть.

Неряха вышла через низкую дверцу в соседнее помещение и вскоре вернулась с большими кусками ивовой коры, бросив ее под ноги вождю и его гостю. Вождь бобров принялся жевать кору, а воин-осадж притворился, что тоже ест. Они повели между собой неспешный разговор о самых разных делах, главным образом о войнах между бобрами и выдрами и о том, как бобры постоянно побеждают противников. Вождь рассказал нашему предку о том, как бобры валят большие деревья и доставляют их к тем местам, где намереваются построить плотину; как они ставят бревна для постройки жилищ и как обмазывают их глиной, чтобы влага не проникала внутрь. Потом он перешел к рассказу о том, чем они занимаются, когда зарывают топор войны: тогда наступает мир и благоденствие и они любят собираться все вместе, отдыхая от трудов, и наслаждаются беседой, едой, купанием, игрой в кости и любовью. Все это время дочь вождя сидела, не сводя глаз с воина-осаджа и придвигаясь все ближе и ближе, пока не коснулась передней лапкой его руки. Потом она обняла его за шею и потерлась пушистой мордочкой о его щеку. В свою очередь, наш предок не только не остался равнодушным к ее ласкам, но, напротив, отвечал с должным усердием. При виде этого старый бобр отвернулся и предоставил им развлекаться, сколько душе угодно. Наконец он резко повернулся к ним, но девушка, догадавшись, что сейчас произойдет, притворилась смущенной и спряталась за спину матери. Тогда вождь сказал:

— Хватит попусту баловаться. Почему бы тебе не жениться на моей дочери? Она хорошо воспитана и трудолюбива. Она способна своим хвостом обмазать стенку глиной лучше любой другой девушки из нашей деревни. Да и большое дерево она подточит зубами за день, не в пример многим мужчинам нашего рода. В сообразительности ей тоже не откажешь: попробуй сыграть с ней в тарелку — и увидишь, кто победит. Что до опрятности, то взгляни только на ее юбку.

Наш предок ответил, что нисколько не сомневается в трудолюбии и опрятности девушки, равно как и в ее способности зубами подточить самое большое дерево и применить свой хвост с пользой для хозяйства, а потому он очень ее полюбил и захотел, чтобы она стала матерью его детей.

И дело было слажено».

Обе истории, одна из исландской саги, другая из фольклора североамериканских индейцев, со всей очевидностью показывают, насколько примитивный ум отождествляет душу человека с душой животного. Оба испытывают одинаковые чувства, а ведут себя по-разному только потому, что отличаются по телосложению. Души у них одинаковые, и различают их только внешние признаки.

Не только примитивные, но и многие развитые народы считают тело чем-то вроде одежды, покрывающей душу. Буддисты полагают, что личность воплощается исключительно в душе, а тело имеет к личности не больше отношения, нежели одежда, которую мы то снимаем, то надеваем. Человек — существо духовное, в тело он облачается лишь по обстоятельствам, хоть в человеческое, хоть в звериное. По мере того как дух возвышается, он воплощается во все более благородном теле. Сам Будда прошел все стадии воплощения: на одной из стадий он был зайцем, и благородство его души оказалось столь велико, что он принес себя в жертву, чтобы оказать гостеприимство Индре, который в облике дряхлого старца попросил у него приюта и пищи. Буддист почтительно относится к животным: в теле быка может обитать душа предка, а рядом может бежать на четырех лапах, лаять и вилять хвостом душа потомка. Когда буддист входит в транс, его душа покидает тело, оставляя его лежать, как будто сбрасывает одеяние из плоти, крови и костей, и возвращается, когда транс проходит. Однако в это верят не только буддисты, подобное представление распространено повсюду. Предполагается, что дух, или душа, заключен в теле, как в темнице, что тело — это всего лишь фонарь, в котором горит огонь души. При этом «бренное тело», как представляется, «угнетает душу», и та не может достигнуть совершенства, пока не покинет земную оболочку. Батлер¹⁹⁷¹ считает члены человеческого тела инструментами, предназначенными для того, чтобы, подобно оптической трубе или костылям, обеспечивать душе возможность видеть, слышать, передвигаться, а потому их утрата ни в коей мере не вредит нашей личности.

Покойный мистер Д. Холлоуэй, служащий Банка Англии, брат известного гравера, признавался, что однажды ночью, лежа в постели и мучась бессонницей, он сосредоточил свой взгляд на далекой прекрасной звезде, что светила сквозь окно, и внезапно почувствовал, как дух его покинул тело и воспарил. Но тут же, охваченный страхом за жену, которая может перепугаться, обнаружив рядом его мертвое тело, он пришел в себя и не без труда воссоединился с телом. Он описывал это событие как возвращение из света во тьму и утверждал, что, пока дух его витал в пространстве, он попеременно переходил из света во тьму и обратно, мысленно обращаясь то к звезде, то к жене. В мифах многих стран рассказывается об угнетении духа телом, а освобождение души рассматривается как избавление от «бремени» плоти. Вопрос о том, способна ли душа действовать и выражать себя вне тела, так же не подлежит сомнению для примитивного ума, как для нас вопрос о том, может ли огонь материализоваться вне парового котла и механизма. Но следует заметить, что только христианство приписывает телу то же достоинство, что и душе, и оставляет ему надежду на очищение и воскрешение, о чем не говорится ни в одной из известных мифологий.

Однако, невзирая на настоящее свидетельство Святого Писания, широко распространенное убеждение в том, что душа томится в неволе тела до тех пор, пока связана с ним, очень схоже с представлениями буддизма.

Если наша душа — узница в клетке тела, как выразился поэт^{98}, она может переместиться в другую клетку. Если тело — это одежда души, по утверждению буддистов, почему бы ей время от времени не менять одежду.

Это естественный вывод, породивший во всем мире бесчисленные истории о превращениях и переселениях душ. Наши тевтонские и скандинавские предки также рассматривали тело как одежду для души, что явствует из самой этимологии слов *Leichnam* и *líkhama* (мертвое тело), обозначающих тело, которое покинула душа.

Я уже упоминал норвежское слово *hamr* и теперь хочу вернуться к нему. *Hamr* в англосаксонском соответствует словам *hama*, *homa*, в саксонском — слову *hamo*, в древневерхненемецком — *homo*, в старофранцузском — *homa*, *hama*, с которыми связаны готские *gahamon*, *ufar-hamon*, *ana-hamon*, (греч. ἐνδύεσθαι, ἐπενδύεσθαι); *and-hamon*, *af-hamon*, (греч. ἀπεκδύειν, ἐκδύεσθαι), а также древневерхненемецкое *hemidi*, современное *Hemde*, «одежда». В сочетаниях мы обнаруживаем это слово в виде *lík-hagmr* в старонорвежском; в древневерхненемецком *lík-hamo*, в англосаксонском *lík-hama* и *flæsc-hama*, в старосаксонском *lík-hamo*, в современном немецком *Leich-nam*, «тело», то есть «плотская одежда», так же как тело птицы в старонорвежском называется *fjaðr-hamr*, в англосаксонском *fēðerhoma*, в старосаксонском *fetherhamo*, «одежда из перьев», тело волка называется в старонорвежском *úlfs-hamr*, а тело тюленя на фарерском *kópa-hamr*. Значение древнего глагола *að hamaz* теперь понятно; он означает «переходить из одного тела в другое», а *hama-skipti* значит «переселение души». Способ переселения прост: душа облекается в тело животного путем натягивания его шкуры. Когда Локи, вредоносный норвежский бог, отправился в поход на поиски похищенной Идунн, он позаимствовал у Фрейи ее соколиное одеяние — и тут же превратился в сокола. Едва только Локи покинул Трюмхейм, за ним погнался Тьяцци, накинув орлиные перья и превратившись в орла.

Чтобы отыскать молот Тора^{99}, Локи вновь позаимствовал у Фрейи ее оперение, и, когда он улетал, перья шуршали и шелестели на ветру (*fjaðr-hamr dunði*).

Примерно так же Кэдмон^{100} описывает полет злого духа в одежде-оперении: «Он летел в одеянье из перьев, на ветру шелестевших»^{101} (Hêlj. 171, 23).

Иногда душа может освободиться от тела и вселиться в другое тело (животного или человека) — такие мифы встречаются в различных теологических традициях.

У финнов и лопарей шаманы нередко впадают в каталептическое состояние, и все убеждены, что в это время их душа странствует, чаще всего в другом обличье, выбрав наиболее подходящее для этой цели животное. В предыдущей главе я уже приводил такие примеры. Аналогичные убеждения проявляются во многих случаях ликантропии. Больной находится в состоянии транса, причем для постороннего взгляда его тело остается неподвижным, тогда как душа переселяется в тело волка, оживляет его и заставляет бежать, куда ей надо. У басков существует любопытная легенда, которая подтверждает, что у этого урало-алтайского народа^{102}, оттесненного арийскими соседями от других народов той же семьи, сохраняется аналогичное суеверие. Как-то раз в Пиренейских горах охотник преследовал медведя. Внезапно мишка набросился на него и задавил, но, прежде чем умереть, охотник успел нанести ему смертельную рану. Умирая, охотник вдохнул в медведя свою душу и с тех пор в обличье зверя блуждал в горах.

Одна из санскритских сказок, из собрания «Панчатантра», представляет собой такой замечательный пример индийских представлений о метемпсихозе, что я позволю себе привести ее здесь в кратком изложении.

Некий царь шел по рыночной площади своего города и обратил внимание на горбатого шута, ужимками и прибаутками вызывавшего у зрителей взрывы смеха. Царю горбун понравился, и он пригласил его во дворец. Вскоре после этого в присутствии шута колдун-некромант обучал монарха искусству переселения души в чужое тело.

Монарх тут же пожелал применить новые знания на практике и отправился в лес в сопровождении шута, который, как полагал царь, ничего не слышал или, во всяком случае, не понял из объяснений колдуна. В глубине джунглей они наткнулись на тело брамина, который умер там от жажды. Царь спешился, оставил коня и выполнил необходимый обряд — его душа мгновенно переселилась в брамина, а его собственное мертвое тело распростерлось на земле. В тот же миг горбун покинул свое тело, вселился в царское и, распрощавшись с потрясенным монархом, умчался на его коне во дворец, где и был встречен с царскими почестями. Вскоре царица и один из слуг заподозрили, что дело нечисто. Тут во дворце появился бывший царь, а ныне брамин, рассказал о случившемся, и они задумали вернуть его в царское тело. Царица спросила у поддельного мужа, нельзя ли научить ее попугая говорить, и муж, от полноты супружеской любви проявивший слабость, пообещал, что обучит попугая сам. Он покинул свое тело и вселился в попугая. Настоящий царь не мешкая оставил тело брамина и вернулся в то, что законно принадлежало ему, а царица тем временем свернула попугаю шею.

Помимо веры в переселение душ, породившей бесконечное число легенд, в народной мифологии существовал и другой мотив, отраженный в историях об оборотнях. Среди обилия суеверных представлений, связанных с оборотничеством, особенно популярны три образа: лебедя, волка и змея. Во многих рассказах отражается суеверное почитание оборотней, ибо тому, кто способен менять обличье, приписывалась высшая природа. В христианских странах у священников все связанное с языческими верованиями вызывало подозрение, и сверхъестественные силы, не одобренные официальной Церковью, приписывались дьяволу. Языческие боги превратились в бесов, а чудеса, связанные с ними, рассматривались как бесовское наваждение. Оборотничество, в котором проявлялось влияние античного божества, с распространением христианства стало приравниваться к колдовству. Таким образом, рассказы об оборотнях оказались в опале, а сами оборотни считались уже не священными существами, достойными почитания, а презренными ведьмаками, заслуживающими сожжения заживо.

На ранней стадии развития общества, когда природные явления были мало изучены, многие выражения, которые нам представляются поэтическими метафорами, понимались буквально. Говоря, что гром грохочет, мы употребляем выражение, в котором отражается всего лишь представление о том, что раскаты грома напоминают грохот колес экипажа, но для необразованного ума в этом заключался иной смысл. Первобытный дикарь не знал, чем вызван гром, и, отмечая сходство между ним и грохотом колес, приходил к заключению, что это едет божественная колесница или небесные духи развлекаются игрой в кегли.

Мы говорим о пушистых облаках, потому что они кажутся нам мягкими и легкими, словно шерсть, а древний человек, отмечая то же самое сходство, верил, что эти скопления пара являются стадами небесных овец. Мы говорим, что облака летят: дикарь употреблял то же самое выражение, глядя на покрытое белыми барашками небо, но видел в них при этом стаю небесных лебедей над священным озером. Мы придвигаемся поближе к камину, дрожа от ветра, который, как мы говорим, завывает за окнами, но вовсе не представляем себе ветер в виде существа, способного выть. Дикий, первобытный человек именно так и представлял ветер, который выл, как воют волки и собаки. А поскольку волков и собак дикарь видел воочию, он, естественно, приходил к выводу, что ветер — это сверхъестественная собака или чудовищный волк из тех, что рыщут во мраке зимней ночи в поисках жертвы.

Наряду с подобным принципом объяснения явлений природы по аналогии с животным миром, первобытный ум делал и другие умозаключения. По небу бродили не обычные стада овец, а стада, принадлежавшие небожителям, да и сами овцы тоже, возможно, имели сверхъестественную природу. Лебеди, парившие в небе выше самых высоких горных пиков, были не обычные, а божественные, небесные лебеди. Волк, завывающий во мраке темной зимней ночью, собаки, от чьего зловещего лая содрогается дремучий лес, не простые земные создания — это волки и собаки из владений божественного охотника, да и сами по себе они принадлежат к чудесам сверхъестественного мира.

Так облака становились лебедями, лебеди-облака обретали божественную природу, превращались в валькирий, апсар, которые глазам смертных представляли в птичьем оперении, а на самом деле были богинями-небожительницами. Завывающий ветер вначале представлялся волком, а затем становился божеством бури, который в волчьем облике развлекался земной охотой.

В качестве одной из излюбленных в мифологии форм перевоплощения я упомянул змея. Древние видели извилистую раздвоенную молнию и воображали ее в облике небесного огненного змея, божественного змея, который был богом, а в змеином облике являлся глазам смертных. Среди североамериканских индейцев до сих пор бытуют представления о молнии как о гигантском змее, шипение которого звучит раскатами грома.

«О! — воскликнул крестьянин из Магдебурга, обращаясь к немецкому профессору, когда во время грозы сверкнула раздвоенная молния. — Вот это змея!»

Греки тоже подмечали сходство грома и молний с животным миром.

ἐλίκες δ' ἐκλάμπουσι στεροπῆς ξάπυροι.
Не то ваш рассудок навек потрясет
Свирепого грома рычанье.
(Эсхил¹⁰³¹. Прометей прикованный. 1060–1061)
δράκοντα πυρσόνωντον, ὅς ἀπλάτων ἀμφελκτός
ἐλίκ' ἐφρούρει, κτανών.
И, ствол обвивая, багровый
То древо бесменно дракон сторожил.
(Еврипид¹⁰⁴¹. Геракл. 396–397)

Аристотель называет молнии (ἐλίκαι) «извивающимися змеями» (ὑραμμοειδὼς φερόμενοι).

Нам трудно вернуться к незнанию всего того, что мы теперь знаем о природных явлениях, трудно воспринимать атмосферные события так, словно нам ничего не известно о законах природы, и поэтому мы склонны считать доводы народной мифологии вроде тех, что я приводил выше, фантастическими и невероятными.

Но для человека Древнего мира познание всех природных феноменов было внове, и только после очередной неудачной попытки объяснить их сверхъестественными причинами мы приходили к открытию истинных причин. Однако среди простонародья сохранилось огромное количество преданий, истолковывающих таинственные атмосферные явления. Недавно девушка из Йоркшира в ответ на вопрос, почему она не боится грозы, сказала, что ей не страшно, потому что это голос ее Отца. Что она знает о том, как атмосферный воздух стремится заполнить вакуум, созданный прохождением электрического тока? Для нее гром — это голос Господа. В Северной Германии крестьяне до сих пор объясняют грозу тем, что ангелы играют в кегли на небесах, а снег — тем, что на небе трясут перины.

Миф о драконе в связи с метеорологическими явлениями, пожалуй, в большей степени, нежели другие, иллюстрирует фазу перехода от териоморфоза (превращение в животных) к антропоморфозу (превращение в человека).

Дракон в народной мифологии — это не что иное, как гроза, появляющаяся вдали, стремительно несущаяся по небу на распростертых черных крыльях, высунув огненный раздвоенный язык и извергая пламя. В словацкой легенде дракон всю зиму спит в горной пещере, но в весеннее равноденствие стремительно вылетает оттуда.

«Через миг небо покрыла тьма, и сверкали только драконьи глаза и пасть. Земля тряслась, камни с грохотом скатывались по горным склонам в долины. Дракон бил хвостом слева направо и справа налево, обрушивая сосны и березы, ломая стволы, как тростинки. Он извергал такие потоки воды, что переполнились горные реки. Но постепенно мощь его истощалась, он больше не бил хвостом, не извергал воду и не изрыгал пламя».

По-моему, в этом описании трудно не распознать весеннюю грозу. Но невежественный разум наглядно представлял эту грозу в виде дракона, что со всей очевидностью, даже для самых больших скептиков, подтверждается следующей цитатой из летописи Джона Бромптона^[105]:

«Другое знаменательное событие регулярно происходило в Сатальском заливе (на побережье Памфилии). Там, окутанный тучей, появлялся огромный черный дракон и погружал голову в воду, а хвост вздымал до небес; и поглощал тот дракон воду так неистово, что, окажись в ту пору поблизости какой-нибудь корабль, полный людей и товаров, он был бы втянут в драконью пасть и извергнут в небо. Дабы избежать этой опасности, людям следовало, едва завидев дракона, тут же поднимать громкий шум, кричать и стучать по дереву, чтобы дракон, устрасшись криков и шума, убрался подальше. Некоторые, однако, полагают, что это не дракон, а солнце втягивает воду из моря, и это весьма вероятно»^[49]. Джон Бромптон описывает так водяной смерч.

В греческом мифе дракон-гроза приобретает некоторые антропоморфные черты. Тифей (Тифон) является сыном Тартара и Геи; грозовая туча, вздымающаяся на горизонте, вполне могла представляться как возникающая из утробы матери-земли, а свойства грозы достаточно точно указывали на отцовство Тартара. Тифей, как воплощение урагана или тайфуна^[106], имеет сотню драконьих или змеиных голов и извергает клубы пара, подобно грозовой туче. Он изрыгает пламя, то есть молнии, и рычит, как стая диких собак. Тифей вздымается до небес, чтобы затеять битву с богами, а те разбегаются от него, принимая самые причудливые обличья. Кто не распознает в этом образе грозовую тучу, стремительно накрывающую небо, а в превращениях богов — белые облака, гонимые по небу ураганом!

Согласно Гесиоду^[107], Тифей — отец всех дурных ветров, которые приносят дожди и бури, разоряют земледельцев и губят мореплавателей. Греки называли эти ветра общим именем «смерчи, вихри»:

ἐκ δὲ Τυφωεὸς ἔστ' ἀνεμὼν μένος ὑγρόν αἰντῶν,
νόσφι Νότου Βορέω τε καὶ ἀργέστεω Ζεφύροιο:
οἱ γὰρ μὲν ἐκ θεόφιν γενεῇ, θνητοῖς μὲν ὕνειαρ:
οἱ δ' ἄλλοι μαψαῦραι ἐπιπνείουσι θάλασσαν:
αἳ δὲ τῆς πίπτουσαι ἐς ἡεροειδέα πόντον,
πήμα μέγα θνητοῖσι, κακὴ θυίουσιν ἀέλλη:
ἄλλοτε δ' ἄλλαι ἰχθεῖσι δνασκιδνδσί τε νηας
ναύτας τε φθείρουσι: κακοῦ δ' οὐ γίγνεται ἀλκή
ἀνδράσιν, οἳ κείνησι σινάντωνταν κατὰ πόντον:
αἳ δ' αὖ καὶ κατὰ γαῖαν ἀπείριτον, ἀνθεμόεσσαν
ἐργ' ἐρατὰ φθείρουσι χαμαιγενέων ἀνθρώπων

πῖπλεῖσαι κόνιός τε καὶ ἀργαλέου κολοσυρτοῦ.
Влагу несущие ветры пошли от того Тифоея,
Все, кроме Нота, Борея и белого ветра Зефира:
Эти — из рода богов и для смертных великая польза.
Ветры же прочие все — пустовей и без толку дуют.
Сверху они упадают на мглисто-туманное море,
Вихрями злыми крутясь, на великую пагубу людям;
Дуют туда и сюда, корабли во все стороны гонят
И мореходчиков губят. И нет от несчастья защиты
Людам, которых те ветры ужасные в море застигнут.
Дуют другие из них на цветущей земле беспредельной
И разоряют прелестные нивы людей земнородных,
Пылью обильною их заполняя и тяжким смятеньем.
(Гесиод. Теогония, 861 строфа и последующие)

В современном греческом или литовском крестьянском мифе дракон, или драк, превратился в великана-людоеда, сохранившего некоторые драконьи черты.

В своем собрании греческих и албанских сказок Иоганн Георг фон Хан приводит множество сказаний о драконах, но это уже не древние драконы, а великаны, обладающие сверхъестественными свойствами. То же самое наблюдается в литовском фольклоре. Дракон теперь ходит на двух ногах, ухаживает за девушкой и женится на ней. Злой нрав он по-прежнему сохраняет, но драконьи крылья и чешую уже сбросил.

Так переосмыслен в народном сознании дракон, воплощение грозы. Подобные изменения наблюдаются и в связи с мифами о деве-лебеди и оборотне.

В древнеиндийской ведийской мифологии апсары представлялись божественными девами, полубогинями, которые обитали на границе между небом и землей. Само их название означает либо «бесформенные», либо «те, кто движется по воде» (точное толкование не установлено), и образно указывает на перистые облака, постоянно меняющие форму и плывущие, подобно лебедям, по синему морю неба. По ведийским поверьям, апсары любили менять облик, чаще всего оборачиваясь утками или лебедями, а изредка — и людьми. Души героев становились их мужьями или возлюбленными. Один из самых очаровательных древнеиндийских мифов — это история об апсаре Урваши. Урваши полюбила Пурураваса и стала его женой при условии, что он никогда не явится перед ней обнаженным. Они долго жили вместе, пока небожители не решили вернуть Урваши с земли. Они подстроили так, чтобы в ночную пору Пуруравас встал с постели, и внезапной вспышкой молнии осветили его наготу на глазах у жены, и та была вынуждена покинуть его. Исполненный тоски, он скитался в поисках Урваши и наконец увидел ее в облике лебедя, плавающего в озере среди лотосов.

Я думаю, это не простая выдумка, она основывается на мифологическом объяснении природных явлений, так как в разных вариантах встречается повсеместно. Каждая ветвь арийского корня хранит эту историю или ее отголоски, а потому нет сомнения в том, что поверье о лебединых девах, которые плавают по небесному морю и иногда выходят замуж за простых смертных, если тем удастся украсть их лебединое одеяние, составляла важную часть исконной мифологии арийцев, до того как они разделились на индийскую, персидскую, греческую, латинскую, русскую, скандинавскую, тевтонскую и другие ветви. Более того, поскольку подобный миф встречается не только у арийцев, в том числе у таких удаленных от европейских или индийских верований народов, как самоеды или американские индейцы, возможно, этот мотив вообще восходит к первобытному человеку.

Но пора уже оставить летние перистые облака и вернуться к порождаемой грозой дождевой туче. В индийской мифологии она воплощается во Вритре^{108} и Ракшасе^{109}. Вначале эти демоны имели бесформенное, неопределенное обличье. Слово *Вритра* служило наименованием облака, *кабханда*, древнего слова, обозначающего дождевую тучу, и только позднее стало именем демона. О Вритре, окутывающем горы своим дыханием, сказано: «Тьма окутала все, поглощая воду, горы покоились на животе Вритры». Постепенно Вритра все более отчетливо превращался в демона, которого описывали как «поглотителя» гигантских размеров. Таким же образом Ракшаса обрел телесный облик и индивидуальность. Он представляет собой безобразного рыжеволосого великана, «подобного туче», с зубами, торчащими, как клыки, готового раздирать и пожирать человеческую плоть. Его тело поросло жесткими щетинистыми волосами, огромный рот всегда разинут. Он постоянно озирается в надежде утолить ненасытный голод человеческой плотью и кровью. К ночи его сила многократно возрастает. Он может менять облик по своему усмотрению. Он предпочитает леса и с воем рыщет по джунглям. Короче говоря, для индусов он является тем, чем вервольф для европейцев.

«В лесу поселился Ракшаса. Однажды он встретил брамина и вспрыгнул ему на плечи с возгласом:

— Н-но! Пошел вперед!

Трясая от страха, брамин потащил его на себе. Но вскоре он заметил, что ступни у Ракшасы нежны, как лепестки лотоса, и спросил его:

— Почему у тебя такие нежные и слабые ноги?

— Я никогда не касаюсь ногами земли, — ответил Ракшаса. — Я дал клятву не делать этого.

Вскоре они подошли к большому озеру. Там Ракшаса велел брамину ждать на берегу, а сам приступил к омовению и молитвам. Между тем брамин сообразил: „Едва он совершит омовение и закончит молитвы, он тут же разорвет меня на части и сожрет. Да ведь он поклялся не ступать по земле — надо мне убраться подальше!“

Так он и сделал, и Ракшаса не осмелился преследовать его из опасения нарушить клятву» (Панчатантра, книга 13).

Похожий сюжет встречается и в Махабхарате^{110} (книга 13), и в Катхасаритсагаре^{111}, «Океане сказаний».

Я подробно описал, как природные явления порождали мифологические образы, которые затем постепенно отторгались от самих явлений и превращались в грубые суеверия. Я также привел доказательства того, что учение о метемпсихозе и мифологические взгляды на природные явления сопровождались всевозможными домыслами, в том числе искаженными представлениями о ликантропии. Далее я перейду от мифологии к истории и приведу примеры вампиризма, зверства и каннибализма.

Глава одиннадцатая

МАРШАЛ ДЕ РЕЦ

I. Дознание

Введение. — История Жилия де Лавалья. — Замок Машкуль. — Арест маршала. — Допрос свидетелей. — Письмо де Реца. — Герцог Бретонский колеблется. — Епископ Нантский

История человека, чье имя вынесено в название этой главы, заслуживает подробного описания, которое, как я полагаю, до сих пор не было известно английской общественности.

Возможно, имя Жиль де Лаваль знакомо многим, так как о его кровавых деяниях упоминается в многочисленных биографиях, но сведения эти отличаются недостаточной полнотой в силу крайней скудости источников. Один только господин Мишле^{112} отважился представить публике очерк преступлений, которые привели маршала Франции на эшафот, и эти преступления таковы, что, по словам Анри Мартена^{113}, «даже этот железный век, казалось равнодушный к любому проявлению зла, испытал потрясение».

Господин Мишле почерпнул сведения из компендиума документов, собранных по распоряжению герцогини Анны Бретонской, а ныне хранящихся в Императорской библиотеке. Подлинники документов хранились в библиотеке Нанта, и большая часть их была уничтожена во времена Французской революции 1789 года. Однако они были тщательно исследованы, и отчет об этом, оставшийся недоступным Мишле, попал в руки господина Лакруа, известного французского коллекционера, и тот опубликовал краткую биографию маршала на основе полученных отсюда сведений. Эта биография, которая, как мне известно, на сегодняшний день является самой полной и достоверной, и будет изложена далее в нашей книге.

Анри Мартен утверждает, что «даже самое извращенное воображение не в силах представить то, что обнаружилось во время процесса». Лакруа вынужден обойти молчанием многое из того, что тогда обнаружилось, а я тем более умолчу об этом. Тем не менее материала достаточно, чтобы подтвердить, что этот приснопамятный процесс обнаружил преступления, возможно, самые ужасные в мировой истории.

В 1440 году всю Бретань, особенно область исконных владений семьи де Рец, которые простираются вдоль южного берега Луары от Нанта до Пембефа, потрясла весть о том, что один из самых именитых и влиятельных аристократов Бретани, Жиль де Лаваль, маршал де Рец, обвиняется в поистине сатанинских преступлениях.

Жиль де Лаваль — старший сын Ги де Лавалья, второй носитель этого имени в роду, сир де Рец — прославил младшую ветвь знаменитого дома Лавалей больше старшей ветви, которая находилась в родстве с герцогами Бретонскими. В одиннадцатилетнем возрасте он потерял отца и стал хозяином громадных земельных владений, которые еще больше увеличились в 1420 году за счет приданого его жены Катрин, урожденной де Туар. Часть своего состояния он потратил на поддержку Карла VII и укрепление королевской власти во Франции. В течение семи лет, с 1426 по 1433-й, он участвовал в боевых действиях против Англии; его имя постоянно упоминается наряду с именами Жана Дюнуа^{114}, Потона де Сентрайля^{115}, Флорана д'Илье^{116}, Рауля де Гокура^{117}, Артура де Ришмона^{118}, а также числится среди наиболее преданных сторонников короля. Его услуги были по достоинству оценены королем, присвоившим ему звание маршала Франции. В 1427 году он штурмом захватил замок Луд, собственноручно сразив военачальника. На следующий год он отвоевал у англичан крепость Реннефор и замок Маликорн; в 1429-м он принял активное участие в походе Жанны д'Арк и освобождении Орлеана, участвовал в захвате Жарго и находился рядом с ней в окопах у стен Парижа, когда она была ранена стрелой.

Маршал и советник короля, он повлиял на многие важные события и пользовался полным доверием монарха. Он сопровождал Карла на коронацию в Реймс и удостоился чести нести хоругвь, предоставленную для такого случая аббатством Сен-Реми. Отличаясь отвагой на поле боя и прозорливостью в делах королевского совета, он зарекомендовал себя выдающимся военачальником и проницательным политиком.

Внезапно, к всеобщему удивлению, он оставил службу у Карла VII, ушел в отставку и, вложив меч в ножны, поселился в своих владениях. Смерть деда по материнской линии, Жана де Краона, в 1432 году неслыханно обогатила его: доходы де Реца достигли восьмисот тысяч ливров, но его расточительность привела к тому, что через два года он потерял

значительную часть наследства. Своему родичу Жану V, герцогу Бретонскому, он продал Молеон, Сент-Этьен-де-Мальмор, Лору-Ботро, Порни, Шантоле и другие поместья, а епископу Нантскому и капитулу кафедрального собора уступил свои владетельные права.

Ходили слухи, что эти чрезмерные уступки имели целью подкупить герцога и епископа, с тем чтобы один не конфисковал у него имущество, а другой не отлучил от Церкви за преступления, в которых его негласно обвиняли. Но возможно, эти слухи не имели под собой основания, поскольку герцог упорно сомневался в виновности родственника, а епископ явился наиболее рьяным инициатором суда.

Маршал редко появлялся при дворе герцога, но часто со свитой, достойной короля, посещал Нант, где останавливался в «Отеле де Ла-Суз». В свиту входили две сотни вооруженной охраны, а также многочисленные пажи, дворяне, священники, певцы, звездочеты и т. п. Всех он весьма щедро оплачивал.

Когда де Рец покидал город или перебирался из одного поместья в другое, его отъезд сопровождался ропотом несчастных, которые в его присутствии молчали из страха перед ним. Едва свита маршала скрывалась за поворотом, люди разражались слезами, воплями и проклятиями. Матери оплакивали своих детей, младенцев, похищенных прямо из колыбели и едва ли не из материнских объятий, ибо по опыту было известно, что пропавшие малыши исчезали бесследно.

Но ни в одной другой местности этот страх не был так велик, как в деревушках поблизости от замка Машкуль — мрачной крепости с массивными башнями, окруженной глубоким рвом. Именно здесь, невзирая на угрюмый и отталкивающий вид замка, предпочитал жить де Рец. Крепость могла выдержать любую осаду: мост поднят, решетка опущена, ворота заперты, охрана вооружена, кулеврины на бастии заряжены. За исключением слуг, никто посторонний не проникал в это таинственное убежище, без того чтобы не сгинуть там бесследно. В окрестностях люди со страхом шептались о бесовщине и колдовстве, но все отмечали, что часовня замка была увешана роскошными парчовыми гобеленами, церковная утварь украшена драгоценными камнями, а одеяния священников отличались большой пышностью. Очевидна была также чрезвычайная набожность маршала: говорили, что он ежедневно трижды слушает мессу и страстно любит духовную музыку. Передавали также, что он испросил разрешения у папы на то, чтобы в церковных шествиях перед ним шел служитель с серебряным крестом. Но когда над лесом сгущалась тьма и в замке одно за другим освещались окна, крестьяне указывали на одно окно наверху обособленной башни, свет из которого прорезал ночную тьму. Поговаривали, что в этом окне время от времени виднелись вспышки красного пламени и оттуда доносились пронзительные крики, которым в притихшем лесу вторил только волчий вой, когда звери выбирались из своего логова на ночную охоту.

В строго определенные дни и часы подъемный мост опускался, в воротах замка появлялись слуги де Реца и раздавали деньги, одежду и еду толпе нищих, ожидавших подаяния. Среди попрошайек попадались дети, и слуги нередко заманивали их на кухню обещаниями угостить каким-нибудь лакомством. Если кто из малышей поддавался на посулы и шел на кухню за угощением, больше его уже не видели.

В 1440 году долготерпению народа пришел конец, и маршала во всеуслышание обвинили в убийстве детей, которых он якобы приносил в жертву дьяволу.

Это обвинение достигло ушей герцога Бретонского, но тот отнесся к нему равнодушно и не предпринял бы ничего, чтобы выяснить правду, не настаивая на этом один из его приближенных. Тогда же Жан де Малеструа, епископ Нантский, а также благородный и

просвещенный Пьер де Лопиталь, великий сенешал Бретани, обратились к герцогу, без обиняков требуя расследования обвинений.

Жан V неохотно согласился на то, чтобы выступить против своего родича, к тому же славно послужившего Франции и занимавшего такое высокое положение, но в конце концов уступил настоятельной просьбе и позволил арестовать де Реца и его соучастников. Это трудное задание было возложено на некоего сержанта по имени Жан Лаббе. Тот собрал отряд численностью двадцать человек, и в середине сентября они объявились перед воротами замка, потребовав, чтобы сир де Рец сдался им. Узнав, что у ворот находится отряд людей в мундирах герцога Бретонского, Жиль поинтересовался, кто ими командует. При имени «Лаббе» он вздрогнул, побледнел, перекрестился и отдал себя в их руки, рассудив, что судьбе противиться невозможно.

Дело в том, что за несколько лет до этого один из его звездочетов поведал маршалу, что однажды он попадет в руки какого-то «Аббе», и до сего времени де Рец полагал, что пророчество предсказывало ему судьбу монаха (аббата).

Жиль де Силле, Роже де Бриквиль и другие приспешники маршала предпочли бежать, но Анрие и Пуату остались с ним.

Подъемный мост был опущен, и маршал вручил свой меч Жану Лаббе. Сержант почтительно преклонил колено и развернул документ с печатью Бретани.

— Изложи мне содержание документа, — с достоинством произнес Жиль де Рец.

— Справедливый государь Бретани настоящим обязывает вас, монсеньор, следовать за мной в благородный город Нант и там очиститься от обвинений, выдвинутых против вас.

— Я немедленно последую за вами, друг мой, и я рад повиноваться монсеньору герцогу Бретани. Однако пусть никто не скажет, что сеньор де Рец отпустил вестника без достойной награды, а потому я попрошу моего казначея Анрие вручить вам и вашим спутникам двадцать золотых монет.

— Благодарю вас, монсеньор! Да ниспошлет вам Господь благоденствие на многие лета.

— Моли Господа, дабы Он ниспослал мне прощение и отпущение грехов.

Оседлав коней, маршал покинул Машкуль в сопровождении Пуату и Анрие, разделивших его судьбу.

С живым интересом наблюдали жители окрестных деревень, как грозный маршал Жиль де Рец скачет по улицам в окружении солдат герцога — без единого охранника из числа своих. Народ толпился на улицах и дорогах, земледельцы оставляли свои поля, женщины покидали кухни, батраки бросали скот прямо в ярме — и все толпились вдоль дороги, ведущей к Нанту. Кавалькада двигалась в молчании. Даже толпа, собравшаяся поглазеть на происходящее, примолкла. Внезапно какая-то женщина пронзительно воскликнула:

— Мое дитя! Верни мне мое дитя!

И вся толпа разразилась гневными выкриками, которые не стихали по Нантской дороге, пока главные ворота крепости Шато-дю-Буффе не захлопнулись за спиной узника.

Среди населения Нанта начались волнения и беспорядки из-за слухов, будто расследование окажется фиктивным, герцог не даст в обиду родича и предмет всеобщей ненависти отделается конфискацией части своих владений.

Вполне вероятно, события приняли бы именно такой оборот, если бы не решимость епископа Нантского и великого сенешала. Они взывали к герцогу, пока не добились его согласия на тщательное расследование дела и публичный суд.

Жан V доверил вести дознание вице-инквизитору Жану де Тушерону, который должен был собрать доказательства вины маршала. Приватно ему дали понять, чтобы не слишком усердствовал и по возможности смягчал обвинения.

Уполномоченный герцогом, Жан де Тушерон приступил к расследованию 18 сентября, имея единственного помощника, Жана Тома. Свидетелей опрашивали поодиночке или группами, если речь шла о родственниках. Войдя, свидетель становился на колени перед представителем герцога, целовал распятие и, возложив руку на Евангелие, клялся, что будет говорить правду, и ничего, кроме правды; после этого, не будучи прерываем, он излагал все, что ему было известно в связи с обвинением.

Первой свидетельствовала Перрин Лоссар, проживавшая в Ларош-Бернаре.

Со слезами на глазах она поведала, что два года назад, в сентябре, сир де Рец со своей свитой проезжал через Ларош-Бернар по пути из Ванна и остановился у Жана Коллена. Свидетельница жила в доме напротив того, в котором поселился барон.

Ее ребенок, самый замечательный мальчик в деревне, десяти лет от роду, привлек внимание Пуату, а может, и самого маршала, когда тот стоял у окна за плечом своего казначея.

Пуату заговорил с мальчиком и спросил, не хочет ли тот стать певчим; ребенок ответил, что мечтает стать солдатом.

— Замечательно, — сказал Пуату, — я готов помочь тебе с экипировкой.

Тогда мальчик взял в руки кинжал, висевший за поясом оруженосца, и выразил желание иметь такой же. Тут подбежала мать мальчика, заставила его вернуть кинжал и заявила, что ребенок хорошо учится, освоил чтение и письмо и в будущем станет монахом. Пуату принялся отговаривать ее и предложил увезти ребенка с собой в Машкуль, где из него сделают солдата. Он дал глупой женщине сто су на одежду для ребенка, и она согласилась отпустить мальчика.

На следующий день мальчик сел верхом на коня, купленного для него у Жана Коллена, и покинул деревню в свите сира де Реца. Несчастливая мать, вся в слезах, подбежала к маршалу и умоляла его быть добрее с ребенком. С тех пор она не имела никаких сведений о сыне. Она неоднократно видела барона де Реца, когда тот проезжал через Ларош-Бернар, но сына среди пажей ни разу не заметила. Она несколько раз расспрашивала слуг маршала, но те только посмеивались над ней и отвечали:

— Не беспокойся. Он либо в Машкуле, либо в Тиффоже, либо в Порни, либо где-нибудь еще.

Рассказ Перрин подтвердили Жан Коллен, его жена и теща.

Жан Лемегрен, его жена, Ален Дулис, Перро Дюпоне, Гийом Гийон, Гийом Портайе, Этьен де Монклад, Жан Лефобюр и все остальные жители прихода Сент-Этьен-де-Монлю показали, что мальчик по имени Жаме, сын прихожанина Гийома Бриса, девяти лет остался сиротой, нищенствовал и бродил по округе, выпрашивая милостыню.

Однажды летом ребенок бесследно исчез, и что с ним стало, никому не известно. Сильное подозрение падало на старую каргу, которая незадолго перед тем появилась в окрестностях и исчезла одновременно с мальчиком.

27 сентября Жан де Тушерон с помощью протоколиста Николя Шато взял показания у нескольких жителей Пон-де-Лоне, близ Буврона, каковые показания дали: Гийом Фураж с женой; Жанна, жена Жана Лефлу; и Ришарда, жена Жана Гандо.

Эти показания, хотя и очень расплывчатые, навлекали достаточно сильное подозрение на маршала. За два года до того двенадцатилетний мальчик, сын Жана Бернара, и его сверстник, сын Менеге, отправились в Машкуль. Вечером сын Менеге вернулся один и сообщил, что его приятель попросил подождать его на дороге, пока он получит подавание у ворот замка сира де Реца. Сын Менеге сказал, что он прождал три часа, но приятель так и не появился. Жена Гийома Фуража показала, что примерно в это время она видела мальчика с какой-то старухой, которая за руку вела его по дороге в Машкуль. В тот же вечер эта старуха проходила по мосту через Лоне, и жена Фуража спросила ее, что случилось с маленьким Бернаром. Старуха, не останавливаясь, коротко ответила, что ребенок удачно пристроен. С тех пор мальчика никто не видел.

28 сентября герцог Бретонский назначил еще одного следователя, Жана Купегоржа, и дополнительного писаря, Мишеля Эталлюра, в помощь Тушерону и Шато.

Обитатели Машкуля, небольшого городка, владельцем которого был сир де Рец, начали давать показания против своего господина. Андре Барбье, сапожник, заявил, что на прошлую Пасху исчез ребенок, сын его соседа Жоржа Лебарбье. В последний раз его видели, когда он собирал сливы на задворках гостиницы «Рондо». Исчезновение мальчика никого в Машкуле не удивило, и никто не осмелился и слова сказать. Андре с женой жили в постоянном страхе, боясь потерять собственного ребенка. Они ходили на поклонение в монастырь Сен-Жан д'Анжели, и там их спрашивали, не едят ли в Машкуле детей. По возвращении они узнали, что еще двое детей пропали: сыновья Жана Жандрона и Александра Шатейе. Андре Барбье принялся было расспрашивать об обстоятельствах исчезновения детей, но ему посоветовали придержать язык, закрыть глаза и заткнуть уши, если только он не жаждет попасть в подземную тюрьму владельца Машкуля.

— Но, Боже всемогущий, — воскликнул он, — не могу же я поверить в то, что детей крадут и пожирают бесы?

— Можешь верить во все, что угодно, — было сказано ему, — но не задавай вопросов.

Во время этой беседы мимо проходил один из солдат маршала, и все собеседники бросились прочь. Андре убежал со всеми вместе, не зная толком, почему бежит, и у церкви Святой Троицы наткнулся на человека, который горько плакал и повторял:

— Господи, Ты ведь вернешь мне моего сына?

И у этого тоже украли ребенка.

У Лисетты, жены Гийома Сержана, проживающего в деревне Ла-Бонардьер, приход Сен-Круа в Машкуле, два года назад пропал сын, и с тех пор она его не видела. Со слезами на глазах она умоляла следователей вернуть его.

— Я оставила его дома, — рассказала она, — когда отправилась вместе с мужем на поле, чтобы посеять лен. Ребенок был очень красивым и очень добрым. Я поручила ему приглядывать за полуторагодовой сестренкой. Когда я вернулась, малышка была дома одна и не могла рассказать, что произошло с братом. Потом на болоте мы наткнулись на красную вязаную шапочку моего бедного малыша, но понапрасну шарили в трясине — мы не нашли там ничего, кроме уверенности, что он не утонул. Тогда же через Машкуль проходил бродячий торговец и рассказал мне, что старуха в сером платье и черном капоре

купила у него несколько игрушек, а некоторое время спустя прошла мимо него, ведя за руку маленького мальчика.

Жорж Лебарбье, проживающий неподалеку от ворот замка Машкуль, рассказал о том, как исчез его сын. Мальчик был учеником портного Жана Пеллетье, который шил для мадам де Рец и других обитателей замка. Мальчик прилежно осваивал мастерство портного, пока в прошлом году (кажется, в День святого Варнавы^{119}) не отправился поиграть в мяч на лужайке возле замка. После этого его никто не видел.

Раньше вместе со своим хозяином Жаном Пеллетье мальчик обычно обедал в замке и смеялся над всякими зловещими историями.

Гийом Илэр и его жена подтвердили заявление Лебарбье. Они также показали, что знали об исчезновении сыновей Жана Жандрона, Жанны Руан и Александра Шатейе. Сын Жана Жандрона, двенадцати лет, жил у вышеназванного Илэра и обучался у него мастерству скорняка. Он работал в лавке уже семь-восемь лет и был спокойным, трудолюбивым мальчиком. Однажды господа Жиль де Силле и Роже де Бриквиль зашли в лавку купить пару охотничьих перчаток. Они спросили, нельзя ли отправить юного Жандрона в замок с запиской. Илэр дал согласие, и мальчику заплатили заранее — один золотой. Он отправился в замок, обещая вскоре вернуться. Но так и не вернулся. Тем же вечером Илэр с женой заметили Жиль де Силле и Роже де Бриквиля, подбежали к ним и спросили, что случилось с сыном Жандрона. Те ответили, что понятия не имеют, где он, поскольку весь день пропадали на охоте, и предположили, что его могли отправить с поручением в Тиффож, еще одно владение де Реца.

Самые жуткие показания дал Гийом Илэр. Он однозначно утверждал, что Жан Дюжарден, слуга Роже де Бриквиля, рассказывал, что ему достоверно известно о большой бочке в подвале замка, полной детских трупов. Илэру нередко доводилось слышать разговоры о том, что детей заманивают в замок и там убивают, но он относился к таким рассказам как к досужей болтовне. Более того, он доказывал, что никто не обвинял маршала в таких убийствах, обвинения выдвигались только против его людей.

Жан Жандрон дал показания в связи с пропажей сына и добавил, что это не единственный ребенок, загадочно исчезнувший в Машкуле: речь шла по крайней мере о тридцати детях.

Оба Жана Шифолона, старший и младший, Жан Обэн и Клеман Доре, обитатели прихода Томаж, свидетельствовали, что знают несчастного жителя того же прихода, Матлена Тома, который тоже потерял двенадцатилетнего сына и умер с горя.

Жанна Руан из Машкуля, которая вот уже девять лет не ведала, умер ее сын или жив, рассказала, что ребенка похитили, когда он пас овец. Сначала она подумала, что его растерзали волки, но две женщины из Машкуля, ныне покойные, видели, как к мальчику подошел Жиль де Силле и заговорил с ним, указывая на замок. Вскоре после этого мальчик ушел в этом направлении. Муж Жанны Руан отправился в замок разузнать про сына, но ничего не добился. Когда Жиль де Силле появился в деревне, безутешная мать заклинала его вернуть мальчика. Жиль ответил, что знать ничего не знает о нем, поскольку в это время ездил с поручением к королю в Амбуаз.

Жанна, вдова Эмери Эделена, проживающая в Машкуле, восемь лет назад потеряла малыша, когда он гонялся в лесу за бабочками. Примерно тогда же пропали еще четверо детей у Жандрона, Руана и Маса Сорена. Она рассказала, что в округе ходили слухи, будто Жиль де Силле похищает детей, чтобы переправить их в Англию ради выкупа своего пленного брата. При этом она добавила, что слухи эти исходили от слуг самого Силле и ими распространялись.

Одним из последних похищенных стал ребенок Ноэля Эса, жителя прихода Сен-Круа.

Житель Тиффожа уверял ее (Жанну Эделен), что на каждого ребенка, похищенного в Машкуле, приходится семеро детей, похищенных в Тиффоже.

Масе Сорен подтвердил показания вдовы Эделен и вновь рассказал об обстоятельствах исчезновения детей из семей Шатейе, Руан, Жандрон и Лебарбье.

Перрин Рондо проникла в замок вместе с отрядом Жана Лаббе. Она побывала на конюшне и обнаружила там кучу золы и пепла, от которой исходило тошнотворное зловоние. А в лохани она нашла детскую рубашку, запачканную кровью.

Перро, Паркетто, Жан Соро, Катрин Дегрепи, Жиль Гарнье, Перрин Вьелар, Маргерит Редьер, Мари Карфен, Жанна Лоде — все из деревни Фресне — утверждали, что на прошлую Пасху Гийом Амлен говорил им об исчезновении двух своих детей.

Изабо, жена Гийома Амлена, подтвердила эти показания, хотя сказала, что дети пропали еще семь лет назад. Тогда у нее было четверо детей. Двое из них, старший, пятнадцати лет, и младший, семи лет, вместе отправились в Машкуль за хлебом и не вернулись. Она всю ночь не спала и напрасно ждала их до самого утра. Ей известно, что пропал еще один ребенок, сын Мишо Боннеля из прихода Сен-Сире-де-Рец.

Гийеметта, жена Мишо Боннеля, подтвердила, что ее сын не вернулся с пастбища, где пас коров.

Гийом Родиге и его жена, проживающие в Бурнеф-ан-Рец, свидетельствовали, что в прошлом году, накануне Дня святого Варфоломея¹²⁰³, сир де Рец останавливался в их деревне у Гийома Плюме.

Пуату, сопровождавший маршала, заметил работника Родиге, мальчика лет пятнадцати по имени Бернар Леканино, стоявшего в дверях дома. Мальчик едва говорил по-французски и изъяснялся на простонародном бретонском диалекте. Пуату подозвал его к себе и что-то тихо сказал ему. Тем же вечером, в десять часов, когда Родиге с женой отсутствовали, Бернар ушел из дома хозяина. Служанка, увидев, что он уходит, крикнула ему, что стол после ужина еще не прибран, но он не стал ее слушать. Родиге, расстроенный потерей работника, спросил у слуг маршала, не знают ли они, что с ним случилось. Те глумливо отвечали, что о юном бретонце ничего не известно, но, возможно, его отправили в Тиффож, дабы определить в пажи к барону.

Маргерит Сорэн, вышеупомянутая служанка, подтвердила заявление Родиге и добавила, что Пуату заходил в дом и разговаривал с Бернаром. Гийом Плюме и его жена подтвердили все сказанное Родиге и Сорэн.

Тома Эзе и его жена дали показания об исчезновении десятилетнего сына, который ходил просить милостыню у ворот замка: какая-то девочка видела, как его пригласили на кухню в замок, обещая покормить мясом.

Жаметта, жена Юсташа Друз из Сен-Леже, рассказала, что оба ее сына, один десяти, другой семи лет, пошли к замку за подаванием и не вернулись.

2 октября дознаватели возобновили работу и отметили значительные противоречия в показаниях слуг маршала, что отягощало обвинения.

Исчезновение тринадцати детей произошло при обстоятельствах, навлекающих серьезное подозрение на обитателей замка. Я не стану вдаваться в подробности, ибо они во многом схожи с тем, что говорилось в предыдущих показаниях. Скажу лишь, что по окончании

опроса свидетелей герольд герцога Бретонского, облаченный в камзол, трижды протрубил в трубу с парাপета башни крепости Шато-дю-Буффе, призывая всех, у кого есть какие-либо сведения, изобличающие сира де Реца, безотлагательно явиться к следователям. Поскольку никто больше не явился, следствие сочли завершённым, и уполномоченные отправились к герцогу, имея на руках собранные показания.

Герцог долго не мог решить, что делать. Неужели ему придется судить родича, самого могущественного из всех его вассалов, храбрейшего из полководцев, советника короля, маршала Франции, и вынести ему приговор?!

Он все еще колебался, когда получил письмо от Жилия де Реца, которое возымело последствия, совершенно отличные от того, на что рассчитывал автор.

«Монсеньор мой кузен, ваша светлость, поистине я едва ли не самый мерзкий из грешников, согрешивший паки и паки, однако никогда не пренебрегал я священным долгом. Я присутствовал на мессах, вечерах и других службах, постился в Великий пост и накануне праздников, исповедался в грехах, искренне сокрушаясь, и причащался Крови Господней по меньшей мере раз в году.

Томясь в темнице в ожидании вашего справедливого суда, я исполнился безграничного раскаяния в своих злодеяниях, которые я готов признать и по мере возможности искупить.

Посему я умоляю вас, монсеньор мой кузен, предоставить мне возможность уйти в монастырь, где я смогу вести достойную и праведную жизнь. Мне безразлично, в какой монастырь меня направят, но прошу все мое достояние раздать нуждающимся братьям во Христе... Уповаю на ваше бесконечное милосердие и молю Господа нашего хранить вас и ваши владения.

Полностью покорный вашей воле,
брат Жиль, кармелит по духу».

Герцог прочитал письмо Пьеру де Лопиталю, президенту Парламента Бретани, и епископу Нантскому, которые более всех настаивали на проведении суда. Те ужаснулись дерзкому посланию и заверили герцога, что дело настолько очевидное, а меры предприняты столь решительные, что теперь уже невозможно позволить де Рецу избежать суда таким бесчестным способом, который он предлагает. Одновременно с этим епископ и великий сенешал произвели свое следствие в замке Машкуль с Целью обнаружить там человеческие останки. Однако полное обследование было невозможно, поскольку герцог, всячески стремясь оградить родича, не разрешал проводить обыск.

Тогда герцог призвал своих высших сановников на заседание совета. Те дружно встали на сторону епископа и де Лопиталья. Жан V все еще колебался, и тут епископ Нантский поднялся и сказал:

— Монсеньор, это дело подлежит церковному суду не менее, чем вашему. Следовательно, если президент Парламента Бретани не передаст дело светскому суду, я клянусь Господом, что предам сего богомерзкого преступника духовному трибуналу!

Такая решимость епископа вынудила герцога покориться, и было решено не мешкая передать дело в суд.

Между тем горемычная жена Жилия де Реца, пребывавшая в разлуке с ним и испытывавшая отвращение к его ужасным преступлениям, все же, переживая за своего мужа, поспешила вместе с дочерью к герцогу с просьбой пощадить несчастного. Герцог отказался выслушать ее. Тогда она отправилась в Амбуаз искать защиту у короля, чьим близким другом и советником был некогда ее муж.

Глава двенадцатая

МАРШАЛ ДЕ РЕЦ

II. Суд

Внешний вид маршала. — Пьер де Лопиталь. — Обвинительный акт. — Суд откладывается. — Встреча маршала со слугами. — Показания Анрие. — Пуату уговаривают признаться во всем. — Затяжной процесс. — Колебания герцога Бретонского

10 октября Николя Шато, секретарь герцога, отправился в крепость Шато-дю-Буффе, где сообщил узнику, что на следующее утро тот должен лично предстать перед мессиром де Лопиталем, президентом Парламента Бретани, сенешалом Ренна и верховным судьей герцогства Бретонского.

Сир де Рец, который числил себя уже членом кармелитского братства^{121}, встретил его в белых одеждах, распевая литании. Когда повестка о вызове в суд была оглашена, он приказал пажу угостить секретаря вином и лепешкой, а сам с благочестивым и покаянным видом возобновил молитвы.

Утром Жан Лаббе с четырьмя солдатами доставил де Реца в помещение суда. Маршал просил, чтобы его сопровождали Анрие и Пуату, но ему было в этом отказано.

Жиль де Рец надел все боевые знаки отличия, словно желал произвести впечатление на судей: на шее у него висели массивные золотые цепи нескольких рыцарских орденов. Вся одежда, за исключением камзола, была белой в знак покаяния. Камзол из жемчужно-серого шелка украшали золотые звезды и алый кушак, с которого свешивался кинжал в алых бархатных ножнах. Ворот, обшлага и полы камзола были отделаны мехом белого горностая, на что имели право только самые родовитые вельможи Бретани. Длинные остроносые туфли также были белого цвета.

Никто, глядя на сира де Реца, не подумал бы, что он был настолько жесток и порочен, как все считали. Напротив, лицо его, несколько бледное и печальное, отличалось спокойствием и задумчивостью. У него были светло-каштановые волосы и усы. Борода же, подстриженная клинышком, отличалась от всего остального черным цветом, который при определенном освещении отливал синевой. За эту особенность сира де Реца прозвали Синей Бородой, и под этим именем он фигурировал в фольклоре, где события его жизни излагались несколько иначе.

Но более пристальный взгляд отмечал во внешности Жили де Реца нечто напряженное: нервное дрожание губ, судорожное подергивание бровей и главное — затаенную злобу в глазах. Все вместе это оставляло странное и зловещее впечатление от этого человека. Порой он скрежетал зубами, подобно дикому зверю, готовому напасть на свою жертву, и тогда его губы плотно сжимались, словно исчезали вовсе.

Временами его взгляд становился настолько пристальным, а зрачки, в которых сверкало потаенное пламя, так расширялись, что радужные оболочки, казалось, заполняли круглые и глубоко запавшие глазницы. В эти мгновения лицо его покрывалось мертвенной бледностью, лоб, особенно на переносице, бороздился глубокими морщинами, а борода топорщилась и принимала явственно синий оттенок. Но проходил миг, и его черты снова разглаживались, на губах появлялась любезная улыбка, и лицо приобретало безмятежное выражение с налетом легкой печали.

— Господа, — заговорил он, приветствуя судей, — прошу вас поторопиться с рассмотрением моего злосчастного дела и по возможности скорее принять решение, ибо я преисполнен рвения посвятить себя Господу, отпустившему мне мои тяжкие грехи. Заверяю вас, я

безотлагательно внесу пожертвования в храмы Нанта, а также раздам *большую* часть состояния бедным во спасение своей души.

— Монсеньор, — торжественно ответил Пьер де Лопиталь, — забота о спасении души — дело важное, но нас, с вашего позволения, ныне более беспокоит забота о спасении вашего тела.

— Я исповедался у настоятеля кармелитов, — безмятежно поведал маршал, — получил от него отпущение грехов и причастился, следовательно, я очистился от всякой вины.

— Человеческий суд отличен от Божьего суда, монсеньор, и я не могу сказать вам, каким будет приговор. Приготовьтесь к защите и выслушайте выдвинутые против вас обвинения, которые огласит господин помощник прокурора Нанта.

Чиновник поднялся и зачитал следующий обвинительный акт, который я привожу здесь в сокращении:

«Выслушав горькие жалобы от нижеперечисленных жителей Нантского диоцеза (далее следуют имена людей, у которых пропали дети), мы, Филипп де Ливрон, помощник мессира прокурора Нанта, уполномочили благородного и ученого мессира Пьера де Лопиталя, президента Парламента Бретани и пр., привлечь к суду высокородного и могущественного аристократа Жиля де Лаваля, сира де Реца, владельца Машкуля, Энгранда и других поместий, маршала Франции и советника его величества короля, на основании того, что:

— упомянутый сир де Рец похитил или распорядился похитить многих детей, не десять или двадцать, а тридцать, сорок, пятьдесят, шестьдесят, сто, двести и более, бесчеловечно убил и умертвил их, а затем сжег их тела, обратив в пепел;

— погрязши в пороке, упомянутый сир де Рец, невзирая на установленный велением Господа закон, по которому каждый должен повиноваться своему господину... напал на Жана Леферона, подданного герцога Бретонского, когда упомянутый Жан Леферон был попечителем поместья Мальмор от имени брата своего, Жоффре Леферона, которому упомянутый господин передал во владение упомянутое поместье;

— упомянутый сир принудил Жана Леферона отдать ему упомянутое поместье, более того, присвоил это владение вопреки приказу герцога и законному праву;

— упомянутый сир арестовал сержанта герцога, господина Жана Руссо, посланного от герцога с приказом, и избил его солдат их же собственными дубинками, хотя эти люди находились под защитой его светлости.

Мы пришли к выводу, что упомянутого сира де Реца, во-первых, убийцу в действительности и в помышлениях, во-вторых, мятежника и преступника, надлежит приговорить к телесному наказанию и к реквизиции земель и имущества, которые принадлежат упомянутому аристократу, каковые земли и имущество должны быть конфискованы и переданы в распоряжение герцога Бретонского».

Требование конфискации было явно задумано с целью спасти сир де Рецу жизнь. Обвинение в убийстве прозвучало без упоминанияотягчающих обстоятельств и так, словно оно могло быть опровергнуто, в то время как обвинения в мятеже и преступлении против государя Бретани выступили на первый план.

Жиль де Рец был, вне всякого сомнения, предупрежден о том, как надлежит вести дело, и приготовился отвергать все обвинения по первому пункту.

— Монсеньор, — обратился к нему Пьер де Лопиталь, будучи явно озадачен формулировкой обвинения, — что вы можете сказать в свое оправдание? Поклянитесь на Евангелии говорить правду.

— Нет, мессир! — заявил маршал. — Клятву должны приносить свидетели, обвиняемый не приводится к клятве.

— Верно, — ответил судья. — Но обвиняемого можно вздернуть на дыбу и заставить говорить правду, если вам это больше по вкусу.

Жиль де Рец побледнел, стиснул губы и бросил на Пьера де Лопиталья взгляд, исполненный ненависти, но затем, взяв себя в руки, заговорил с самым невозмутимым видом:

— Ваша милость, не стану отрицать, я был не прав в случае с Жаном Руссо. В свое оправдание могу отметить, что упомянутый Руссо был безнадежно пьян и вел себя по отношению ко мне настолько развязно, что в присутствии слуг я не мог этого допустить. Не могу отрицать и того, что действительно отомстил братьям Леферон. Жан Леферон заявил, что упомянутый государь Бретонский реквизирует мою крепость Мальмор, которую я ему продал, но за которую до сих пор не получил платы. А Жоффре Леферон повсюду распространял слухи, будто меня ожидает изгнание из Бретани как бунтовщика и предателя. Чтобы наказать их, я вернул себе принадлежавшую мне крепость Мальмор. Что до остальных обвинений, то я ничего не скажу о них, кроме того, что все это вымысел и клевета.

— Вот уж поистине! — воскликнул Пьер де Лопиталь, вскипев от негодования при виде злодея, который вел себя с неслыханной наглостью. — Выходит, все свидетели, которые сообщили о том, что у них похитили детей, солгали под клятвой!

— Вне всякого сомнения, если они обвиняют в этих похищениях меня. Почему я обязан что-то знать о них? Разве я сторож этим детям?

— Вот ответ Каина! — воскликнул Пьер де Лопиталь, в волнении поднимаясь с кресла. — Как бы то ни было, поскольку вы твердо отвергаете эти обвинения, мы должны допросить Анрие и Пуату.

— Анрие, Пуату! — затрепетав, вскричал маршал. — Уж они-то меня ни в чем не обвиняют!

— Пока нет, их еще не допрашивали, но вскоре доставят в суд, и, я уверен, они не станут лгать перед лицом правосудия.

— Я протестую против того, чтобы моих слуг привлекали как свидетелей обвинения, — заявил маршал, и зрачки его расширились, а борода приняла явственно синий оттенок. — Господин не должен зависеть от сплетен и наветов своих слуг.

— Значит, вы допускаете, мессир, что ваши слуги будут свидетельствовать против вас?

— Я требую, чтобы меня, маршала Франции и барона герцогства Бретонского, оградили от измышлений черни, и я отрекись от своих слуг, если они возведут напраслину на своего господина.

— Мессир, сдается мне, что вас следует отправить на дыбу, иначе мы ничего от вас не добьемся.

— Вот как! Я обращаюсь к его светлости герцогу Бретонскому и прошу отложить рассмотрение дела, дабы я мог посоветоваться по поводу выдвинутых против меня обвинений, которые я отрицал и продолжаю отрицать.

— Хорошо, я откладываю слушания до двадцать пятого числа сего месяца, чтобы вы могли подготовиться и ответить на обвинения.

На обратном пути в тюрьму маршал встретил Анрие и Пуату, когда тех вели в зал суда. Анрие сделал вид, что не заметил маршала, а Пуату разрыдался. Маршал протянул ему руку, и Пуату преданно припал к ней.

— Помните, что я сделал для вас, и служите мне, как подобает верным слугам, — сказал де Рец.

Анрие с содроганием отшатнулся от него, и маршал прошел мимо.

— Я все скажу, — прошептал Анрие, — ибо у нас есть иной господин, кроме жалкого сира де Реца, к тому же скоро мы все предстанем перед Всевышним.

Президент приказал писарю вновь зачитать обвинительный акт, чтобы оба предполагаемых сообщников Жиля де Реца услышали, в каких преступлениях обвиняется их господин. Анрие зарыдал, затрясся и завопил, что расскажет обо всем. Встревоженный Пуату попытался помешать своему товарищу, заявив, что Анрие повредился в уме и все, что бы он ни сказал, окажется бредом сумасшедшего.

Ему велели замолчать.

— Я все скажу, — продолжал Анрие, — хотя страшусь поведать перед ликом Божиим обо всех ужасах, о которых мне известно. — И он указал дрожащей рукой на большое распятие над креслом судьи.

— Анрие, — простонал Пуату, хватая его за руку, — ты повредишь себе не меньше, чем господину.

Пьер де Лопиталь поднялся и торжественно окутал покрывалом образ Спасителя.

Анрие, с трудом поборов волнение, приступил к разоблачениям.

Вот их суть вкратце.

Окончив университет в Анжере, он получил должность чтеца в доме Жиля де Реца. Маршал проникся к нему симпатией и сделал его своим наперником.

Когда сир де Ла Суз, брат сира де Реца, вступал во владение крепостью Шантосе, Шарль де Соен, побывавший в Шантосе, поведал Анрие, что обнаружил в потайном подземелье одной из башен трупы детей, обезглавленные или страшно изуродованные. Тогда Анрие подумал, что все это клеветнические домыслы сира де Ла Суза.

Некоторое время спустя сир де Рец вернул себе крепость Шантосе и уступил ее герцогу Бретонскому. Однажды вечером он вызвал Анрие и Пуату, а также некоего Робэна Малыша к себе в комнату; двое последних к тому времени давно уже были посвящены во многие тайны господина. Прежде чем довериться Анрие, де Рец взял с него торжественную клятву никогда не разглашать то, о чем он узнает. По принятии клятвы сир де Рец, обращаясь ко всем троим, сказал, что на рассвете представитель герцога вступит во владение крепостью от имени своего господина, но перед его появлением необходимо очистить некий колодец от детских трупов, а сами трупы надлежит сложить в ящики и переправить в Машкуль.

Анрие, Пуату и Робэн Малыш, прихватив с собой крюки и веревки, отправились втроем в башню, где находились трупы. Там они трудились всю ночь, вытаскивая полуразложившиеся

трупы и укладывая их в три больших ящика, которые затем поместили на судно и отправили по Луаре в Машкуль, где впоследствии сожгли.

Анриэ насчитал тридцать три детские головки, но тел было больше, чем голов. Эта ночь, сказал Анриэ, произвела на него неизгладимое впечатление, и с тех пор его постоянно преследовало видение детских головок, которые катятся, словно кегли, и, сталкиваясь, издают скорбный вопль. Вскоре Анриэ начал поставлять детей для хозяина и присутствовал при их умерщвлении. Всех детей неизменно убивали в одном и том же помещении в Машкуле. Иногда маршал принимал ванну из детской крови. Он также охотно поручал Жилу де Силле, Пуату или Анриэ мучить детей, испытывая невыразимое наслаждение при виде страданий несчастных. Но самой большой его страстью было купаться в детской крови. Слуги перерезали ребенку яремную вену и направляли струю крови на барона. Иной раз кровью оказывалась залита вся комната. Когда совершалось ужасное деяние и несчастное дитя умирало, маршал исполнялся скорби при виде того, что совершил, и либо в слезах бросался на постель, либо падал на колени и принимался лихорадочно произносить молитвы и литании, пока слуги мыли пол и сжигали в огромном очаге останки убитых детей. Вся одежда и вещи, принадлежавшие маленьким жертвам, также сжигались.

Нестерпимое зловоние распространялось по комнате, но маршал де Рец вдыхал его с упоением.

Анриэ признался, что лично присутствовал при умерщвлении таким образом сорока детей и может описать часть из них, если нужно опознать тех, которые считаются похищенными.

— Невозможно... — заявил помощник прокурора, старавшийся сделать все, чтобы спасти маршала, — невозможно сжечь тело в домашнем очаге.

— Но так оно и происходило на самом деле, мессир, — ответил Анриэ. — Очаг просто громадный, что в «Отеле де Ла-Суз», что в Машкуле. Мы помещали туда тело и обкладывали его большими охапками хвороста и поленьев. За несколько часов труп сгорал без остатка, и мы выбрасывали пепел через окно прямо в ров.

Анриэ припомнил случай с двумя сыновьями Амлена и рассказал, что, пока одного ребенка мучили, другой стоял на коленях, плакал и молился, пока не пришел его черед.

— Ты рассказываешь о сире де Реце такое, — воскликнул помощник прокурора, — что больше похоже на вымысел и лишено всякого правдоподобия. Величайшие изверги не совершали таких преступлений, разве что какие-нибудь цезари в Древнем Риме.

— Ваша милость, именно деяниям этих самых цезарей и стремился подражать господин де Рец. Я читал ему хроники Светония и Тацита, где описаны жестокие поступки цезарей. Он с наслаждением это слушал и говорил, что отрезать ребенку голову — удовольствие гораздо более сильное, чем участие в торжественном обеде. Иногда он садился на ребенка и отсекал ему голову одним ударом ножа, а иногда только надрезал горло, чтобы ребенок подольше мучился, и обмазывал свои руки и бороду его кровью. Иногда он сразу отрубал детям руки и ноги, порой приказывал нам подвесить ребенка, а когда тот уже задыхался, — снять и перерезать горло. Помню, я как-то привел к нему трех малышей, просивших подаяния у ворот замка. Он велел перерезать им горло, а сам смотрел, как они умирали. Андре Брике наткнулся на девочку, потерявшую мать и плакавшую на ступеньках дома в Ванне. Он принес малышку на руках — это был грудной младенец — к моему господину, и тот приказал убить ее. Нам с Пуату было велено избавиться от трупа, и мы сбросили его в отводное отверстие одной из башен, но тело зацепилось за гвоздь и повисло на наружной стене, так что его было видно прохожим. Пришлось Пуату спускаться по веревке, и он с большим трудом отцепил тело.

— Как ты считаешь, сколько всего детей убил сир де Рец со своими слугами?

— Сложно подсчитать. Лично я сознаюсь в убийстве двенадцати детей собственноручно по приказу моего господина, а всего я привел к нему около шестидесяти детей. Мне известно, что подобные убийства происходили и до того, как я был посвящен в эти тайные действия. Какое-то время замок Машкуль занимал сир де Ла Саж. Мой господин поспешил вернуть себе замок, так как знал, что там на сеновале спрятано много детских трупов. Там оказалось сорок тел, сухих и обугленных, как головешки. Одна из камеристок мадам де Рец случайно зашла на сеновал и увидела трупы. Роже де Бриквиль хотел ее убить, но маршал не позволил.

— Ты хочешь еще что-нибудь заявить?

— Ничего. Я только прошу моего товарища Пуату подтвердить мои показания.

Это свидетельство, обстоятельное и подробное, привело судей в состояние шока. В те времена человеческое воображение не могло постичь столь изощренной жестокости. По мере того как Анрие давал показания, изумленный и негодующий президент несколько раз осенял себя крестом. Порой он краснел и опускал глаза, трепеща от ужаса и потирая лоб, словно пытался удостовериться, не снится ли ему кошмарный сон.

Пуату до сих пор не принимал участия в откровениях Анрие, но после прямого обращения к нему последнего поднял голову, печально оглядел судей и вздохнул.

— Этьен Корнийан, прозываемый Пуату, во имя Господа и правосудия, я требую, чтобы ты рассказал обо всем, что тебе известно.

Однако Пуату не подчинился приказу Пьера де Лопиталья и выглядел преисполненным решимости не свидетельствовать против своего господина.

Анрие обнял своего сообщника, заклиная его ради спасения души не упорствовать против воли Божьей и пролить свет на преступления, совершенные ими вместе с сиром де Рецем.

Помощник прокурора, который из всех сил старался опровергнуть или смягчить обвинения, выдвинутые против Жилия де Реца, предпринял последнюю попытку противостоять убийственным показаниям Анрие, удерживая Пуату от дачи показаний.

— Монсеньор, — обратился он к президенту, — вы выслушали показания обо всех зверствах, в которых сознался Анрие, и, конечно же, вы, как и я, считаете их злейшим наветом со стороны вышеупомянутого, порожденным ненавистью и завистью, с целью очернения своего господина. А посему я требую, чтобы Анрие был подвергнут пытке и на дыбе уличил самого себя во лжи.

— Вы забываете, — ответил де Лопиталь, — что пытка назначается для тех, кто не сознается, а не для тех, кто охотно кается в своих преступлениях. А потому я требую, чтобы пытке подвергли другого обвиняемого, Этьена Корнийана, прозываемого Пуату, если он и дальше намерен молчать. Пуату, будешь ты говорить или нет?

— Монсеньор, он будет говорить! — воскликнул Анрие. — Пуату, друг мой, не противься воле Божьей!

— Ну что же, ваша милость, — с чувством произнес Пуату, — я подчинюсь вам. Я не могу защитить моего господина от обвинений Анрие, который сознаётся во всем, убоявшись осуждения на вечные муки.

И он полностью подтвердил сказанное Анрие, добавив несколько подробностей, известных только ему.

Данные под клятвой показания Пуату и Анрие не ускорили отложенного суда. Поймать других сообщников злодея было бы нетрудно, но герцог, осведомленный о ходе расследования, не хотел раздувать скандал и увеличивать число обвиняемых. Он запретил производить обыски в замках и особняках сира де Реца, опасаясь, что на свет могут всплыть доказательства иных, еще более ужасных и необъяснимых злодеяний, чем те, о которых стало известно.

Все пришли в смятение, порожденное ужасными разоблачениями, и требовали, чтобы столь возмутительно погранные религиозные и нравственные ценности были безотлагательно отомщены. Народ удивлялся проволочкам в вынесении приговора, и наконец в Нанте начали во всеуслышание говорить, что сир де Рец богат настолько, что может откупиться. Действительно, мадам де Рец взывала к королю и герцогу с просьбой помиловать ее мужа, но герцог по совету епископа отказался влиять своим авторитетом на ход правосудия. Король прислал в Нант одного из своих советников для ознакомления с обстоятельствами дела и, получив его отчет, решил ни во что не вмешиваться.

Глава тринадцатая МАРШАЛ ДЕ РЕЦ

III. Приговор и казнь

Суд отложен. — Маршал признает вину. — Дело передается в церковный суд. — Епископ принимает меры. — Приговор. — Светский суд утверждает приговор. — Казнь

24 октября возобновился судебный процесс по делу маршала де Реца. Перед началом допроса узник явился в одежде ордена кармелитов, преклонил колени и молча помолился. Затем он обвел взглядом помещение суда и при виде дыбы, ворота и веревок слегка вздрогнул.

— Мессир Жиль де Лаваль, — приступил к делу президент, — вы предстаете перед нами во второй раз, чтобы ответить на некоторые обвинения, оглашенные господином помощником прокурора Нанта.

— Я готов отвечать со всей искренностью, монсеньор, — спокойно ответил упомянутый узник. — Однако я оставляю за собой право обратиться к всемилостивейшему вмешательству его величества короля Франции, у которого я нес и несу службу маршала и советника, что явствует из патента, выданного на мое имя и засвидетельствованного Парламентом Парижа...

— Король Франции не имеет отношения к настоящему делу, — прервал его Пьер де Лопиталь. — Хотя вы являетесь маршалом и советником его величества, вы также являетесь вассалом его светлости герцога Бретонского.

— Этого я не отрицаю. Более того, я обращаюсь к его светлости герцогу с просьбой разрешить мне удалиться в кармелитский монастырь, чтобы замолить там свои грехи.

— Это уж как получится. Так сознаётесь ли вы — или мне придется применить к вам пытки?

— Не надо пыток! — воскликнул Жиль де Рец. — Я во всем признаюсь. Но вначале скажите мне, что показали на допросе Анрие и Пуату?

— Они во всем сознались. Господин помощник прокурора зачитает вам их свидетельские показания.

— Не бывать тому. — Помощник прокурора все еще продолжал благоволить к обвиняемому. — Я считаю их клеветой до тех пор, пока мессир де Рец не подтвердит их под присягой, что запрещено в светском суде!

Пьер де Лопиталь гневным жестом отмахнулся от этого неслыханного выступления в защиту подсудимого и кивком велел секретарю зачитать показания.

Слушая недвусмысленные показания своих слуг о преступных деяниях, сир де Рец стоял будто громом пораженный. Он понял, что увиливать от ответа бесполезно и надо сознаваться во всем.

— Что вы на это скажете? — спросил президент, когда показания Анрие и Пуату были оглашены.

— Скажите, монсеньор, — вмешался помощник прокурора, словно подсказывая обвиняемому направление, в котором тот должен действовать, — разве вся эта богомерзкая ложь и клевета не вымышлена с целью уничтожить вас?

— Увы, нет! — отвечал сир де Рец, смертельно побледнев. — Все, что рассказали Анрие и Пуату, — истинная правда. Сам Господь отворил им уста.

— Монсеньор, снимите грех с души, немедленно покайтесь в преступлениях, — проникновенно сказал господин де Лопиталь.

— Господа! — после непродолжительного молчания сказал узник. — Истинная правда, что я похищал деток у их матерей, что я убивал этих малюток или приказывал их убивать, либо перерезая им горло ножом или кинжалом, либо отсекая им головы топором. Иногда по моему приказу им разбивали головы молотком или палкой, а иногда отрубали конечности, одну за другой. Бывало и так, что я вспарывал им животы, чтобы рассмотреть сердца и другие внутренности. Изредка их вешали или постепенно удушали, и они умирали медленной и мучительной смертью. Потом я приказывал сжигать трупы и развеивать пепел.

— И как давно вы начали заниматься этими богомерзкими делами? — спросил Пьер де Лопиталь, потрясенный откровенностью, с какой были сделаны эти ужасные признания. — Должно быть, вами овладел нечистый.

— Это зародилось во мне самом, хотя, несомненно, по наущению дьявола. Как бы то ни было, эти жестокие истязания доставляли мне неизъяснимое наслаждение. Тяга к ним началась восемь лет назад. Я покинул службу при дворе и перебрался в Шантосе, чтобы вступить во владение наследством от покойного деда. В библиотеке замка я обнаружил некую книгу на латинском языке, по-моему сочинение Светония, где описывались всевозможные зверства римских императоров. Я читал увлекательные рассказы о жизни Тиберия, Каракаллы и других цезарей, в том числе описание удовольствия, которое они испытывали, наблюдая за мучениями истязаемых детей. Мне захотелось превзойти этих самых цезарей, и в ту же ночь я осуществил свое желание. Вначале я держал все в глубокой тайне, но потом доверился кузену Жилю де Силле, потом господину Роже де Бриквиллю, а дальше пошли Анрие, Пуату, Россиньоль и Робэн.

После этого барон подтвердил показания, данные двумя его слугами, и сознался, что убивал около ста двадцати детей в год.

— Примерно восемьсот детей за семь лет! — ахнул Пьер де Лопиталь. — Поистине, мессир, вы были одержимы дьяволом!

Показания барона оказались такими откровенными и подробными, что помощник прокурора не смог и слова сказать в его защиту. Однако он попросил, чтобы дело было направлено в

церковный суд, ибо вперемешку с признаниями в убийствах в показаниях содержались данные о чернокнижии и колдовстве. Пьер де Лопиталь понял, что цель помощника прокурора состояла в том, чтобы дать мадам де Рец возможность снова обратиться с просьбой о помиловании, но не стал сопротивляться и дал согласие на передачу дела в епископальный суд.

Епископ отнюдь не намеревался затягивать дело и безотлагательно через сержанта приказал Жилю де Лавалю, сиру де Рецу, явиться на заседание духовного трибунала. Маршала потряс такой скоропалительный вызов в суд, но он не стал жаловаться президенту и просто выразил полную готовность повиноваться. И вот он предстал перед духовным трибуналом, спешно созванным по такому случаю.

Новый суд продолжался всего несколько часов.

Теперь маршал, окончательно уstraшенный, не сделал ни малейшей попытки защищаться, но попробовал купить снисходительность епископа взяткой, пообещав передать все свои земли и имущество Церкви и умоляя разрешить ему удалиться в монастырь кармелитов в Нанте.

Просьбу безоговорочно отвергли, и барон был приговорен к смертной казни.

25 октября церковный суд огласил приговор, и решение было направлено в светский суд, у которого теперь не было повода затягивать ратификацию.

Однако по вопросу о способе казни мнения разошлись. Члены светского суда придерживались на этот счет разных точек зрения. Президент поставил вопрос на голосование и сам подсчитал голоса, после чего снова занял председательское кресло, покрыл голову и торжественно провозгласил:

— Невзирая на родство, чины и знатность обвиняемого, суд приговаривает его к смертной казни через повешение с последующим сожжением. В связи с этим я увещаю приговоренного просить у Господа прощения и милости, чтобы умереть достойно в знак покаяния за совершение вышеупомянутых злодеяний. Названный приговор должен быть приведен в исполнение завтра утром, между одиннадцатью и двенадцатью часами.

Такой же приговор был вынесен Анрие и Пуату.

На следующий день, 26 октября, в девять часов утра, при большом стечении народа духовенство и епископ со Святыми Дарами вышли из собора и в сопровождении огромной процессии, включавшей едва ли не половину жителей Нанта, обошли все городские церкви до единой и везде отслужили мессы за отпущение грехов троим осужденным.

В одиннадцать часов узников доставили на место казни, которая должна была состояться на противоположном берегу Луары.

Там уже стояли три виселицы, средняя выше остальных, и под каждой из них громоздились связки прутьев, смола и хворост.

Денек выдался славный: дул легкий ветерок и в синем небе не было ни единого облачка. Полноводная Луара молча катила к морю свои мутные волны, отражавшие блеск солнца и небесную синеву. Белоствольные тополя трепетали и шелестели листвою на ветру, а над рекой покачивались и колыхались ивы.

Виселицы окружила такая громадная толпа, что еле удалось проложить дорогу осужденным, которые двигались к помосту, повторяя покаянный псалом *De profundis*^{122}. Зрители всех возрастов подхватили псалом и запели вместе с ними, так что могучая волна древнего

григорианского хора на верняка достигла ушей герцога и епископа, которые укрылись в замке на время казни.

После псалма вместо «Славы в вышних» был исполнен реквием, и сир де Рец поблагодарил конвойных, обнял Пуату и Анрие и обратился к ним с последним словом, точнее, проповедью:

— Мои самые верные друзья и слуги, будьте стойкими и мужественными, чтобы противостоять проискам дьявола, от всего сердца покаяйтесь, осудите собственные злодеяния и положитесь на милосердие Божье. Поверьте мне, нет на свете такого греха, сколь бы велик он ни был, которого Господь, по великой милости своей и человеколюбию, не отпустил бы молящему о прощении с покаянной душой. Помните, что Господь более расположен прощать грешника, нежели грешник — просить у Него прощения. Более того, возблагодарим же Господа за то, что Он позволил нам умереть, раскаявшись в содеянном, а не покарал внезапно погрязших в злодействе. Обратим же к Господу нашу любовь и покаяние и не станем страшиться смерти, которая есть всего лишь боль во спасение, ведь без нее нам не дано узреть Господа во славе Его. К тому же нам не следует скорбеть, освобождаясь от уз мира сего, который есть страдание, ибо теперь мы устремляемся к вечному блаженству. Возрадуемся же, ибо, будучи мерзкими грешниками здесь, на земле, мы воссоединимся в раю, когда наши души покинут эти тела, и на веки вечные пребудем вместе, если только до последнего вздоха проникнемся чувством благочестивого и искреннего раскаяния^[50].

Затем маршал, кому предстояло первым принять казнь, покинул своих товарищей и вверил себя в руки палачей. Он снял шапку, преклонил колени, поцеловал распятие и обратился к толпе с благочестивой речью, подобной тому, что он сказал Пуату и Анрие.

Потом он начал читать отходную молитву, а палач надел веревку ему на шею и закрепил узел. Маршал поднялся на высокий табурет, установленный у подножия виселицы в знак уважения к знатности преступника. Костер зажгли, когда палачи еще не сделали свое дело.

Пуату и Анрие, все еще стоявшие на коленях, устремили взгляд на своего господина и обратились к нему, протягивая руки:

— В свой последний час, монсеньор, оставайтесь верным и отважным воином Господа и вспомните о страданиях Христа, искупившего наши грехи. Прощайте, и да встретимся мы в раю!

Табурет выбили из-под ног барона, и де Рец повис, раскачиваясь над помостом. Огонь взревел, и вокруг тела взвились и заплясали языки пламени.

Внезапно, в такт ударам кафедрального колокола, зазвучал непередаваемо скорбный гимн *Dies irae*^[123].

Толпа замерла, и в тишине гудело пламя и звучал торжественный распев гимна:

Сбудутся слова пророка:
Суд грядет по воле рока —
Скоро исполнение срока.
Судия тогда восстанет,
Тайное все явным станет,
Каждый пред судом предстанет.
Кто мне, жалкому, поможет,
За меня вступиться сможет,
Когда ужас душу гложет?
Царь, чье имя — Откровенье,

Путь в обитель воскресенья,
В милости Твоей — спасенье!
Я колени преклоняю
О прощенье умоляю!
И в раскаянье рыдаю —
В день отчаянья и страха
Из глубин земного праха
Мы к Спасителю взываем!
На Него лишь уповаем!
Ты, что был распят за нас,
Помоги нам в судный час!
Аминь.

Шесть женщин в белых одеждах, окутанные вуалью, и шестеро монахов-кармелитов прошли вперед, неся гроб.

В толпе шептались, что одна из женщин — мадам де Рец, а остальные принадлежат к самым знатым домам Бретани.

Веревка была обрезана, и тело маршала обрушилось в железный желоб, подготовленный заранее. Тело вынули, прежде чем огонь успел нанести серьезный урон, уложили в гроб, и монахи в сопровождении женщин отвезли его в Нантский кармелитский монастырь согласно воле покойного.

Тем временем совершилась казнь Пуату и Анрие: они были повешены и затем сожжены, а пепел развеян по ветру.

В кармелитском храме Пресвятой Девы Марии с большой пышностью были погребены останки высокородного, могущественного и прославленного Жиля де Лаваля, сира де Реца, бывшего советника Карла VII, маршала Франции!

Глава четырнадцатая ГАЛИЦИЙСКИЙ ОБОРОТЕНЬ

Жители австрийской Галиции. — Деревушка Поломия. — Летним вечером в лесу. — Бродяга Святек. — Теряется девочка. — Пропадает школьник. — Исчезает служанка. — Еще одного ребенка похищают. — Трактирщик из Поломии делает открытие. — Арест Святека. — Перевод в Дабков. — Самоубийство

В массе своей жители австрийской Галиции — люди тихие, незлобивые. Евреи, составляющие примерно одну двенадцатую часть населения, выделяются среди них умом, энергичностью и, конечно же, способностью делать деньги, хотя и поляки, то есть мазуры, в этом от них тоже не отстают.

Самой достопримечательной особенностью королевства Валдимир можно считать значительное преобладание числа титулованных особ над нетитулованными. В 1837 году там наблюдалось следующее соотношение: на 32 190 дворян приходилось всего 2076 лавочников.

Число казненных преступников в среднем за год составляло девять человек на четыре с половиной миллиона населения — цифра небольшая по всем меркам, учитывая крайнюю суровость правосудия в этой провинции. Однако именно в среде таких тихих и добродушных людей время от времени случаются самые зверские преступления, к тому же совершают их те, на кого не падает и тени подозрения.

Всего лишь шестнадцать лет назад в Тарновском округе, в Западной Галиции (эта провинция поделена на девять округов), произошло такое, о чем впоследствии светские дамы судачили у каминов долгие галицийские зимы напролет в течение многих лет.

Итак, в графстве Паркост есть деревушка под названием Поломия, в которой только и всего что восемь лачуг да еврейский трактир. Живут там в основном дровосеки, вырубающие в тамошнем лесу ели и доставляющие бревна к ближайшей речке, по которой древесина сплавляется дальше в Вислу. За аренду домов и земельных наделов денег они не платят, но обязаны отработать на землевладельца несколько дней в неделю — широко распространенный в Галиции обычай, чреватый всяческими обидами и притеснениями, если землевладелец требует от арендатора отработки именно в те дни, когда погода благоприятствует пахоте весной или сбору урожая осенью. Конечно, арендатор предпочел бы работать на своем клочке земли в такое время. Провинция небогата деньгами, и землевладельцы таким путем обеспечивают себе арендную плату.

Большинство селян в Поломии прозябают в крайней нищете: иное хозяйство держится на кукурузе, десятке кур да свинуске, разве что не давая умереть с голоду. Летом жители деревни собирают сосновую смолу, для чего с каждого дерева раз в двенадцать лет сдирается кусок коры, чтобы смола по капле стекала в глиняную посудину, установленную между корней. Зимой, как уже говорилось, они валят лес и скатывают бревна к реке.

Поломия не поражает красотой: она затерялась среди густого соснового бора, отчего деревушка выглядит мрачновато. Однако в погожий денек старушки любят посидеть на солнышке перед домом, вдыхая ни с чем не сравнимый запах сосен, чей аромат нежнее прославленных специй с Молуккских островов, ибо этот тонкий запах не угнетает и не подавляет человека, а, напротив, бодрит и радует. Внимая напеву ветра в верхушках сосен, похожему на звуки арфы, бабушки вяжут бесконечные чулки, пока внуки резвятся среди кустов вереска и папоротника.

Ближе к вечеру свою прелесть являет ельник. Лучи солнца скользят меж стволов, окрашивая кору в золотистые тона, или падают на просеку, зажигая ее веселым, оранжевым цветом, который смотрится особенно нарядно на фоне дремучего леса, напоминающего по цвету спелую, сизую сливу. Птицы спешат вернуться в свои гнезда, высоко в небе кречет ловит последний солнечный свет, а веселая белка резвится и скачет среди ветвей, прежде чем устроиться на ночлег.

Солнце клонится к закату, но все еще светло. Из леса доносятся пронзительные крики и шипение дикого кота; шлепает по болоту цапля; аист на трубе шинка пристраивается спать на одной ноге. У-ху — просыпается сова. Прислушаемся — из леса с песней возвращаются дровосеки.

Такова Поломия в летнюю пору, и подобных ей деревушек много раскидано по лесу, на расстоянии нескольких миль друг от друга. В каждой имеется своя пивная, обычно самое вместительное и прочное здание в деревне, а в некоторых есть и свои церквушки, заметные лишь благодаря колокольне.

Трудно поверить, чтобы от этой нищеты мог ожидать щедрот какой-нибудь нищий, и все же несколько лет назад именно в этих местах по воскресным дням у входа в церковь пристраивался один и тот же седобородый попрошайка и собирал подаяние.

Как известно, бедняки жалостливы и великодушны, а потому старый нищий обычно получал несколько медяков, да кто-нибудь из женщин снабжал его нехитрой снедью.

Изредка Святек — так звали нищего — носил по деревням на продажу дешевые самодельные побрякушки и бусы, однако чаще всего выпрашивал милостыню.

Как-то раз после воскресной службы одна из деревенских семей пригласила Святека к себе в хижину, где его угостили пирогом и мясом. В доме было полно детей, и девочка лет десяти привлекла внимание нищего наивным кокетством.

Святек достал из кармана колечко с цветным стеклом и подарил ребенку. Та на радостях побежала хвастаться подарком перед другими детьми.

— Это ваша дочурка? — спросил он.

— Нет, — ответила хозяйка, — это сиротка. Жила здесь одна вдова, потом умерла и оставила девочку одну-одинешеньку, вот я и взяла ее к себе. Господи благослови, одним ртом больше, одним меньше.

— Да, да! Конечно же, Господь благословит вас за доброе дело, ведь Он особенно призывает сироток.

— Девочка премиленькая, и никаких с ней хлопот, — отвечала женщина. — Вы ведь сегодня вечером возвращаетесь в Поломию?

— Да. А! — воскликнул Святек, так как в этот миг девочка подбежала к нему. — Понравилось тебе колечко, красавица? Я подобрал его под большой елью, что растет в лесу слева от церковного двора, там их, может, найдется еще несколько дюжин. Надо три раза обежать вокруг дерева, поклониться луне и сказать «Забой!». После этого обязательно найдешь что-нибудь возле корней.

— Пошли туда! — закричала девочка, обращаясь к остальным детям. — Пойдем искать кольца.

— Искать должен каждый отдельно, — сказал Святек.

Дети в восторге побежали в лес.

— Я по крайней мере одно доброе дело сделал для вас, — засмеялся нищий, — избавил вас на время от ребячьего гама.

— Иногда приятно побыть в тишине, — сказала женщина, — дети так шумят, что не дают уснуть малышу. Вы уходите?

— Да, хочу добраться до Поломии засветло. Стар я, немощен и беден, очень беден, — привычно заныл он жалостным голосом, — но я еще могу молиться Господу за вас.

И Святек ушел.

Сиротку больше никто не видел.

Австрийское правительство в последнее время усиленно насаждает просвещение среди бедных слоев населения, организуя школы по всей провинции.

Как-то раз, возвращаясь из школы, дети разбрелись среди деревьев: кто гонялся за полевой мышью, кто собирал ягоды можжевельника, а кто просто шел, сунув руки в карманы и беззаботно насвистывая.

— А где Петер? — спросил один из них своего спутника. — Нам троим идти в одну сторону, давайте держаться вместе.

— Петер! — громко позвал мальчик.

— Я здесь! — отозвался голос из-за деревьев. — Сейчас приду.

— Да вон он, я его вижу! — сказал мальчик постарше. — Там с ним кто-то разговаривает.

— Где?

— Вон там, под соснами. Ну вот! Теперь они отошли в тень, и их больше не видно. Кто бы это с ним мог быть? Вроде бы какой-то мужчина.

Мальчики подождали с час, но потом им надоело, и они отправились домой, намереваясь отлупить Петера за то, что тот заставил их столько времени ждать. Но Петера они больше так никогда и не увидели.

Спустя немного времени после этого исчезновения пропала юная служанка, работавшая в лавчонке у русского хозяина в пяти милях от Поломии. Ее послали отнести пакет с продуктами в дом, располагавшийся неподалеку, но все же в стороне от основной деревни и к тому же окруженный соснами.

День клонился к вечеру, и хозяин встревожился, но еще подождал ее возвращения. Так что прошло несколько часов, пока он, так и не дождавшись девочки, позвал соседей на поиски.

Землю слегка прикрыла снежная пороша, и шаги девочки отчетливо выделялись там, где она оступалась с утоптанной тропинки. Там, где деревья особенно тесно обступили дорогу, следы двух пар ног сворачивали в сторону от тропинки, но деревья там росли слишком густо, и кроны их не пропускали снег, так что следы в этом месте обрывались. На следующее утро случился обильный снегопад и уничтожил все следы, какие еще можно было надеяться отыскать при дневном свете.

Служанку больше никто не видел.

Зимой 1849 года в этой местности особенно свирепствовали волки, так что народ связал таинственные исчезновения детей именно с ними.

Другого ребенка послали к источнику за водой: потом возле колодца обнаружили ведро, но мальчик исчез. Народу на поиски собралась целая толпа, и волков спугнули, если они вообще там водились.

Читатель наверняка уже представил себе Поломию, хотя все вышеописанные случаи происходили не в ней, а в окрестных деревнях. Ниже станет ясно, почему мы так подробно описали именно эту деревушку, состоявшую из восьми неказистых лачуг.

В мае 1840 года хозяин трактира в Поломии недосчитался двух уток. Подозрения пали на деревенского нищего, которого он презирал от всей души, ибо сам был человеком трудолюбивым и работающим, тогда как Святек кормил себя, жену и двоих детей попрошайничеством, хотя у него был вполне приличный надел пахотной земли, способной обеспечить прекрасные урожаи кукурузы и овощей, если, конечно, потрудиться как подобает.

Приближаясь к хижине Святека, трактирщик уловил запах жареного мяса.

— Заловлю-ка я этого нищегорода с поличным, — решил трактирщик и со всеми предосторожностями подкрался к двери.

Резко распахнув дверь, он заметил, как Святек поспешно придвинул что-то ногой к себе и прикрыл длинной полой одежды. Трактирщик накинулся на него, схватил за горло и, обвиняя в воровстве, поднял со стула. Представьте себе, что за ужас и отвращение охватили его, когда из-под одежды нищего выкатилась голова девушки лет четырнадцати, аккуратно отрезанная от туловища.

Вскоре сбежались соседи. Достопочтенный Святек был посажен под замок вместе с женой, шестнадцатилетней дочерью и пятилетним сыном.

Хижину тщательно обыскали и обнаружили там расчлененные останки несчастной девушки. В большом чане были найдены голени и бедра, как сырые, так и тушеные или жареные. В ларе лежали внутренности, сердце и печень, выпотрошенные и очищенные весьма умело, в пору хорошему мяснику. Под плитой стояла лохань со свежей кровью.

По дороге к мировому судье злодей то и дело валился на землю, вырывался из рук стражи и пытался покончить с собой, глотая комья земли с камнями, но сопровождающие держали его крепко.

На предварительном допросе в Дабкове он признался, что убил и — при участии своего семейства — съел шестерых. Дети, однако, определенно утверждали, что убитых было гораздо больше, чем он говорит, и их слова подтвердились тем, что при обыске в доме были обнаружены четырнадцать разных шапочек, наборы одежды девочек и мальчиков.

Вот показания самого Святека о том, как проявилось в нем это чудовищное извращение.

За три года до того, в 1846 году, по соседству сгорела принадлежавшая еврею таверна, и сам хозяин погиб при пожаре. Обшаривая пожарище, под обуглившимися балками Святек наткнулся на обгоревший труп владельца таверны. В ту пору старый нищий никак не мог раздобыть пищу и страдал от голода. Вид и запах жареного мяса вызвали в нем неудержимое желание попробовать его. Он оторвал от трупа кусок мяса и насытился им — и с тех пор желание снова и снова ощущать этот вкус полностью поработило его. Сиротка, о которой мы уже рассказывали, была его второй жертвой. С тех самых пор, то есть целых три года, он частенько лакомился таким чудовищным образом и, благодаря этой пище, заметно поправился.

Раскрытие этих зверских преступлений вызвало настоящий шок. Несчастные матери, уже оплакавшие утрату своих малюток, мучительно переживали вновь открывшиеся обстоятельства. Всеобщее негодование достигло крайней степени: возникли опасения, что разъяренный народ способен разорвать преступника на части по дороге в суд. Однако меры предосторожности не понадобились, ибо преступник сам позаботился о собственной безопасности: в первую же ночь в тюремной камере он повесился на оконной решетке.

Глава пятнадцатая **АНОМАЛИЯ. ГИЕНА В ОБРАЗЕ ЧЕЛОВЕКА**

Вурдалаки. — Рассказ из Форнари. — Цитаты из Апулея. — Случай, упомянутый Маркассю. — Осквернение могил в Париже. — Осквернитель обнаружен. — Показания Бертрона

На Востоке широко распространены истории об осквернителях могил. Суеверия приписывают отдельным людям страсть к выкапыванию и уродованию трупов. Лунной ночью к могилам крадутся странные фигуры, роются в них длинными острыми ногтями в надежде докопаться до трупа, прежде чем первый луч зари заставит их убраться прочь. Эти вурдалаки, как их называют, по поверьям, добывают мертвую плоть для колдовских и чародейских надобностей, но иногда занимаются этим исключительно ради того, чтобы нарушить сон мертвых, потревожить их вечный покой. По всей вероятности, вурдалаки — это не только плод воображения, но и вполне реальные похитители трупов. Человеческий жир и волосы трупа, которые продолжают расти в могиле, входят в состав многих снадобий некромантов, и ведьмы, готовящие такие бесовские смеси, выкапывают трупы, чтобы добыть необходимые составные части. То же самое творилось и во времена Средневековья. Страх перед вурдалаками достигал таких пределов, что в Бретани полагалось освещать кладбища

фонарями все ночи напролет, чтобы отпугнуть ведьм, которые под покровом тьмы оскверняют могилы.

Форнари в своей «Занимательной и познавательной истории колдовства»^{124} приводит такой рассказ о вурдалаке.

В начале XV века в Багдаде у богатого пожилого купца был единственный сын, которого он очень любил. Купец решил женить сына на дочери другого купца, девушке малопривлекательной, но с богатым приданым. Абу-ль-Хасан, купеческий сын, увидев изображение девушки на портрете, затосковал и попросил отца отложить свадьбу, чтобы привыкнуть к мысли о такой жене. Однако, вместо того чтобы привыкать к этой мысли, юноша влюбился в другую девушку, дочку ученого, и упрасивал отца дать согласие на брак с ней, пока тот не согласился. Старик сопротивлялся до последнего, но, обнаружив, что сын твердо намерен просить руки прекрасной Надиллы и не менее твердо сопротивляется браку с богатой, но уродливой девицей, поступил, как поступают в таких случаях все отцы: смирился.

Свадьбу отпраздновали с подобающей пышностью и торжественностью, и пришел черед медового месяца, который сулил бы молодым одно блаженство, не случись маленького происшествия, чреватого самыми серьезными последствиями.

Абу-ль-Хасан заметил, что его молодая жена покидает брачное ложе, удостоверившись, что он заснул, и возвращается только перед самой зарей.

Исполненный любопытства, Абу-ль-Хасан как-то ночью притворился спящим и увидел, что его жена, как обычно, встала и вышла из комнаты. Он осторожно пошел за ней, и она привела его на кладбище. В неверном лунном свете он рассмотрел, как она вошла в одну из гробниц. Он последовал за ней.

Внутри его взору предстало отвратительное зрелище. Там собралась компания вурдалаков и устроила пир, угощаясь разложившимися трупами. Его собственная жена, к слову сказать дома никогда не ужинавшая, принимала в этом пиршестве самое активное участие.

Воспользовавшись возможностью незаметно скрыться, Абу-ль-Хасан вернулся домой и лег в постель.

На следующее день он ничего не сказал жене до самого ужина, от которого она снова отказалась. Он стал настойчиво угощать ее, но она сказала, что не хочет есть. Тогда он в гнев воскликнул:

— Готовишься пировать вместе с вурдалаками!

Надилла молча задрожала, побледнела и, не говоря ни слова, легла в постель. В полночь она проснулась, набросилась на мужа, вцепилась зубами и ногтями ему в горло и прокусила вену, пытаясь напиться крови. Но Абу-ль-Хасан вскочил на ноги, отшвырнул ее на пол и убил одним ударом. На следующий день ее похоронили.

Три дня спустя, в полночь, она снова появилась в доме и напала на мужа с намерением высосать из него кровь. Он убежал от нее, а утром открыл гробницу, сжег ее труп и развеял пепел над Тигром.

Этот рассказ объединяет вурдалаков и вампиров. В одной из предыдущих глав мы уже убедились, что и волки-оборотни тоже тесно связаны с вампирами.

Во времена античности уже существовало поверье, что ведьмы оскверняют могилы, что подтверждается следующим эпизодом из «Золотого осла» Апулея, в частности речью глашатая.

«— А в чем состоит, скажи на милость, обязанность этого могильного караульщика? — спрашиваю я.

— Прежде всего, — отвечает глашатай, — всю ночь напролет нужно бодрствовать и открытыми, не знающими сна глазами смотреть на труп, не отвращая взора и даже на единый миг не отворачиваясь; ведь негоднейшие эти оборотни, приняв вид любого животного, тайком стараются проникнуть, так что очи самого Солнца, самой Справедливости могут легко обмануться. То они обращаются в птиц, то в собак, то в мышей, иногда даже в мух. Тут от зловещих чар на караульщиков нападает сон. Никто не может даже перечислить, к каким уловкам прибегают эти зловреднейшие женщины ради своей похоти. И за эту работу, такую опасную, обыкновенно полагается плата не больше чем в четыре, шесть золотых. Да, вот еще, чуть не забыл! В случае если наутро тело будет сдано не в целости, все, что пропадет, полностью или частью, караульщик обязан возместить, отрезав от собственного лица».

И здесь говорится об уродовании трупов, связанном с оборотничеством.

Маркассю отмечает, что после продолжительной войны в Сирии стаи ламий — злых духов в женском облике — повадились на поле битвы по ночам, вырывая кое-как закопанные трупы павших воинов и пожирая их плоть. Их прогоняли и преследовали, и многих даже удалось убить. Днем же эти оборотни имели облик волков или гиен. Эти жуткие истории вполне могут иметь под собой основу, и в том, что у людей может развиваться извращенная страсть к пожиранию трупов, нас заставляет убедиться исключительное дело, рассмотренное военным трибуналом в Париже не далее как 10 июля 1849 года.

Подробности этого дела освещаются в «Медико-психологическом ежегоднике» выпуска того же месяца и года. Они слишком омерзительны, чтобы приводить их здесь. И все же я опишу это дело в самых общих чертах.

Осенью 1848 года на нескольких кладбищах в окрестностях Парижа обнаружили вскрытые и оскверненные могилы. Студенты-медики явно не имели отношения к делу, потому что тела не были унесены, а валялись тут же, разорванные на части. Вначале сочли, что могилы разрыл какой-нибудь зверь, но найденные на сырой земле следы не оставили сомнений в том, что там действовал человек. После того как на кладбище Пер-Лашез было повреждено несколько трупов, там установили постоянное наблюдение, и поругание могил прекратилось.

Зимой осквернению подверглось еще одно кладбище, но только в марте 1849 года на кладбище Сен-Парнас сработала ловушка, и выстрел оповестил сторожей, что таинственный посетитель угодил в нее. Они ринулись к месту установленной ловушки, но увидели всего лишь, как темная фигура в военной шинели вспрыгнула на стену и скрылась во тьме. Пятна крови на месте свидетельствовали о том, что преступник был ранен этим выстрелом. Найденный там же синий лоскут ткани от шинели и стал той уликой, которая привела к опознанию осквернителя могил.

На следующий день наряд полиции обошел военные казармы, выясняя, не получал ли недавно пулевого ранения кто-нибудь из солдат или офицеров. Таким путем они обнаружили преступника. Им оказался младший офицер первого пехотного полка по имени Бертран.

Его поместили в госпиталь на излечение от раны, и по выздоровлении он предстал перед военным трибуналом.

История оказалась такова.

До того как в возрасте двадцати лет вступить в армию, Бертран обучался в духовной семинарии в Лангре. Он отличался скромностью, искренностью и честностью, товарищи любили его за приветливый нрав, хотя порой на него накатывали приступы хандры и уныния. В феврале 1847 года, гуляя с приятелем по сельской местности, он забрел на кладбище, где были открыты ворота. За день до того там была похоронена женщина, но церковный сторож не успел полностью засыпать могилу, потому что полил проливной дождь и вынудил его искать укрытие. Бертран заметил лопату, брошенную возле могилы, и, по его собственному признанию, «...à cette vue des idées noires me vinrent, j'eus comme un violent mal de tête, mon cœur battait avec force, je ne me possédais plus»^[51]. Под каким-то надуманным предлогом он отделался от своего спутника, вернулся на кладбище, схватил лопату и принялся раскапывать полужасыпанную могилу.

«Вскоре я уже вытащил из-под земли труп и начал рубить его лопатой, не вполне соображая, что делаю. Меня увидел проходивший мимо работник, и я кинулся на землю плашмя, прячась от него, а потом швырнул тело обратно в могилу. После этого я, обливаясь холодным потом, ушел в ближний лесок и, несмотря на проливной дождь, провел там несколько часов в полном изнеможении. Когда я пришел в себя, голова у меня кружилась, руки-ноги не слушались. Точно в таком же состоянии я находился после каждого приступа.

Два дня спустя я вернулся на кладбище, руками раскопал могилу, вытащил труп, разорвал его на части и бросил назад в яму. Руки мои кровоточили, но я не ощущал боли».

В течение четырех месяцев Бертран не испытывал подобных приступов, пока не вернулся с полком в Париж. Однажды он прогуливался по печальным тенистым аллеям Пер-Лашез, и внезапно на него нахлынуло то же самое чувство. Той же ночью он перелез через стену, раскопал могилу семилетней девочки и разорвал ее труп пополам. Через несколько дней он вскрыл могилу женщины, умершей при родах и похороненной две недели назад. 16 ноября он выкопал пожилую женщину лет пятидесяти, разрезал труп на части и разбросал их вокруг. Таким же образом он поступил с другим трупом 12 декабря. Мы привели лишь немногие из тех многочисленных случаев осквернения праха, в которых он признался. Ночью 15 марта он был ранен выстрелом из ружья-ловушки.

На суде Бертран заявил, что, находясь на излечении в госпитале, он не испытывал ни малейшего желания вернуться к выкапыванию трупов. Он полагал, что излечился от чудовищных наклонностей благодаря тому, что рядом с ним в палате умирали люди: «Je suis guéri, car aujourd'hui j'ai peur d'un mort».^[52]

Изнеможение, следовавшее за припадками, весьма характерно, поскольку оно, судя по описанию, точь-в-точь похоже на приступы боевой ярости норвежских берсерков, а также на состояние больных ликантропией.

Случай с Бертраном, бесспорно, уникальный. Трудно даже назвать это сумасшествием — это, скорее, по всем признакам бесовское наваждение. Вначале приступы возникали после выпивки, но впоследствии на него накатывало безумие без видимой причины. Способ уродования трупов он каждый раз использовал разный: одних рубил лопатой, других рвал на части зубами и ногтями. Иногда он раздирал рот и лицо до ушей, вспарывал желудки, отрывал конечности. Выкапывая мужские тела, он не испытывал стремления расчленять их, так как получал наслаждение только от раздиранья женских трупов. Его приговорили к годичному заключению.

Глава шестнадцатая ПРОПОВЕДЬ ОБ ОБОРОТНЯХ

Лекции доктора Иоганна Гейлера. — Проповедь

Привожу любопытный образец позднесредневековой проповеди, включенной в старинное немецкое издание речей доктора Иоганна Гейлера фон Кайзерсберга^[125], известного проповедника из Страсбурга. Сборник называется *«Die Emeis. Dis ist das Büch von der Omeissen, und durch Herr der Künig ich diene gem. Und sagt von Eigenschafft der Omeissen, und gibt underweisung von der Unholden oder Hexen, und von Gespenst, der Geist, und von dem Wütenden Heer Wunderbarlich»*. Эти необычные проповеди были произнесены в Страсбурге в 1508 году, собраны и записаны монахом-францисканцем, братом Иоганнесом Паули^[126], и им же опубликованы в 1517 году. Сам доктор умер в разгар Великого поста 1510 года, в воскресенье. Существует издание его проповедей на латинском языке, но я не могу сказать, те ли это проповеди или другие, поскольку не смог достать это издание. Издание на немецком языке снабжено потрясающе искусными гравюрами. Среди них есть изображения шабаша ведьм, Дикого охотника и вервольфа, напавшего на человека.

Проповедь была произнесена в третье воскресенье Великого поста. Текст не приводится, но имеется ссылка на соответствующее место в Евангелии. Вот это выступление^[53].

— Что можно сказать о вервольфах? Ибо вервольфы существуют и рыщут вокруг деревень, набрасываясь на детей и взрослых. Как утверждают очевидцы, они очень быстро бегают, нападая на людей, и их называют бер-вольфы или вер-вольфы. Спросите меня, что я о них знаю? Я отвечу: ничего. Несомненно одно, это волки, пожирающие детей и взрослых, и тому могут быть семь разных объяснений.

1. Esuriem — Голод.
2. Rabiem — Свирепость.
3. Senectutem — Старость.
4. Experientiam — Опыт.
5. Insaniam — Безумие.
6. Diabolum — Дьявол.
7. Deum — Бог.

Первое объяснение связано с голодом: когда волки не находят пищи в лесу, они вынуждены подбираться к человеку и, гонимые голодом, пожирают людей. Вы хорошо знаете, что в сильные холода олени выходят из леса и в поисках пищи приближаются к селениям, а птицы влетают прямо в дом, хватая корм со стола.

Второе объяснение заключается в том, что волки пожирают детей исключительно из врожденной свирепости, поскольку они свирепы от природы (*propter locum coitum ferum*). Прежде всего мера их свирепости зависит от условий жизни. Волки, живущие в холодных краях, обычно мельче, а потому свирепее остальных волков. Еще их свирепость зависит от времени года: они лютуют к концу зимы, к празднику Сретения Господня, и в это время их следует остерегаться более, нежели когда-либо. Как говорится, помоги Господь тому, кто встретит волка на Сретение, крестьянина — в последний день Масленицы, а священника — в Великий пост. Кроме того, их свирепость зависит от того, есть ли у них молодняк. Когда в волчьей стае имеется молодняк, они становятся более свирепыми. Это присуще всем животным. Посмотрите, какой шум поднимает дикая утка, когда она защищает птенцов. Кошка сражается за своих котят — и волки поступают таким же образом.

В-третьих, волки могут нападать на человека из-за того, что стареют. Когда волк стареет, он становится немощным и хилым, а потому уже не может угнаться за оленями и тогда нападает на человека — ведь его догнать легче, чем дикое животное. К тому же людей и детей легче растерзать, чем диких животных, когда у волка портятся и выпадают зубы. Посмотрите на старух: зубы у них шатаются и выпадают, пока не выпадут вообще, и тогда их приходится кормить размягченной и протертой пищей.

В-четвертых, нападения вервольфов связаны с опытом. Говорят, что мясо человека вкуснее всех других, так что, вкусив человеческой плоти, волк жаждет вкушать ее вновь и вновь. Он подобен старому пьянице, которого не проведешь подделкой, ибо он знает вкус настоящего вина.

В-пятых, нападения происходят по причине безумия. Бешеная собака ничего не соображает и может наброситься на любого человека, даже на собственного хозяина. А что такое волк, как не дикая собака, впавшая в бешенство и нападающая на всех без разбору.

В-шестых, нападения исходят от дьявола, который оборачивается волком. Так пишет Винцент^{127} в своей книге «*Speculum Historiale*». А он заимствовал это у Валерия Максима^{128}. Когда римляне воевали против народов Африки, к римскому военачальнику во сне пришел волк, вынул у него меч из ножен и утащил его. Это был сам дьявол в волчьей личине. Нечто подобное описывает Гийом Парижский: некий волк нападал на детей и пожирал их и творил много других зол. И был там один человек, которому казалось, что он и есть тот самый волк. Впоследствии его нашли в лесу, мертвого, умершего от полного истощения.

В-седьмых, нападения происходят по воле Божьей. Ибо Бог иногда карает страны или селения, насылая волков. Вот что мы читаем о пророке Елисее^{129}. Когда вознамерился он подняться на гору Иерихон, озорные мальчишки насмехались над ним и кричали: «Лысый идет! Плешивый идет!» И что же? Он их проклял. И вышли две медведицы из леса и растерзали из них сорок два ребенка. Такова была воля Божья. Нечто подобное читаем мы о пророке, который ни во что не ставил повеления, полученные им от Бога, ибо его уговорили вкусить пищи в доме другого. Возвращаясь, он ехал верхом на осле. И появился лев и убил его, а осла не тронул. Такова была воля Божья. А посему человек должен обращаться к Богу, когда Он насылает диких зверей, чтобы проучить нас. Да не нашлет Он на нас таких зверей ныне и присно и во веки веков. Аминь.

Как видно из этой необычной проповеди, доктор Иоганн Гейлер фон Кайзерсберг считал вервольфов не кем иным, как обычными волками, жадными до человеческой плоти. Он отвергает представление о том, что это люди в волчьем облике. Тем не менее он упоминает об этом суеверии в другой проповеди о диких людях из леса, но приписывает этих оборотней Испании.

КОНЕЦ

Комментарии

1

Вьенна — один из департаментов региона Пуату-Шарант (западная часть Франции).

2

Марцелл Сидийский (Марцелл из Сидии) (ок. 117–161) — древнеримский поэт, написавший большую гекзаметрическую поэму, которая состояла из 42 книг-глав и была посвящена медицинской тематике. Сохранилось два фрагмента этого произведения, один из них — «Ликантропия».

3

Вергилий (70–19 до н. э.) — древнеримский поэт, автор сборника пастушеских песен «Буколики», поэм «Георгики» и «Энеида». Отрывок из восьмой эклоги «Буколик» приводится в переводе С. Шервинского.

4

Геродот Галикарнасский (484? — 430–420 до н. э.) — древнегреческий историк, автор первого полномасштабного исторического трактата «История», описывающего греко-персидские войны и обычаи многих современных ему народов.

5

Помпоний Мела — самый ранний римский географ, творивший около 43 года, автор труда «Описание мира».

6

Овидий — Публий Овидий Назон (43 до н. э. — 17 н. э.), древнеримский поэт, работавший во многих жанрах, но более всего прославившийся любовными элегиями и двумя поэмами — «Метаморфозы» и «Искусство любви». Отрывок из «Метаморфоз» дается в переводе С. Шервинского.

7

Ликаон — в греческой мифологии аркадский царь. Будучи коварным и нечестивым, он угостил пришедшего к нему Зевса мясом собственного сына, желая проверить божественное происхождение гостя. Разгневанный Зевс обратил Ликаона в кровожадного волка. Культ волка-оборотня с древнейших времен существовал в районе горы Ликеона (Волчья гора).

8

Плиний Старший. — Под этим именем известен Гай Плиний Секунд (23–79) — древнеримский писатель-эрудит, автор «Естественной истории».

9

Агрипас (годы жизни неизвестны) — древнегреческий писатель, о котором упоминает Плиний Старший в «Естественной истории», автор произведения «Олимпионики».

10

Петроний — Гай Петроний Арбитр (?–66), автор древнеримского романа «Сатирикон», обычно отождествляемый с сенатором Петронием, о котором писал Тацит. Отрывок цитируется в переводе А. Гаврилова.

11

Блаженный Августин (Аврелий Августин; 354–430) — епископ Гиппонский, философ, влиятельнейший проповедник, христианский богослов и политик, святой Католической и Православной церквей.

12

Апулей Луций (ок. 124 — после 170?) — древнеримский писатель, философ-платоник, ритор, писал на греческом и латинском языках. Более всего известен как автор романа «Метаморфозы» («Золотой осел»).

13

Фрейя — богиня скандинавского пантеона, супруга Ода, который представляет собой, вероятно, ипостась Одина.

14

Локи — в скандинавской мифологии один из асов, насмешливый, проказливый и коварный бог, комически-демоническая фигура, плут, он же — отец хтонических чудовищ, культурный герой, покровитель рыбаков, изобретатель рыболовной сети. Появляется под множеством личин, обращиваясь то птицей, то зверем, то каким-нибудь предметом.

15

...Вёлунда шею рукой обвила. — Здесь и далее отрывки из «Песни о Вёлунде» приводятся в переводе А. Корсуна.

16

Сэмунд Мудрый (1056–1133) — исландский ученый, которому приписывается составление «Младшей Эдды», хотя научного подтверждения этому не найдено.

17

...и посылал к троллям волчьи те шкуры. — Здесь и далее отрывки из «Саги о Волсунгах» даются в переводе Б. Ярхо.

18

...Кажется, этого достаточно, — и рассмеялась. — Отрывок из «Саги о Хрольве Жердинке и его воинах» дан в переводе Т. Ермолаева.

19

Один (герм. Вотан) — в скандинавской мифологии верховный бог, предводитель асов, отец многих богов из клана асов, владелец восьминогого коня Слейпнира, повелитель (хозяин) воронов и волков. *Один* часто меняет обличья, покровительствует воинам, героям и поэтам. Он одноглаз, в некоторых мифах вообще слеп и может принимать птичий или звериный облик, в том числе обращаться волком.

20

...в далекие страны по своим делам или по делам других людей. — Отрывок из «Саги об Инглингах» приводится в переводе М. Стеблин-Каменского.

21

Катлу же забили камнями до смерти у подножия Скалы. — Здесь и далее фрагменты «Саги о людях с Песчаного Берега» даны в переводе А. Циммерлинга и С. Агишева.

22

Паччиукелли Анджело (XVII в.) — итальянский толкователь Библии, принадлежал к ордену доминиканцев.

23

Свейнбьёрн Эгильссон (1791–1852) — исландский филолог, автор прозаического перевода на исландский язык «Илиады» и «Одиссеи», составитель уникального древнеисландского поэтического словаря «Лексикон поэтикум», выпустил на латыни двенадцатитомную библиотеку норвежских и датских королевских саг.

24

Ётуны (йотуны) (с др.-исл. — «обжора») — в германо-скандинавской мифологии великаны семейства Гримтурсенов, дети Имира, жили в Ётунхейме, отличались силой и ростом, были противниками асов и людей.

25

...на кладбище Святого Медарда. — Это кладбище находится в одном из предместий Парижа и известно тем, что там был похоронен Франциск Парижский — янсенист, умерший в 1727 году в припадке экстаза. Возле его гробницы традиционно собирались члены фанатической секты конвульсионеров, возникшей в 1730 году во Франции вследствие преследований янсенистов.

26

...прозвали его Квельдильвом (Вечерним Волком). — Здесь и далее отрывки из «Саги об Эгиле» цитируются в переводе С. Масловой-Лашанской.

27

Готье де Куанси (ок. 1177–1236) — монах-бенедиктинец, трувер, приор монастыря Святого Медарда в Суассоне.

28

Плюке Фредерик (1781–1834) — французский собиратель древностей, писатель, химик.

29

Рипуарская правда — одна из так называемых варварских правд, памятник права рипуарских франков, создавалась с VI по VIII век, отражает древние судебные обычаи.

30

Кнут — Кнуд I Великий (ок. 995–1035), датский король, завладевший Англией и ставший ее королем (1016–1035), ввел на территории завоеванной страны собственное законодательство.

31

Салическая правда — правовой кодекс салических франков, записанный в VI веке.

32

Палгрейв Фрэнсис (1788–1861) — английский историк.

33

Снорри Стурлусон (1179–1241) — исландский скальд, прозаик, историограф и политик, больше всего известен как автор хроник «Круг земной» и поэмы о богах и героях «Младшая Эдда», хотя достоверность его авторства подвергается сомнению.

34

...и обернулся вепрем... — По мнению переводчиков А. Циммерлинга и С. Агишева, описание поведения Нагли соответствует исландским представлениям о безумии, в которое якобы впадают кельты на поле боя.

35

Олаус Магнус (1490–1557) — шведский церковный деятель, дипломат, писатель и картограф. Бэринг-Гулд цитирует его труд «История северных народов».

36

Епископ Майолус — Симон Майолус (1520 — ок. 1597), епископ Волтуары и Монтекорвино, автор ряда книг.

37

Пейцер Каспар (1525–1602) — немецкий историк, ученый.

38

Бурхард Вормский (ок. 965–1025) — епископ, церковный деятель, составитель канонических сборников.

39

...De Lykanthrōpīa Lipsiæ, 1673. В своей книге Бэринг-Гулд указывает 1736, как год издания диссертации Якоба Фридриха Мюллера «*Disputationem De lykanthrōpīa, seu, Transmutatione hominum in lupos*». Однако современные электронные ресурсы называют другую дату публикации — 1673. *Lipsiæ* — латинское название города Лейпцига.

40

Клувериус — Филипп Клувер (1580–1622), немецкий ученый, создатель исторической географии.

41

Даннхаверус — Иоганн Конрад Даннхауэр (1603–1666), немецкий теолог.

42

Мария Французская (2-я пол. XII в.) — французская (англо-нормандская) поэтесса.

43

...в «Лэ об оборотне» (*Lais du Bisclavret*)... — При написании этого лэ Мария Французская использовала два разных сюжета. Первый сюжет — история об оборотне, описанная Плинием в его «Естественной истории»; второй сюжет — измена жены, не имеющая особых связей с легендами об оборотнях.

44

...*E es boscages meisun tindrent*. — На сайте «Wikisource» и в других электронных ресурсах по французской литературе приводится несколько иная редакция текста:

Bisclavret ad nun en Bretan,
garwaf l'apelent li Norman.
Jadis le poeit hume oïr
E sovent suleit avenir,
Humes plusurs garual devindrent
E es boscages meisun tindrent.

45

Бисклавре — слово *bisclavret* происходит от *bleiz lavaret*, «говорящий волк».

46

Гарваф — слово *garwaf* (в другом варианте *garwalf*) родственно английскому *werewolf* (вервольф).

47

«*Breslauische Sammlungen*» — немецкое естественно-научное периодическое издание начала XVIII века.

48

Виериус — видимо, имеется в виду Иоганн Вир (Вирус, Вейер; 1515–1588), голландский врач, оккультист, демонолог.

49

Форестус Петрус (Питер ван Фореест) (1521–1597) — голландский врач и ученый.

50

Гийом Брабантский — есть предположения, что так называли Фому из Кантимпрэ (1201–1270 или 1272), монаха-доминиканца, проповедника, теолога.

51

Пейре Видаль (кон. XII — нач. XIII в.) — один из наиболее знаменитых провансальских трубадуров.

52

Финцелиус Иов (1526 (или 1530) — 1589) — немецкий врач, гуманист, автор трактата «*De miraculis sui temporise*».

53

Луцилий Гай (ок. 180–102 до н. э.) — древнеримский поэт.

54

Плавт (сер. III в. — ок. 184 до н. э.) — древнеримский комедиограф.

55

Помпонации Пьетро (1462–1525) — итальянский философ-схоласт.

56

Боден Жан (1530–1596) — французский политический мыслитель, правовед.

57

Донатус из Альтомаре (1508–1566) — неаполитанский врач.

58

В День святого Михаила... — У католиков отмечается 29 сентября.

59

Боге Анри (1550–1619) — верховный судья графства Бургундия, один из лучших законоведов своего времени.

60

...в эпоху англосаксонских королевств. — Англосаксонский период — эпоха в истории Великобритании, начавшаяся в V веке с высадки на Британских островах отрядов англов, саксов и ютов и образования англосаксонских государств и завершившаяся в XI веке нормандским завоеванием страны.

61

Кемпион Томас (1567–1620) — поэт, музыкант, юрист и медик, обосновавший необходимость ввести в английскую поэзию формы античного стихосложения, автор стихов (в том числе на латыни), песен, пьес для королевского двора, современник Шекспира.

62

Гервасий Тильберийский (сер. XII в. — 1220-е) — англо-латинский писатель, государственный деятель.

63

Бозций Гектор (ок. 1465 — ок. 1536) — гуманист, историк, написавший на латыни труд «История Шотландии» (*Scotorum Historiae*).

64

Роберт Линдсей из Питскотти (ок. 1532 — ок. 1580) — шотландский историк-хронист.

65

Ангус — историческая область на востоке Шотландии.

66

Эндрю из Винтауна (ок. 1350 — ок. 1423) — шотландский поэт, хронист.

67

Блаженный Иероним Стридонский (347–419/420) — один из крупнейших ученых и писателей раннего христианства. Указанная Бэринг-Гулдом дата неточна: согласно новейшей хронологии, по Галлии Иероним путешествовал в 367–370 годах.

68

Гиббон Эдуард (1737–1794) — английский историк.

69

Юм Дэвид (1711–1776) — шотландский философ, историк, экономист.

70

Ле-Бессен — полное название Ле-Брёй-ан-Бессен (*фр. Le Breuil-en-Bessin*), округ (коммуна) во Франции, находится в регионе Нижняя Нормандия.

71

Шлейхер Август (1821–1868) — немецкий языковед.

72

...крепче сна и силы богатырской. — Русский текст цит. по книге: Сахаров И. П. Сказания русского народа. СПб., 1841. Т. 1.

73

Вацерад — мнимый автор чешских глосс, относящихся к XII веку, в латинской рукописи «*Mater verborum*». Глоссы эти, изданные сперва В. Ганкой в «*Zbirka nejdvějšich slovníku*» (1833), а потом П. И. Шафариком и Ф. Палацким в «*Die ältesten Denkmäler d. böhmischen Sprache*» (1840), вызвали недоверие у многих филологов. Теперь окончательно доказано, что и имя Вацерада, и большинство глосс, а мифологические все без исключения — простая подделка.

74

Шафарик Павел Иосиф (1795–1861) — чешский ученый, переводчик, филолог.

75

Панчатантра (санскр., букв. «пять частей»). — Памятник санскритской повествовательной прозы, по разным данным, III–IV веков или более раннего периода, скорее всего, составлялся на протяжении длительного времени, потому что некоторые части датируются X–XI веками. Делится на пять тантр и представляет собой своего рода назидательное повествование, в фольклорной форме обучающее знатных молодых людей искусству правления, дипломатии и умению выражать свои мысли.

76

Викрамадитья, Викрама (*Vikramāditya*, *vikrama* — выступ, шаг, сила, мужество, от корня *kram* — шагать и *vi* и *āditya* — солнце) — одно из знаменитейших имен индийской истории, царь Уджайини, что в Западной Индии.

77

Индра — «Владыка», Господь, божество индуистского пантеона, бог-воитель, громовержец, царь богов, миродержец Востока, покровитель военной дружины.

78

Гарднер Уилкинсон Джон (1797–1875) — английский ученый, египтолог, путешественник.

79

Акоста Хосе де (1539–1600) — испанский историк, географ и натуралист, член ордена иезуитов, католический миссионер. Автор сочинений, посвященных природе и культуре Америки.

80

Хан Иоганн Георг фон (1811–1869) — австрийский дипломат, филолог, исследователь албанского языка и культуры. Помимо лингвистических работ и путевых заметок, опубликовал двухтомное собрание греческих и албанских сказок (Лейпциг, 1864).

81

...вдруг чувствует сильную усталость... — Эта усталость сходна с истощением, которое чувствовали берсерки после каждого припадка ярости, а также с тем изнеможением, которое испытывал после приступов месье Бертран (о нем см. гл. 15).

82

Дюмоиар Мартен (1810–1862) — серийный убийца. Нищий, неграмотный, безработный Дюмоиар заманивал молодых женщин и девушек из города в сельскую местность под предлогом устройства на работу, убивал их, грабил их скудные пожитки и снимал с них одежду, которую потом его жена отстирывала от крови и либо носила сама, либо продавала. Никаких особо жестоких или сексуальных нападений он не осуществлял и на суде сам

объяснял свои поступки крайней нищетой, в которой жила его семья. Суд приговорил его к гильотине, а жену — к двадцати годам каторги.

83

Галль Франц Иосиф (1758–1828) — немецкий врач и анатом, основатель френологии. Книга «Функции мозга», на которую ссылается Бэринг-Гулд, написана Галлем в соавторстве со своим учеником И. Г. Шпурцхаймом и представляет собой многотомный труд по исследованию мозга.

84

...графом де Шароле... — Речь идет о Шарле Бурбоне, графе де Шароле, из дома Бурбон-Конде (1700–1760). Виктор Гюго в очерке «Париж» приводит характерный анекдот о нравах XVIII века, где упоминается Шароле: «Герцог Орлеанский в тот день разговаривал с графом де Шароле. Господин де Шароле только что вернулся с охоты, где подстрелил нескольких фазанов в лесу и одного нотариуса в деревне. Регент сказал ему: „Ступайте прочь; вы знатный дворянин, и я не прикажу отрубить голову ни графу де Шароле, убившему прохожего, ни прохожему, который убьет графа де Шароле“».

85

...весьма влиятельная в стране семья. — Современные данные уточняют подробности описанного Вагенером случая: речь идет о венгерской графине Елизавете (Эржебет) Надашди, урожденной Баторий (1560–1614), представительнице двух знатнейших родов Европы — и одной из самых жестоких серийных убийц в истории.

86

Рец (Рэ) Жиль де (1404–1440) — барон из рода Монморанси-Лавалей, один из ближайших сподвижников Жанны д'Арк, следовательно, один из самых ненавистных Церкви людей. Известно, как жестоко расправилась Церковь с Жанной. Еще более жестоко был судим и казнен де Рец, ибо суд над ним имел целью не только уничтожить его как человека, но и обесславить его как личность. Судьям это удалось сверх всякой меры, так как на протяжении почти шести веков его имя в народе стало синонимом кровавого графа Синей Бороды, а подробности суда послужили неисчерпаемой темой для писателей, историков, психологов. Даже сама реабилитация де Реца в 1992 году до сих пор воспринимается скептически, хотя ни единого доказательства обвинения, кроме показаний, вырванных жесточайшими пытками, так и не было приведено, а сами документальные отчеты выглядят по меньшей мере предвзято. В частности, легенда о чтении Светония с его описаниями оргий Тиберия и Каракаллы, якобы давшими толчок преступным наклонностям барона, взята из «пыточных» показаний самого Жилия де Реца. Бэринг-Гулд, естественно, ссылается на официальную традицию.

87

Гай *Светоний* Транквилл (ок. 70 — ок. 140) — древнеримский историк, писатель, ученый. Наиболее известен сочинением «Жизнь двенадцати цезарей», которое упоминается в книге Бэринг-Гулда в связи с историей маршала де Реца.

88

Грюнер Кристиан Готфрид (1744–1815) — немецкий ученый, профессор медицины в Иенском университете.

89

Марк Шарль Кретьен Анри (1771–1841) — французский врач.

90

Бертон — возможно, имеется в виду Роберт Бертон (1577–1640), английский священнослужитель, ученый, писатель, автор произведения «Анатомия меланхолии» (1621), или Джон Бертон (XVIII в.), английский врач, известный описанием аномалий организма у детей.

91

...и вижу себя не птицей, а ослом. — Здесь и далее фрагменты романа Апулея «Золотой осел» даются в переводе М. Кузмина.

92

Пигот Хью (1769–1797) — офицер Королевского морского флота. Благодаря отцу-адмиралу и самым высоким связям получил ранг капитана, хотя мало подходил для этой должности. Будучи капитаном на фрегате «Гермиона», спровоцировал своей жестокостью один из самых кровавых бунтов на корабле, сопровождавшийся бесчеловечной расправой с самим Пиготом и другими старшими офицерами. Судно ушло в Испанию, с которой Англия в то время воевала. Впоследствии фрегат захватили англичане, бунтовщиков выследили и экстрадировали на родину, где они предстали перед судом, многие из них были казнены.

93

Брахма — в индуистской мифологии высшее божество, создатель Вселенной, носитель высшей мудрости и основа миропорядка.

94

Финнбоги — герой средневекового исландского эпоса «Сага (сказание) о Финнбоги Сильном» (X–XI вв.), по некоторым сведениям имеющего исторические основы и повествующего о происхождении кланов и вражде между ними. Как обычно, устное бытование этой саги сопровождалось различного рода вкраплениями в реальное повествование деталей фантастического и сказочного характера. Отрывок приводится в переводе Ф. Батюшкова.

95

Осаджи (осажи, осейджи) — племя североамериканских индейцев, некогда населявшее равнины Среднего Запада, в частности территории современных штатов Миссури и Иллинойс (южная часть), но впоследствии вытесненное европейскими переселенцами в Оклахому, где сейчас и расположена их резервация. Принадлежит к языковой группе сиу.

96

...в книге *«Предания североамериканских индейцев»*. — Книга Джеймса Атерна Джоунса (1791–1854) впервые издана Университетом Мичигана в 1817 году под названием *«Tales of an Indian Camp»* и позднее переиздана в Лондоне (1830). Это трехтомный труд, содержащий записи фольклора североамериканских индейцев. Точка зрения Джоунса на приводимый Бэринг-Гулдом миф осаджей несколько иная. Джоунс полагал, что большинство индейских мифов представляют собой своего рода хроники, в которых реальная история сопровождается образным (сказочным) колоритом, и что на самом деле индейцы вполне отчетливо осознавали разницу между животным и человеком. В частности, он объясняет происхождение этого мифа тем, что основатель рода, возможно, женился на женщине из клана, чьим тотемом (символом) был бобр.

97

Батлер — возможно, имеется в виду Уильям Батлер (1535–1618), английский врач.

98

...как выразился поэт... — Речь идет о Генри Вогене (Воэне; 1622–1695), враче и поэте-метафизике из Уэльса, известном «сакральными», то есть обращенными к душе и Богу, стихами.

99

Тор — один из асов, богов скандинавской мифологии, по некоторым мифам — сын главы богов Одина. Тор ассоциируется с грозой, громом и молнией, описывается как рыжебородый, могучий и простоватый воин, владелец небесного молота Мьёлнира.

100

Кэдмон (?—680) — по свидетельству Беды Достопочтенного, первый христианский поэт в истории Англии. Простой неграмотный пастух, Кэдмон обрел искусство слагания стихов не от людей, а от Бога. Кэдмон перекладывал на стихи рассказанный ему библейский текст, в частности истории о Сотворении мира, происхождении человека и т. д. Его поэтический дар произвел такое впечатление на Хильду, аббатису монастыря Уитни, что она приняла его в монастырь, где он и провел остаток жизни. Многие исследователи сомневаются в авторстве Кэдмона, приписываемом стихотворению, процитированному здесь Бэринг-Гулдом («Грехопадение»).

101

...в одеянье из перьев, на ветру шелестевших». — В переводе В. Тихомирова — «на легких крыльях».

102

...этого урало-алтайского народа... — До настоящего времени среди ученых не выработана единая точка зрения относительно происхождения народа басков.

103

Эсхил (ок. 525–456 до н. э.) — древнегреческий драматург. Фрагмент трагедии «Прометей прикованный» дается в переводе В. Нилендера.

104

Еврипид (ок. 480–406 до н. э.) — древнегреческий драматург. Отрывок из трагедии «Геракл» приводится в переводе И. Анненского.

105

Бромптон Джон (? — ок. 1464) — монах из Джерво, с 1437 года настоятель монастыря. Приписываемая ему летопись описывает события с 588 по 1198 год.

106

Тифей, как воплощение урагана или тайфуна... — Бэринг-Гулд несколько произвольно трактует этот мифологический образ. Тифон (Тифоей), согласно большинству исследователей, является образной персонификацией не грозовой тучи, а вулканической деятельности, и в «Теогонии» Гесиода, а также у Пиндара, Аполлодора и Эсхила он «забрасывает раскаленными скалами небо и носится с шумом и свистом». Не случайно Зевс, побеждая Тифея, бросил в него гору Этну (известный вулкан), и из-под этой горы с тех пор постоянно вырывались языки пламени и раскаленные камни. К тому же, убегая от разъяренного Тифея, боги обращались вовсе не в белые облака, а в животных, как утверждает Аполлодор в «Мифологиках».

107

Гесиод (VII или VIII в. до н. э.) — первый исторически достоверно установленный греческий, а значит, и европейский поэт. Наиболее известны дошедшие до наших дней его произведения «Теогония» и «Труды и дни». Отрывок из «Теогонии» приводится в переводе В. Вересаева.

108

Вритра (санскр. «затор, преграда») — в древнеиндийской мифологии перворожденный демон, — олицетворение косного хаоса, противник Индры, преграждающий течение рек, воплощение мощи первозданных вод, ассоциируется с громом, молнией, градом, туманом, наводнением.

109

Ракшасы — в ведической мифологии представители многочисленного разряда демонов — воплощений ночи и мрака, имеющих вид либо многоглавого чудовища с огненной пастью и окровавленными клыками, либо хищной птицы или зверя. Во многих мифах ракшасами становятся люди, совершившие при жизни дурные поступки, и даже полубоги-гандхарвы в результате наложенного на них проклятия.

110

Махабхарата — величайший индийский эпос, датируемый примерно VII веком до н. э., одно из крупнейших в мире произведений эпического жанра. Повествует о судьбе потомков царя Бхараты и кровавой распри между кланами двоюродных братьев Пандавов и Кауравов. Представляет собой сложный комплекс поэм, притч, нравоучений, философских рассуждений, мифов, гимнов и других видов текста. Важнейшую часть Махабхараты

составляет позднейшая вставка религиозно-философского характера Бхагават-гита — священное писание индуизма.

111

Катхасаритсагара — «Океан сказаний» (санскр., букв. «океан рек повестей») — составленное в XI веке на санскрите кашмирским поэтом Сомадевой стихотворное собрание сказок, новелл и легенд.

112

Мишле Жюль (1798–1874) — французский историк романтического направления, оставивший многотомные исследования по истории Франции. Главные сочинения Мишле: «История Франции» (до 1789) и «История Французской революции».

113

Мартен Анри (1810–1883) — французский историк, автор многотомной «Истории Франции». Известен также как писатель, автор нескольких романов. Впоследствии его исследования подвергались критике, особенно в отношении ранней и средневековой истории Франции, где он порой дает волю воображению и эмоциям.

114

Дюнуа Жан (1402–1468) — побочный сын герцога Луи (Людовика) Орлеанского, вначале носивший официальный титул «монсеньор бастард», один из самых талантливых французских полководцев и стойких приверженцев Жанны д'Арк. После ее гибели руководил многими военными действиями против англичан. В 1439 году получил графский титул в дар от своего брата, герцога Карла Орлеанского.

115

Сентрайль Жан Потон де (1390–1461) — французский полководец эпохи Столетней войны. Участвовал в освобождении Нормандии и при вступлении королевской армии в Руан в июне 1451 года удостоился чести идти рядом с королем и нести его меч. После окончания Столетней войны ему было присвоено звание маршала Франции.

116

Илье Флоран д' (1401–1459) — французский полководец, один из сподвижников Жанны д'Арк, военачальник наемных гасконских отрядов. В хрониках Столетней войны упоминается «мессир д'Илье».

117

Гокур Рауль VI де (?—1462) — сеньор де Гокур, Аржикур и Мэзон-сюр-Сэн, французский военачальник. Именно его Карл VII направил к папе Каликсту III для пересмотра процесса над Жанной д'Арк.

118

Ришмон Артур де, герцог Бретонский, Артур III (1393–1458) — коннетабль Франции с 1425 года, герцог Бретани с 1457 года, пэр Франции, видный французский государственный деятель и полководец эпохи Столетней войны, соратник Жанны д'Арк, инициатор военной реформы, которая позволила Франции создать хорошо обученную регулярную армию.

119

...в День святого Варнавы... — то есть 11 июня.

120

...накануне Дня святого Варфоломея... — то есть накануне 24 августа.

121

...членом кармелитского братства... — Орден кармелитов был основан в середине XII века во время Крестовых походов монахами, прибывшими в Святую землю из Западной Европы и поселившимися у источника Святого Илии на горе Кармель. Учредителем ордена считается крестоносец Бертольд Калабрийский, по просьбе которого патриарх Альберт Иерусалимский между 1206 и 1214 годом составил монашеский устав, отличавшийся особенной строгостью, — кармелиты должны были жить в уединении, постоянно молиться, соблюдать строгие посты, в том числе полностью отказаться от мяса, а также значительное время проводить в полном молчании. Существует и по сей день, представлен во многих странах Европы, в том числе в России.

122

De profundis (лат. Из бездны взываю) — псалом 130 из «Песней восхождения», который читается как отходная молитва над умирающим.

123

Dies irae, Судный день (лат., букв. «день гнева») — в католическом богослужении гимн, исполняемый во время заупокойной литургии, реквиема; написан в XIII веке францисканским монахом Томмазо ди Челано.

124

Форнари в своей «Занимательной и познавательной истории колдовства»... — Речь идет о книге: *Giraldo M. de. Histoire curieuse et pittoresque des sorciers, devins, magiciens, astrologues, voyants, revenants, etc., depuis l'antiquité jusqu'à nos jours. Revue et augmenté par M. Fomari. Paris, 1846.* Бэринг-Гулд ошибочно ссылается на профессора Форнари как на автора указанной книги, тогда как он является ее редактором, дополнившим средневековый труд монаха-бенедиктинца Матиаса Джиральдо.

125

Кайзерсберг Иоганн Гейлер фон (1445–1510) — доктор теологии, прославленный деятель Церкви времен Позднего Средневековья, писатель, собиратель фольклора, проповедник, значительную часть жизни провел в Страсбурге. Некоторое время преподавал в Университете Фрайбурга, но затем вернулся к деятельности проповедника. Проповеди его были записаны, и многие из них изданы уже посмертно. Упомянутый Бэринг-Гулдом сборник вышел в свет в 1516 году.

126

Паули Иоганнес (1455–1530) — монах ордена францисканцев, писатель, проповедник. В 1506–1510 годах находился по поручению ордена в Страсбурге, где на него произвел большое впечатление Иоганн Гейлер. Паули записывал, а позднее и издавал его проповеди.

127

Винцент из Бове (1190–1264) — доминиканский монах, богослов, ученый-энциклопедист, философ и педагог. Его главный труд — универсальная энциклопедия «Великое зеркало», частью которой является «Историческое зеркало».

128

Валерий Максим (I в.) — древнеримский писатель, историк.

129

Пророк Елисей (евр. Элиша, «Бог помог») — пророк, любимый ученик и преемник пророка Илии. Его деятельность ознаменована многочисленными чудесами, которые, согласно Библии, свидетельствовали о благоволении Божьем. Чудеса Елисея обычно отмечены добротой и милосердием, в отличие от сурового Илии, но и Елисей порой прибегал к жестоким наказаниям по отношению, например, к дразнившим его детям (Четвертая книга Царств, 2–23, 24).

Т. Казакова

Примечания

1

Пер. В. Жуковского.

2

Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой. М., 1997. С. 85.

3

Соколова З. П. Культ животных в религиях. М., 1972. С. 152.

4

Иванова-Казас О. М. Мифологическая зоология. СПб., 2004. С. 13.

5

Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М., 1992. Т. 2. С. 235.

6

Бирлайн Д. Ф. Параллельная мифология. М., 1997. С. 160.

7

Малиновский Б. Магия, наука и религия. М., 1998. С. 141.

8

Хейзинга Й. Осень Средневековья. М., 1988. С. 273–274.

9

Левкиевская Е. Мифы русского народа. М., 2006. С. 360.

10

The Bestiary. A Book of Beasts / Ed. by T. H. White. N. Y., 1960. P. 59.

11

Даркевич В. П. Народная культура Средневековья. М., 1988. С. 56.

12

Добиаши-Рождественская О. А. Культура западноевропейского Средневековья. М., 1987. С. 175.

13

Там же. С. 174–175.

14

Единственная до сих пор книга С. Бэринг-Гулда, опубликованная в русском переводе: *Баринг-Гоулд С.* Мифы и легенды Средневековья. М., 2009. Разночтение в имени писателя объясняется разными принципами передачи на русский язык: в указанном издании переводчики пользовались более архаичным приемом транслитерации (побуквенная передача): в настоящем издании принята передача имени в транскрипции (передача звучания) — именно так звучит имя писателя в английском произношении.

15

Волки-оборотни (*фр.*).

16

Боже мой! (*фр.*)

17

Это англичанин (*фр.*).

18

Шкура тюленя часто использовалась как средство против колдовства и порчи. Ср.: *Gisla Saga Sursonnar* (Сага о Гисли, сыне Кислого). Р. 34; *Laxdæla Saga* (Сага о людях из Лососьей Долины). С. 37, 38). — *Здесь и далее прим. автора.*

19

Hie (Syraldus) septem filios habebat, tanto veneficiorum usu callentes, ut saepe subitis furoris viribus instincti solerent ore torvum infremere, scuta morsibus attrectare, torridas fauce prunas absumere, extructa quaevis incendia penetrare, nec posset conceptis dementiae motus alio remedii genere quam aut vinculorum injuriis aut caedis humanae piaculo temperari. Tantam illis rabiem sive saevitia ingenii sive furiarum ferocitas inspirabat. (У него (Сиральда) было семь сыновей, все могущественные колдуны, и они часто впадали в бешенство и дико выли, кусали свои щиты, глотали горячие уголья и проходили сквозь огонь; их ярость могла смягчить разве что крепкая цепь или кровопролитие. Причиной тому безумию был их собственный кровожадный нрав или злоба демонов, которые вселялись в них). — *Saxo Gramm[aticus]. Gesta Danorum*] (*Саксон Грамматик. Деяния датчан*), VII.

20

Ульф (др.-исл. *Ulf*) — волк.

21

Подробнее об этом см. в главе «Мифологические источники оборотничества».

22

Olaus Magnus. Historia de Gent[ibus] Septent[rionalibus]. Basil. 15. Lib. XVIII. Cap. 45.

23

Majoli Episc. Vulturoniensis, Dies Canicul[ares]. Helenopolis, 1612. Tom. II. Colloq. 3.

24

Peucer K. Comment[arius] de Praecipuis Divin[ationum] Generibus. 1591. P. 169.

25

Проповедь цит. по сочинению Э. Мартена и Ю. Дюрана, IX: 217.

26

Hartung Phil[ipp], Conciones Tergeminæ [in festa totius anni...] Pars II. P. 367.

27

John Eus. Nuremberg. De Miracul. in Europa. Lib. II. Cap. 42.

28

Переложение того же сюжета об оборотне можно найти в сборнике Дж. Эллиса. См.: *Ellis G. Early English Metrical Romances*.

29

Supplement III. Curieuser und nutzbarer Anmerkungen von Natur und Kunstgeschichten, gesammelt von Kanold. 1728.

30

Bruce Whyte [A.] Histoire des langues romanes [et de leur littérature...] [Paris, 1841]. Tom II. P. 248.

31

Fincelius [H.] De Mirabilibus. Lib. XI.

32

Nynauld [J. de.] De la lycanthropie, [transformation et extase des sorciers]. Paris, 1615. P. 52.

33

De medend[is] human[i] corp[oris] malis ars medica... Lib. I. Cap. 9.

34

Оригинальный текст приговора: «La cour du Parliament, par arrêt, mist l'appellation et la sentence dont il avoit esté appel au néant, et, néanmoins, ordonna que le dit Roulet serait mis à Phospital Saint Germain des Prés, où on a accoustumé de mettre les folz, pour y demeurer l'espace de deux ans, afin d'y estre instruit et redressé tant de son esprit, que ramené à la cognoissance de Dieu, que l'extrême pauvreté lui avoit fait mescognoistre».

35

Hartshome [Ch. H.] Ancient Metrical Tales. [London, 1829.] P. 256. См. также: «The Witch Cake» в [R. H.] Crumek's Remains of Nithsdale [and Galloway] Song. [London, 1810.]

36

«Мы часто видели в Англии, как во время полнолуния люди превращаются в волков, которых род человеческий называет по-разному: галлы зовут их герульфами (*gerulfos*), англы же — вервольфами (*wer-wlf*), ибо в их наречии *wer* значит „человек“, а *wlf* — „волк“» (*лат.*).

37

Lindsay [of Pitscottie R. The] Chronicles of Scotland. [Edinburgh], 1814. P. 163.

38

[Andrew of] Wyntoun. Chronicle. Tom II. P. 236.

39

[Winther Ch., Winding A. F., Weyse Ch. E. F.] Kjæmpeviser: [hvis melodier ere harmonisk]. P. 147.

40

Sacharow. Inland. 1838. № 17.

41

В альманахе «All the Year Round», № 162, можно найти подробное описание этого процесса, сделанное очевидцем.

42

Случай с Андреасом Бихелем описан в книге леди Дафф Гордон «[Narrative of] Remarkable Criminal Trials» (Знаменитые уголовные процессы). [London, 1846].

43

Gall [F.J.] Sur les Fonctions du Cerveau. Tom IV.

44

[*Spurzheim J.* Phrenology, or The] Doctrine of the Mind; [and of the Relations between its Manifestations and the Body]. P. 158.

45

Beiträge zur philosophischen Anthropologie. Wien, 1796.

46

Observationes Medic. Lib. IV. De Gravidis.

47

[*Gruner Ch. G., Duncker H. H. G.*] De Anthropophago bercano [section posterior paphologica: dissertation]. Jena, 1792.

48

[*Marc Ch. H., Ideler K. W.*] Die Geisteskrankheiten [in Beziehung zur Rechtspflege]. Berlin, 1844.

49

[Chronicon Johannis Brompton]. Apud [Rogeri] Twysden Hist[oriae] Anglica[nae] Script[ores]. X. [London], 1652. P. 1216.

50

История сира де Реца подтверждает, какая великая опасность подстерегает тех, кто в делах религии полагается на чувства. «Если же хочешь войти в жизнь вечную, соблюди

заповеди», — заповедал Господь. Сколь многие надеются попасть в рай только потому, что они исполнены благочестия!

51

«...На меня что-то внезапно накатило, я словно повредился в уме, сердце бурно колотилось, я не владел собой» (фр.).

52

«Я излечился, так как теперь я боюсь мертвых» (фр.).

53

В сборнике эта речь озаглавлена «Am drittē sontag à fastē, occuli, predigt dé doctor vò dé Werwölffenn» (На третье воскресенье Великого поста, проповедь доктора о вервольфах).

АЗБУКА-КЛАССИКА

Волк-оборотень, вервольф — один из наиболее ярких персонажей народной фантазии, излюбленный герой фольклорных и художественных произведений от античности до наших дней. О нем писал Петроний в «Сатириконе», он действующее лицо исландских саг, древнерусской поэмы «Слова о полку Игореве», герой романов Александра Дюма-отца «Предводитель волков» и современного испанского писателя Альфредо Конде «Человек-волк». Не забывает о вервольфе и Джоан Роулинг в своем знаменитом «Гарри Поттере»... Без него невозможно себе представить современную индустрию развлечений (кино, компьютерные игры, комиксы и пр.). В чем загадка столь необыкновенной популярности вервольфа? В «Книге оборотней», изданной впервые в 1865 году, Сабин Бэринг-Гулд, англиканский священник и проповедник, писатель, агнограф, ученый и собиратель фольклора, пытается исследовать природу оборотничества. Этот труд уже давно стал классическим. Автор обращается к мифологии разных народов, сюжетам средневековой литературы, историям об удивительных превращениях, якобы происходивших с людьми в XVII–XIX веках, материалам судебных процессов над серийными убийцами (в том числе Франсуа Бертрамом и знаменитым маршалом Жилем де Рецем, сподвижником Жанны д'Арк). Написанная живым и ярким языком, эта работа безусловно привлечет внимание тех, кого интересуют аномальные явления нашей действительности и вопросы, связанные с особенностями человеческой психики. Книга переведена на русский язык впервые.

ISBN 978-5-389-01025-3 01

9 785389 010253

**Сабин
БЭРИНГ-ГУЛД**
1834 – 1924

В оформлении обложки
использован фрагмент картины
С. Боттичелли «История Настаджо
дельи Олести». 1483

www.azbooka.ru